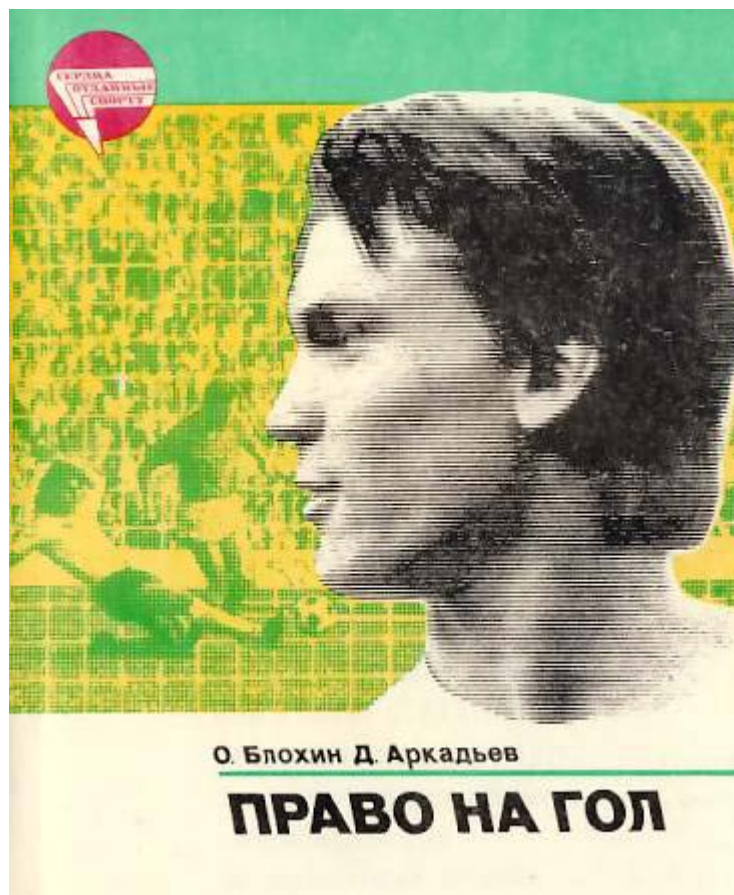

Олег Владимирович Блохин, Дэви Аркадьевич Аркадьев Право на гол

Scan, OCR&Spelcheck Stanichnik <http://lib.aldebaran.ru>
«Право на гол»: Физкультура и спорт; Москва; 1984

Аннотация

Эту книгу можно назвать исповедью знаменитого футболиста. Олег Блохин рассказывает в ней о том, что его остро волнует. В книге описаны самые интересные матчи, в которых ему, игроку киевского «Динамо» и сборной, довелось участвовать.

Олег Владимирович Блохин, Дэви Аркадьевич Аркадьев Право на гол

Вместо предисловия

О футболистах наши болельщики знают многое: и количество забитых голов, и любимые финты, и сколько игр сыграл за сборную. Но жизнь кумира вне стадиона чаще всего известна публике лишь по фельетонам да слухам. Поэтому, когда в 1973 году я в первый раз пришел к Олегу Блохину, чтобы поближе познакомиться с молодым, но уже самым результативным форвардом киевского «Динамо» и сборной СССР, я открыл для себя в знакомом спортсмене новые, неизвестные дотоле черты.

– Мальчишкой мне казалось, что у футболистов веселая, интересная и даже беззаботная жизнь, – рассказывал Блохин. – Летают из города в город, из страны в страну. Одна лишь забота – забивай голы! Очень скоро убедился: главное для футболиста – это труд, труд и еще

раз труд. Посмотрите, как работают на тренировках Женя Рудаков, Володя Мунтян или Витя Колотов, да, впрочем, и вся команда – до седьмого пота, до чертиков в глазах.

В беседе, как и на поле, он быстро «заводелся». Говорил запальчиво и напористо, словно боялся, что собеседники его не поймут.

– У каждого из нас есть друзья, жена или невеста, любимый театр, – продолжал Олег. – Но как много времени в течение сезона я и мои товарищи можем отдавать им? К сожалению, гораздо меньше, чем хотели бы. Думаете, жалуюсь? Нет, просто хочется, чтобы люди знали и оборотную сторону медали.

...В квартире на улице Уманской, где жил тогда со своими родителями Олег, все напоминало о спорте – вымпелы, значки, кубки, медали. Что ж, так и должно быть. Все члены этой семьи – спортсмены в прошлом или в настоящем. Мать Олега Екатерина Адаменко – заслуженный мастер спорта, отец Владимир Блохин ни в одном из видов спорта, которыми занимался, высоких результатов не добился, но полюбил спорт и со временем стал руководителем городской организации общества «Трудовые резервы». Нарушил семейную традицию лишь старший брат Олега Николай, который, получив первый разряд, ушел из легкой атлетики. Он увлекся химией, стал кандидатом наук.

В одной из статей как-то писали, что путь Олега Блохина в спорте был удивительно легок и прост: «Все четко и прямо. Юношеская команда „Динамо“, дублирующий состав, молодежная, первая, олимпийская сборная страны. И в каждой из команд – голы, голы, голы...» Когда я процитировал Блохину эти строки, он громко рассмеялся:

– Прямо как в рождественской сказке о везучем мальчишке! К сожалению, а может быть, к счастью, в жизни все много сложнее. Я ведь довольно долго сидел на скамье запасных. А когда мне наконец дали футболку основного состава, команда не сразу меня приняла.

– Выли обиды?

– Нет, все справедливо. Почти все молодые входили именно так. Особенно форварды. Судите сами, сколько сил, нервов и энергии тратится на то, чтобы создать у ворот соперника голевую ситуацию. И все может пойти насмарку – и чаще всего так и случается! – если ошибается тот, кому доверяют завершить атаку. Так что за прошлое я не в обиде на товарищей по команде. Право на завершающий удар, если хотите, право на гол, надо заслужить.

В современном футболе для успеха, кроме всех прочих компонентов, необходима скорость. Стометровку Блохин пробегал в пределах одиннадцати секунд! Видимо, это качество у него от мамы. Еще в 1969 году на районных соревнованиях школьников он выполнил первый разряд в спринте. Может быть, в шутку, но Валентин Петровский, тренер Валерия Борзова, Блохину-форварду предлагал поменять футбол на спринт, утверждая, что в этом и есть истинное призвание Олега.

Чаще всего хороший форвард обладает своим «секретным оружием», которое действует до тех пор, пока соперники его не разгадали. Видимо, поэтому лишь немногим советским нападающим удавалось из года в год показывать высокую результативность. Одна из моих бесед с Олегом состоялась в ту пору, когда он в четвертый раз (кряду!) стал самым результативным нападающим чемпионата Советского Союза. Я спросил его тогда:

– Вы не опасаетесь, что защитники скоро найдут все же против вас контригру?

– Об этом я задумывался еще в семьдесят втором году, когда впервые получил приз лучшего бомбардира чемпионата страны. В следующем сезоне голы давались труднее. На что рассчитывать дальше? Мы, футболисты, нередко думаем о Пеле. Защитники ведь не могут посетовать на то, что у них не было времени изучить короля футбола. А он все же забил свою тысячу голов!

– Мечтаете повторить рекорд Пеле?

– Об этом как-то не думал, а войти в символический «Клуб Федотова» хочу.

Блохин окончил институт физкультуры, а затем поступил на юридический факультет Киевского университета. Возможно, он еще твердо не остановился в выборе будущей профессии, потому что вся его жизнь была наполнена футболом. Популярность киевского динамовца стремительно росла. И не только в стране...

Вспоминаю встречу в 1975 году с центрфорвардом римского клуба «Лацио» и сборной

Италии Джорджио Кинальей, которого так же, как и Пеле, приглашали в американскую команду «Космос». Кстати, со слов самого Кинальи я узнал, что хозяин «Космоса» – шеф компании «Банер» мистер Росс – большой друг Кинальи. Мое знакомство с популярным итальянским футболистом произошло в Одессе, где «Лацио» проводил матч с местным «Черноморцем» на Кубок УЕФА. Семья Кинальи жила в Соединенных Штатах, и он почти ежемесячно летал повидаться с женой и детьми. Мой собеседник считал себя почти хозяином «Космоса».

– Мистер Росс любит футбол, но ничего в нем не смыслит, – говорил Кинальи. – Поэтому шеф доверяет моим советам.

Разумеется, интересно было поговорить с человеком, который знал все о «Космосе» и о буме, связанном с приглашением в команду Пеле.

Мы сидели с Джорджио в баре одесской гостиницы «Черное море». Он охотно вел беседу. Кинальи рассказал, что по условиям контракта за три года Пеле должен получить около семи миллионов долларов и за это время сыграть в футболке «Космоса» 90 матчей.

– Приличная сумма, но это ведь ставка для Пеле! Он – легенда футбола! – воскликнул Кинальи.

– А сколько платят остальным? – поинтересовался я.

– Хорошим игрокам «Космос» хорошо платит, но где их взять?! Кстати, сколько может стоить Блохин?

Итальянец испытывающе посмотрел на меня.

– Вы видели Блохина в игре? – поинтересовался я.

– Да, когда сборная Италии встречалась с вашей командой в Москве. Видел разочек и по телевизору, когда «Динамо» играло с «Ференцварошем» в финале Кубка кубков. Не надо быть большим мудрецом, чтобы понять: Блохин – форвард экстракласса! В наших газетах о нем уже писали как о суперзвезде.

Вопрос Кинальи о цене Блохина я принял за шутку и ответил шуткой: обещал после возвращения в Киев поговорить с Блохиным и с руководителями «Динамо». Но Кинальи не шутил. Он говорил серьезно.

– О'кей, синьор, поговорите, – оживился итальянец. – Это будет неплохая сделка. Поверьте, за этого парня сейчас заплатят не намного меньше, чем за Пеле...

Не скрою, такое из уст именитого форварда профессионального клуба было приятно слышать. Ведь так высоко давненько не ценили советских игроков. Но я вынужден был огорчить своего собеседника, просветив на тот счет, что в Советском Союзе футболистам неведома купля и продажа игроков. Кинальи не знал этого, а узнав, присвистнул:

– Просто сказки какие-то! Ваши парни должны быть поистине счастливы...

Летом 1975 года, когда мы с одним московским журналистом пришли домой к Олегу Блохину, он был печален. Его ногу до самого колена прятали бинты, и он время от времени ладонью поглаживал их, будто пытался усмирить боль. У нас было заготовлено к Блохину сорок вопросов. И, помнится, первый мы задали на злобу дня:

– О чем вы, Олег, думаете, когда, прихрамывая, идете по полю после грубой игры соперника?

Он помрачнел еще больше.

– О боли своей думаю, – сказал Блохин. – Прислушиваюсь к ней: не опасна ли травма? Смогу ли играть? А бывает, и злость кипит в душе против обидчика. Особенно если тот намеренно ударил по ногам.

Среди прочих мы задали Блохину самый банальный вопрос: как он стал футболистом? Отвечая, он говорил тепло и, казалось, уже забыл о боли. Даже просто говорить о футболе – это чувствовалось – было для него огромным удовольствием.

– Мяч гонял с четырех лет. Прямо на пустырях, во дворе – где придется. В десять лет отец привел меня в динамовскую футбольную школу. После экзамена меня приняли, и я стал учиться футболу.

Во время той беседы 22-летний форвард и не помышлял, что через каких-нибудь полгода попадет в разряд звезд, но в канун нового, 1976 года традиционный референдум, проводимый французским еженедельником «Франс-футбол», назвал форварда киевского «Динамо» и

сборной СССР Олега Блохина лучшим футболистом Европы 1975 года. Он стал обладателем «Золотого мяча».

Прошло еще пять лет. И вот в декабре 1980 года я шел к Олегу Блохину с твердым намерением поговорить с ним о будущей книге. Эта книга, по замыслу издательства, должна быть написана от лица Блохина. И я перебирал в памяти наши прежние беседы, размышляя о том, что захочет рассказать о себе в книге сам Олег.

За окном было морозно, а в комнате тихо, не мешая разговору, звучала музыка, вкусно пах кофе, сваренный двукратной абсолютной чемпионкой мира по художественной гимнастике Ириной Дерюгиной – три дня назад она стала женой Олега Блохина.

– О чем бы мне самому хотелось рассказать в книге? – повторил вопрос Олег. – Думаю, что надо правдиво и честно показать жизнь советского футболиста. Рассказать о ближайших товарищах, о команде. Показать и то, что скрыто от глаз болельщиков. Думаю, что читателю будет интересен футболист и вне футбольного поля. Но это все же, согласитесь, только гарнир. Основное блюдо все-таки футбол – тренировки, матчи, борьба!

– И вы все это хорошо помните?

– Пока помню. Помню, как десятого января 1970 года меня зачислили в команду. Представляете волнение семнадцатилетнего паренька, попавшего в такой знаменитый клуб?! Потом борьба за место в команде. Тоже интересно.

– И голы свои хорошо помните? Их ведь за этот десяток лет уже больше двухсот! Интересно, что вы, Олег, чувствуете, когда забиваете гол?

– Если я скажу, что испытываю радость, то это, видимо, не будет для вас откровением, но это будет правдой. Да, каждый раз – радость, и иначе к этому относиться невозможно. Гол – всегда маленькое чудо.

– А какие из десяти прожитых в большом футболе сезонов оставили у вас наиболее яркое впечатление? О каких в будущей книге надо бы рассказать поподробней?

Он задумался. Потом сказал:

– Каждый оставил какой-то след. Выл по-своему хороши или плох. Десяток разных лет жизни в большом футболе... Конечно же, самые значительные – мои первые золотые медали и Кубок СССР, потом Кубок кубков, Суперкубок! Все это ярко и свежо в памяти.

– Но футбол, как вы сами заметили, состоит не только из приятных моментов – Еще бы! – воскликнул Блохин. – И об этом надо писать. Надо вспомнить о травмах.

– Значит, вы считаете, что необходимо серьезно поговорить о грубости в футболе?

– Естественно! Грубость – это ведь серьезная проблема и в нашем футболе, и в мировом... Одним словом, нам есть о чем рассказать.

– В таком случае давайте, Олег, рассказывайте, а я буду добросовестно записывать ваш рассказ.

...Приблизился 1981 год, и мы договорились, что с первых дней января начнем работу над книгой. Начали только в апреле. Это оказалось не таким уж простым делом. Главное препятствие – отсутствие свободного времени у Блохина. Порой все мои попытки встретиться с Олегом для очередной беседы заканчивались лишь телефонными переговорами. Примерно такими, как тот, июньским днем, когда Блохин прилетел из Алма-Аты. Там динамовцы Киева сыграли вничью с местным «Кайратом» последний матч первого круга чемпионата СССР 1981 года, они уверенно возглавляли турнирную таблицу. Итак, я позвонил ему в полдень на следующий день после матча в Алма-Ате.

– С приездом, Олег, с удачным завершением первого круга. Как ваше расписание?

– Завтра утром улетаю.

– Значит, мы сегодня не встретимся?

– Пока даже не могу сообразить. Всю ночь летел, не спал. Думал дома хоть немного отдохнуть, но здесь столько дел! Вчера жена улетела в Сухуми, а мне оставила такой список поручений, что его за сутки не выполнить... Еще свою форму надо успеть постирать, вещи в дорогу собрать. Я присоединюсь к команде только после игры в Москве в составе сборной. Если ничего не помешает, Ирина туда прилетит, и мы эти несколько дней пробудем вместе.

– Олег, к сожалению, наши литературные дела обстоят гораздо хуже, чем выступления «Динамо» на чемпионате страны: команда набирает очки с опережением графика, а вот

материал для книги собран лишь процентов на тридцать...

– О-о, если бы это только от меня зависело! Может быть, в июле-августе наверстаем упущенное...

Были и некоторые другие сложности. Блохин, к примеру, охотно рассказывал об отце или о матери, о своих товарищах по клубу и сборной страны и, как правило, отделялся скупыми замечаниями о самом себе, о своей игре. Все это подсказало форму книги. Ее основа – рассказ Олега Блохина. А там, где он по скромности или забывчивости что-либо упускал или умалчивал, рассказ дополнялся сведениями, почерпнутыми из бесед с его родными и друзьями, школьными учителями и тренерами по футболу. О нем охотно рассказывали. Я постоянно чувствовал, что тема эта близка моим собеседникам.

В иных случаях я позволял себе авторские отступления. Впрочем, старался этим не злоупотреблять, ибо знал, что читатель ждет исповеди самого футболиста.

Итак, рассказывает Олег Блохин.

ГЛАВА I. СРЕДИ ЗВЕЗД

В Дортмунде

Это был последний матч уходящего 1979 года: сборная мира против «Боруссии» (Дортмунд). Весь сбор от игры шел в детский фонд ООН (ЮНИСЕФ), и, вероятно, поэтому команду, составленную из сильнейших игроков мира, именовали «гуманные звезды». Узнав о том, что меня приглашают в состав этой команды, я вместе с радостью почувствовал неприятный холодок и какую-то скованность. Мне впервые предстояло выйти на поле в команде звезд! Получится ли? Ведь, выступая в одной команде с лучшими игроками, имена которых известны во всем мире, я должен был достойно представлять советский футбол. В свое время мои соотечественники, игравшие в подобные команды, выглядели не хуже своих именитых коллег из профессиональных клубов. Когда я еще только-только делал первые шаги в футбольной школе «Юного динамовца», наши замечательные спортсмены Лев Яшин, Альберт Шестернев и Слава Метревели в составе сборной ФИФА играли, например, на знаменитом стадионе «Маракана» в Рио-де-Жанейро в матче против сборной Бразилии, устроенном в честь празднования юбилея бразильского футбола. И пресса высоко оценила их мастерство. И в другие годы наших спортсменов охотно приглашали в сборные мира и Европы. Теперь настал мой черед.

В Дортмунде мое волнение усилилось: футбольные звезды, фотографии которых не сходили со страниц популярных на западе журналов и газет, были совсем рядом. Я пытался избавиться от скованности, но... Психология в спорте вещь серьезная. «Корой» я убеждал себя, что могу сыграть не хуже, чем приглашенные в сборную именитости, но «подкорка», видимо, брала свое: на протяжении многих лет футбольной жизни я слишком много слышал о необыкновенной силе профессиональных клубов и их звезд.

Сборную мира к матчу с «Боруссией» готовили тренеры Бранко Зебец («Гамбург») и Хеннес Вайсвайлер («Кельн»). Мы провели матч в таком составе: вратарь Пантелпч («Црвена звезда», Белград, Югославия), линия обороны – Кальтц («Гамбург», ФРГ), Крол («Аякс», Амстердам, Голландия), Пеццай («Эйнтрахт», Франкфурт-на-Майне, ФРГ) и Беккенбауэр («Космос», Нью-Йорк, США), игроки середины поля и нападения – Боттерон («Цюрих», Швейцария), на 61-й минуте его заменил Сикс (марсельский «Олимпик», Франция), Киган («Гамбург»), Сушич («Сараево», Югославия), на 71-й минуте его заменил чехословацкий футболист Паненка из пражского «Богемиянса», Круифф («Лос-Анджелес Ацтеке», США), Ханси Мюллер («Штутгарт», ФРГ), Блохин («Динамо», Киев, СССР), а на 61-й минуте меня заменил Петрович из «Црвены звезды».

В игре я ловил себя на мысли, что любуюсь 35-летним Францем Беккенбауэром. Хотя он и сменил футболку «Баварии» на американский «Космос» и шел уже шестнадцатый год его жизни в большом футболе, но игра его по-прежнему была безупречной. Один из лучших игроков чемпионата мира в Лондоне (1966 год), Беккенбауэр выглядел не менее блистательно

на последующих двух мировых чемпионатах и не случайно был включен в символическую сборную мира за двадцать лет – с пятидесятого по семидесятый годы. О таком игроке смело можно сказать: универсальный мастер! Отлично подготовленный физически и технически, он прекрасно владел пасом и ударом с двух ног. Я хорошо знал его по встречам с «Баварией» и думаю, что понял, в чем сила его игры. Беккенбауэр – это игрок, который, получив мяч, лишь в редчайших случаях сразу от него избавляется. Он делал это только тогда, когда его слишком жестко атаквали и не было никакой перспективы выиграть единоборство. А вообще он любил подержать мяч секунды три-четыре, в течение которых обстановка на поле обязательно менялась. И тогда следовал его знаменитый пас – точно в соответствии с этим изменением обстановки! – в самом выгодном направлении. В самом выгодном из всех, какие только возможны! О его пасе можно сказать также, как некогда отзывались о пасе Эдуарда Стрельцова: «Мяч, посланный им, имеет глаза».

В первом тайме острых моментов было довольно много у обоих ворот, но он все же закончился нулевой ничьей. Сборная вышла на поле без предварительных совместных тренировок, но даже играя «с листа», порой демонстрировала футбол высокого класса.

Через двенадцать минут после перерыва югослав Сушич открыл счет. Минут десять спустя заменивший меня на левом краю Петрович из «Црвени звезды» отлично пробил по воротам «Боруссии», и счет стал 2:0 в пользу сборной. Мне казалось, что «гуманные звезды» смогут удержать победный результат, но гол Петровича словно бы послужил сигналом хозяевам поля к массивным атакам. Инициатива надолго перешла к «Боруссии» и в конце концов была ее игроками материализована. На 78-й и 83-й минуте Феге удалось сравнять результат, а на исходе встречи Хольц забил третий мяч. В итоге поражение сборной – 2:3.

Несмотря на поражение «гуманных звезд», в команду которых я был включен впервые, я улетаю из Дортмунда в хорошем настроении. Его легко было объяснить. Выйдя на поле вместе с мастерами экстракласса, я быстро почувствовал, что играю в один футбол с ними, легко изъясняюсь с иностранцами на языке паса. Робость и благоговение перед звездами развеялись, тем более что сразу после матча я получил несколько предложений от профессиональных клубов. К примеру, весной 1981 года прямо на три адреса – мой домашний, клуб киевского «Динамо» и Спорткомитет СССР – пришло официальное письмо из французского города Сент-Этьенн. Руководство клуба предлагало кругленькую сумму в случае моего согласия на контракт. Авторы письма обращали мое внимание на то, что Сент-Этьенн – город в основном рабочий, среди его населения немало коммунистов и даже мэр города – тоже коммунист.

Говорят, что когда одному из руководителей Спорткомитета СССР показали это письмо, он громко рассмеялся: «В матче со «Спартаком» Блохина заменяют, а «Сент-Этьенн» готов заплатить за него огромную сумму?!» Имелся в виду полуфинальный матч на Кубок Советского Союза 1981 года, когда киевское «Динамо» в Москве на крытом стадионе проиграло «Спартаку» и вышло из розыгрыша хрустального приза. Меня тогда действительно заменили после первого тайма. Игра не пошла у всей команды, но старший тренер Лобановский склонен был винить больше всех меня.

Своих «покупателей» из профессиональных клубов я должен был огорчить. А в команде «гуманных звезд» мне повезло сыграть еще раз – в Барселоне.

В Барселоне

В канун 1981 года у меня брали новогоднее интервью. Репортер заглянул в свой блокнот и с пафосом произнес:

– Говорят, под Новый год что ни загадается...

Я понял, что сейчас последует вопрос о моих сокровенных желаниях, о планах. Что ответить? 1980 год, начавшийся для меня не совсем удачно – с залечивания колена после операции, заканчивался вполне благополучно. Я женился, стал членом КПСС, киевское «Динамо» в очередной раз выиграло чемпионат Советского Союза, я забил свой двухсотый гол в официальных матчах. А последнюю игру года я провел в декабре в составе сборной мира. Казалось бы, чего еще желать 28-летнему футболисту, которому повезло играть в одной команде с такими звездами мирового футбола, как Беккенбауэр, Круифф, Бонхоф, Румменигге,

Киналья, Платини... И все-таки, обдумывая ответ на банальный вопрос репортера, я испытывал какое-то смутное чувство неудовлетворенности.

– Итак, мои мечты в спорте? – повторил я вопрос журналиста. – Буду откровенен. В Барселоне, играя за команду звезд, на том самом стадионе, где в восемьдесят втором году будут проходить главные матчи чемпионата мира, я подумал, что хорошо бы здесь сыграть еще разок-другой но уже в составе сборной СССР.

– От кого же зависит, чтобы вы снова надели футболку сборной СССР? От Бескова? – спросил меня репортер.

Вопрос не был оригинален. Мне рассказывали, что в ту пору во многие редакции газет приходили письма болельщиков, которые спрашивали: «Почему Блохина не включают в сборную страны?» С тренером сборной Советского Союза Константином Ивановичем Бесковым у меня действительно не было полного взаимопонимания. В тот период я был отлучен от сборной, за которую играл десять лет кряду, не раз был капитаном и комсоргом этой команды. Но вдаваться в подробности не хотелось, и я ответил:

– Может быть, и от Бескова, но в большей степени, думаю, от меня самого.

...Приглашение сыграть в Барселоне в составе сборной мира я воспринял довольно спокойно. Не переоценивал его. Решил, что тренер из ФРГ Юпп Дерваль, который формировал команду «гуманных звезд», отдает дань не столько моей нынешней игре, сколько прежним заслугам.

Испания. Едва я ступил на ее землю, как сразу ощутил, что прибыл в страну, где в 1982 году пройдет двенадцатый по счету чемпионат мира по футболу. Фюзеляжи авиалайнеров компании «Иберия» украшал футбольный мяч с желто-красным оперением (цвета испанского флага). Испанская печать уже отсчитывала дни, оставшиеся до начала чемпионата, и официальную эмблему можно было увидеть на каждом шагу. Почти все приглашенные в сборную игроки слетелись в Барселону за день до матча, и Дерваль сразу же пригласил нас на тренировку. Впрочем, то, что происходило на мокром после дождя поле небольшого стадиона, мало походило на полноценную тренировку. В основном «гуманные звезды» разминались самостоятельно и каждый по своему вкусу. Вечером был организован совместный ужин. Правда, я не почувствовал, чтобы это мероприятие хотя бы как-то сплотило коллектив, ибо после ужина каждый снова был предоставлен самому себе. Даже в день матча не проводилась совместная зарядка, к которой я так привык в своем клубе.

В раздевалке стадиона на каждом кресле аккуратно висела новенькая, с иголки форма: трусы, футболки, гетры. Но кому ее надевать? Ведь на подобные матчи приглашают обычно семнадцать-восемнадцать игроков. Тренер называет состав. Вслушиваюсь в фамилии, которые на английском звучат непривычно и для верности загибаю пальцы. На счете одиннадцать слышу: «Олег Блохин» и надеваю футболку с номером «11»...

Мы вышли на разминку на поле стадиона «Ноу Камп» (или «Эстадио Миро-Сане»), и стотысячная аудитория болельщиков приветствовала сборную, пожалуй, не менее бурно, чем свою любимую «Барселону», с которой нам в тот день предстояло встретиться. В эти минуты у меня снова мелькнула мысль о двенадцатом чемпионате мира. Ведь именно здесь 13 июня 1982 года состоится его первый матч!

Сборная начала игру в таком составе: Пантелич (Югославия), Брандтс (Голландия), Пеццай (Австрия), Бонхоф (ФРГ), Гордильо (Испания), Круифф (Голландия), Платини (Франция), Мюллер и Румменигге (ФРГ), Киналья (Италия), Блохин (СССР). После прошедшего накануне ливня поле было довольно тяжелым. Хозяева приспособились к нему быстрее и почти на протяжении всего матча имели небольшое преимущество. Правда, и нам моментами удавались удачные контратаки на ворота «Барселоны». Но они не отличались дружными действиями команды, а были результатом отдельных всплесков больших мастеров футбола.

На тридцать третьей минуте после удара маленького реактивного Симонсена мяч влетел в ворота сборной, и «Барселона» повела в счете. После перерыва великолепно сыгравший в этом матче Шустер забил второй гол. Проигрывая 0:2, мои партнеры немного активизировались. Самолюбие «звезд» все же взыграло! И спустя три минуты после пропущенного нами второго гола мексиканец Санчес, вышедший во втором тайме на замену, сократил разрыв в счете – 1:2.

Но через двадцать минут последовал точный удар Мартинеса – и мяч снова влетел в сетку ворот сборной. За четыре минуты до конца встречи Бонхоф сократил разрыв в счете до минимума, и финальный свисток зафиксировал победу «Барселоны» со счетом 3:2.

Команды покидали поле под аплодисменты заполненных до отказа трибун. Чувствовалось, что болельщикам игра понравилась. Я был огорчен тем, что не забил гол, но это не испортило моего общего хорошего впечатления от матча. На этот раз в команде звезд я чувствовал себя вполне уверенно. У меня все получалось – обводка, игра в пас, удары по воротам. И не было того неприятного холодка, который я испытал, попав в сборную «гуманных звезд» впервые.

В Праге

Вечером 18 августа 1981 года 40 000 зрителей до отказа заполнили трибуны Страговского стадиона в Праге. Матч между сборными командами Чехословакии и Европы входил в программу праздника, посвященного 80-летию чехословацкого футбола. В Прагу мы прилетели вместе с Давидом Кипиани и тренером Константином Ивановичем Бесковым.

В день матча у тренеров сборной Европы Дерваля и Бескова возникли серьезные проблемы. По различным причинам в Прагу не приехали многие футболисты экстракласса, объявленные ранее в составе сборной континента (Шумахер, Брайтнер, Крол, Румменигге, Вудкок, Шустер). В спешном порядке их заменили другими игроками.

Лишь в первой половине игры нам удалось на равных бороться с хозяевами поля. Как и во встречах в Дортмунде, а затем в Барселоне, игроки сборной звезд хотя и демонстрировали великолепное мастерство, блистали индивидуальной техникой, но в целом их игра была беззубой.

Игроки сборной континента напоминали этаких вольных стрелков, собравшихся для веселой охоты. Казалось, результат матча никого из них не волнует. Может быть, на игре звезд сказалось и то, что у большинства из них еще не начинались чемпионаты стран и почти все они были далеки от своей лучшей формы?

На фоне несыгранной сборной Европы команда Чехословакии выглядела в этот день отлично слаженным ансамблем. Юбиляры выставили на матч своих сильнейших игроков и, к удовольствию трибун (и своему тоже!), показали в этой встрече мощную игру. Вряд ли, конечно, можно было предположить, что сборная Чехословакии учинит столь убедительный разгром – 4:0!-команде, составленной из лучших игроков Европы. Но это случилось.

Зря говорят, что хорошим футболистам не надо времени для того, чтобы сыграть друг с другом. Еще как надо! Играя в Дортмунде, в Барселоне и в Праге в составах сборных команд мира и Европы, я убедился в этом. Дважды сборные уступали клубным командам и один раз – национальной сборной. Дебют – с самолета на футбольное поле – не получался. И так, кажется, было во все времена. Я где-то читал, что Лев Яшин, главный герой «матча века»,¹ сразу после игры на «Уэмбли» заявил журналистам, что несыгранная команда, хотя она состоит из звезд, слабее хорошей клубной команды. Впрочем, эту же мысль высказывали еще до рождения самого Яшина. Вот что по этому поводу писали еще наши прадеды:

«Какой бы блестящей ни была индивидуальная игра всех игроков команды, между ними должно быть полное согласие и взаимное понимание, только таким образом на всю команду переходят выдающиеся достоинства ее участников. Без этого команда из одиннадцати звезд футбола всегда будет разбита командой хороших игроков, играющих «комбинированную игру», – это строки из книги, изданной в Москве еще в 1912 году...

Итак, трижды я возвращался домой после игр в сборных командах звезд с поражением. Но, признаюсь, острой горечи от этого не испытывал. Скорее всего потому, что матчи в Дортмунде, в Барселоне и в Праге были великолепными праздниками футбола, па которые собирались сливки футбольного общества. Публика всякий раз охотно стекалась на стадионы,

¹ «Матчем века» журналисты назвали игру, посвященную 100-летию английского футбола. Она состоялась в 1963 году. На стадионе «Уэмбли» в Лондоне сборная ФИФА встречалась со сборной Англии.

горячо болела за своих, но одинаково восторженно реагировала и на удачную игру гостей. Зрители получали истинное удовлетворение от увлекательного футбольного действия, и их чувство, вероятно, передавалось нам – непосредственным участникам этих праздников футбола.

Впрочем, мне довелось сыграть и в команде звезд мирового футбола, отпраздновавшей победу. Думаю, что об этой игре стоит рассказать особо. Состоялась она в Соединенных Штатах Америки.

В Нью-Йорке

В разгар XII чемпионата мира в Испании один из руководителей нашей спортивной делегации сообщил, что со мной хочет побеседовать один из западных журналистов. Вопрос репортера застал меня врасплох.

– Ожидается большой футбол – Европа против остального мира, – сказал он. – Вы вошли в состав европейской сборной. Поедете на матч?

В ответ я только пожал плечами. Сидевший рядом руководитель делегации, заметив мое замешательство, сказал журналисту:

– Все будет нормально. Поедет.

К слову, в один из июльских дней, когда «Мундиаль-82», как называли в Испании двенадцатый чемпионат мира, был в разгаре, знаменитые в прошлом футболисты сыграли матч, весь доход которого поступил в фонд помощи детям развивающихся стран. Игра проходила на стадионе городка Сабаделла близ Барселоны. Уверен, что 10 тысяч зрителей на трибунах и телезрители с интересом следили за великолепным футбольным шоу. В самом начале его несколько мальчиков вынесли на поле большое голубое полотнище с эмблемой ЮНИСЕФ. Потом голландец Йохан Круифф, пришедший на стадион вместе с сыном, и сэр Стенли Мэттьюз напутствовали на игру команды, в составах которых зрители и телезрители увидели своих кумиров прежних лет: Неле, Менотти, Ди Стефано, Вава, Беккенбауэра, Факетти, Бобби Чарльтона, Амансио, Эйсебио... «Гуманные звезды» были щедры на голы. Со счетом 5:3 команда Европы обыграла ветеранов Латинской Америки.

– Чем футбол прошлый отличается от футбола нынешнего? – спросили журналисты у Менотти.

– Сегодняшний футбол более зрелищен, но и более жесток, – грустно улыбаясь, ответил тренер сборной Аргентины, к тому дню уже поверженных чемпионов мира.

А член советской делегации на конгрессе ФИФА Лев Яшин на вопрос, почему он не играл за ветеранов Европы, откровенно признался: «После таких игр, которые были здесь, в Испании, просто неудобно выходить на поле. Футбол во многих матчах XII чемпионата мира был отличный. Мастерство мастерством, но сколько страсти, желания, целеустремленности мы видели в игре команд Италии, Франции, Алжира, Камеруна, Кувейта. Ведь и иной проигрыш способен поднять авторитет сборной». Словно подслушав эти слова легендарного советского вратаря, руководители ФИФА в дни испанского чемпионата мира и решили организовать матч сборной Европы против сборной «остального мира», укомплектовав команды действительно звездами.

В Нью-Йорк на этот матч Блохин улетел, испытывая сложные чувства. Не прошло и месяца со дня окончания чемпионата мира в Испании. В нашей прессе все еще бушевали страсти по поводу слабой игры сборной СССР. Было высказано много справедливых замечаний, но вместе с тем в печати появлялись порой и вздорные, даже оскорбительные оценки. Заметим, что в этом бурном потоке критики Блохину досталось, пожалуй, больше всех. У читателей могло сложиться впечатление, что Блохин и есть основной виновник всех неудач нашей сборной. Олег отдавал себе отчет в том, что в сборную Европы его пригласили не за выступление на чемпионате мира, а за прошлые заслуги. Действительно, если его игра в Испании и была неудачной, то ведь не настолько, чтобы перечеркнуть прежние заслуги.

Вечером накануне матча тренер сборной ФРГ Дерваль, который руководил европейской командой, провел тренировку. Она носила в основном индивидуальный характер. Из командных упражнений мы лишь немного времени уделили работе в квадратах, хорошо

знакомой футболистам всех стран. Это была не первая моя встреча с Дервалем. По моим наблюдениям, этот опытный тренер с внешностью университетского профессора не был сторонником жесткой дисциплины футболистов вне футбольного поля. Видимо, поэтому в Нью-Йорке, как раньше в Дортмунде и Праге, каждый из нас был предоставлен самому себе. Впрочем, и в игре тренер сборной Европы делал упор на творчество самих игроков и не пытался навязывать команде свою волю. Он и сам не скрывал этого.

– Больше всего я ценю способность игроков и команды быть созидателями в матче, этого больше всего жду от них, – рассказывал Дерваль о своей работе со сборной ФРГ. – На мой взгляд, достичь такой цели наилучшим способом можно, лишь когда футболисту предоставлен максимум свободы.

7 августа 1982 года мы приехали на стадион «Джайент», где обычно играет нью-йоркский «Космос». Погуляли, попили кофе. За час до игры Дерваль назвал состав, в котором я значился под третьим номером. Мы уже начали переодеваться, когда в раздевалку вошел почетный капитан сборной «остального мира» Пеле. Поздоровался с каждым за руку. Особенно тепло – с капитаном команды Беккенбауэром, вместе с которым он играл в «Космосе».

Хотя матч был товарищеским, самый дешевый билет в этот день стоил одиннадцать долларов. Но стадион был переполнен. 71 891 болельщик и, как нам сообщили, сотни миллионов телезрителей из 56 стран мира наблюдали за игрой. Участники матча «Европа против остального мира» еще накануне решили, что средства от продажи билетов, телерекламы и трансляции встречи пойдут в детский фонд ООН, который направит их в помощь голодающим детям развивающихся стран.

Команды построили и вывели на поле. Представили составы. Сборная Европы: Зофф (Италия), Крол (Голландия), Пеццай (Австрия), Стойкович (Югославия), Коэльо (Испания), Беккенбауэр (ФРГ), Антониони, Тарделли и Росси (все – Италия), Бонек (Польша), Блохин (СССР). Сборная «остального мира», которую подготовил к матчу тренер сборной Бразилии Т. Сантана, вышла на поле в следующем составе: Нконо (Камерун), Дуарте (Перу), Жуниор, Фалькао, Сократес, Зико, Оскар (все – Бразилия), Ромеро (Колумбия), Беллуми (Алжир), Киналья (США), Санчес (Мексика).

Статистика утверждала, что по телевидению чемпионат мира в Испании смотрели 1,7 миллиарда человек, то есть каждый третий житель планеты. Во время представления команд у меня сложилось впечатление, что трибуны нью-йоркского стадиона заполнены только теми, кто своими глазами видел игры «Мундиаль-82». Причем большинство зрителей были итальянцы. Трудно описать словами, что творилось на трибунах, когда диктор произнес фамилию Паоло Росси. Итальянские флаги, шквал аплодисментов, тысячеголосое «Па-о-ло! Па-о-ло!» Все это невольно напомнило тот день (5 июля 1982 года), когда во время чемпионата мира на стадионе «Саррия» в Барселоне слаженный итальянский хор после победы итальянцев над сборной Бразилии пел на трибунах «Марш тореадора» и вместо «тореадор» всем слышалось «голеадор», что по-испански означает «бомбардир». В том памятном матче голеадор Паоло Росси шел и шел в бой. Он забил в ворота бразильцев три гола! Сборная Бразилии проиграла итальянцам 2:3, но даже капитан бразильцев Сократес после финального свистка в столь драматическую для него минуту аплодировал победителям. 25-летний форвард сборной Италии Паоло Росси получил в Испании «Золотую бутсу» лучшего снайпера чемпионата, «Золотой мяч» лучшего игрока и золотую медаль чемпиона мира...

В воротах сборной Европы стоял сорокалетний Дино Зофф. 11 июля в Мадриде на стадионе «Сантьяго Бернабеу» он поднял над головой Золотой Кубок мира, врученный ему как капитану команды победителей. У себя на родине самый старший и самый невозмутимый среди всех футболистов, Зофф известен миллионам своих соотечественников как Папа Дино. После того как «скуадра адзурра» совершила круг почета, измотанный финалом Зофф сказал: «Мы играли для наших семей, для всех итальянских болельщиков и, наконец, просто для того, чтобы получить радость от игры». Четырнадцать лет в воротах сборной одной из ведущих в футболе стран мира, опыт более чем ста международных матчей, прекрасная реакция, скорость, спокойствие и невозмутимость, надежность и хладнокровие итальянского голкипера в сложнейших игровых ситуациях – все это позволило обозревателям заявить после чемпионата мира о том, что Зофф заработал себе место в легендарной плеяде послевоенных вратарей,

таких, как Лев Яшин из СССР и Гордон Бенкс из Англии.

Но даже великие ошибаются... В первом тайме нашего матча в Нью-Йорке Зофф дважды неудачно отбил мяч и бразилец Зико на 29-й минуте, а алжирец Беллуми на 35-й воспользовались этими «подарками», и счет стал 2:0 в пользу сборной «остального мира». Замечу, что игра проходила на поле с искусственным покрытием (в Европе па таких полях не играют) и сборная «остального мира» чуть-чуть превосходила нас в скорости. К тому же в составе соперников было немало бразильцев, отличавшихся высокой техникой владения мячом, что играет особую роль па таком поле. И все-таки счет первого тайма не отвечал содержанию игры. Она проходила на равных. Еще до того, как в наши ворота влетело два мяча, мне удалось на левом фланге обыграть защитника и сделать прострельную передачу на Беккенбауэра. Но наш капитан, оставшись один на один с Нконо, метров с четырех не попал в ворота. Концовку первого тайма мы провели в атаке, но счет не изменился.

В перерыве ко мне подошел Дерваль и, поблагодарив за игру, спросил, не возражаю ли я, если во втором тайме меня заменит Киган. Откровенно говоря, мне было жаль уходить с поля. Я быстро начал понимать партнеров и они меня тоже. Хотелось отыграть весь матч. Но я понимал и Дерваля. Учитывая настроение трибун, он не мог с подобным вопросом обратиться, скажем, к кому-то из итальянских полевых игроков. По тону Дерваля я чувствовал, что если откажусь от замены, то буду играть и во втором тайме. Но я согласился, и вместо меня после перерыва на поле вышел обладатель «Золотой бутсы» в чемпионате Англии 1982 года Киган. Бонекка заменил голландец Неескенс, Беккенбауэра – француз Платини, а в ворота сборной Европы вместо Зоффа встал вратарь сборной ФРГ Шумахер. Когда я шел на скамейку запасных, услышал одобрителные возгласы и аплодисменты в свой адрес, мне преподнесли цветы. Все это было очень приятно, ведь на земле Соединенных Штатов я представлял футбол своей страны. В прессе и в комментариях на различных языках народов мира вслед за словами «Олег Блохин» неизменно стояли слова «Советский Союз»...

Сборная «остального мира» провела только две замены: вместо защитника Дуарте появился игрок из США Дэйвис, а в нападении Кинальйо сменил Аль-Дакхилл из Кувейта. Второй тайм прошел при заметном преимуществе европейцев, среди которых особенно выделялись Неескенс и Антониони. Сказалась и сыгранность итальянцев, а в футболе наигранные связки очень много значат для коллективных действий. Уже со скамьи запасных я внимательно присмотрелся к Росси. Несмотря на внешнюю хрупкость (рост 174 сантиметра, вес 66 килограммов), на месте центрфорварда он просто великолепен. Его безупречная деликатность в обращении с мячом, тонкий маневр, хлесткий удар без обработки, без колебаний, по главное – потрясающее чутье на гол сделали этого парня, по выражению знаменитого итальянского тренера Эленио Эрреры, «острым, мобильным наконечником копья» итальянской сборной-82.

...На 59-й минуте комбинация Киган-Росси-Киган закончилась голом в ворота Нконо. Затем Пеццай точным ударом из-за штрафной сравнял результат. За несколько минут до конца матча Антониони забил победный гол, и наша команда, словно доказывая, что на этот день футбольная Европа сильнее звезд «остального мира», под восторженные аплодисменты трибун ушла с поля победительницей. После матча мы все получили памятные медали, а итальянец Антониони и бразилец Фалькао – специальные призы, учрежденные для лучших игроков матча.

Оказавшись в Нью-Йорке среди звезд мирового футбола, блиставших на полях Испании, я невольно не раз перебирал в памяти события чемпионата мира. И так получилось, что спустя педелю после игры на стадионе «Джайент», не заезжая домой, я снова оказался на испанской земле: 15 и 16 августа в городе Ля-Корунья киевское «Динамо» приняло участие в традиционном, 37-м по счету, международном турнире. К слову, в 1981 году мы победили в 36-м розыгрыше приза, и у пас здесь появились даже свои болельщики. Мы не подвели их и на этот раз. В первом матче со счетом 2:1 «Динамо» обыграло мюнхенскую «Баварию», во втором – испанскую «Барселону» – 4:1. Нам снова достался главный приз стоимостью в 20 тысяч долларов – Кубок «Терезы Эрреры». Турнир получил название от старинного маяка, построенного еще в двухсотом году, ставшего символом города. Правда, я не придавал особого значения этим победам. «Бавария» выступала без Брайтнера и Румменигге, а в «Барселоне» отсутствовали Марадона, Шустер и Симонсен. К тому же эти команды только-только начинали

подготовку к чемпионатам своих стран. Но все же игра на испанской земле на этот раз принесла удовлетворение. И дело, пожалуй, не только в том, что меня назвали лучшим игроком турнира в Ля-Корунье и вручили приз – «Золотую бутсу». Я наслаждался самой игрой! Чувствовал, что доставляю радость зрителям и себе. Во время матча с «Барселоной» был даже такой момент. В первом тайме, когда после ударов Балтачи, Думанского и Евтушенко счет уже стал 3:0 в нашу пользу, трибуны вдруг начали скандировать: «Блохин – гол! Блохин – гол!» И надо же, в эти минуты мне удалось-таки забить гол. Болельщики вскочили и стали махать белыми платочками. Я знал этот местный обычай. Так здесь приветствовали знаменитых тореро. Делали это всякий раз, когда тореадор с одного удара убивал быка. Бога ради, не подумайте, что я собираюсь сравнить себя с мужественной, трагической и блестящей фигурой в испанской жизни – тореро. Но все же подаренные зрителями в Нью-Йорке на «Джайенте» живые цветы, белые платочки испанских болельщиков на стадионе в ЛяКорунье в определенной степени помогли мне вновь обрести душевное равновесие, которое я под впечатлением прочитанного и услышанного начал было терять, возвратившись домой после испанского чемпионата мира.

ГЛАВА 2. РОДИТЕЛЬСКИЙ ДОМ

Гены

Это было весной 1981 года. На очередной медосмотр к врачу киевского «Динамо» я вошел вместе с 23-летним полузащитником Андреем Балем. К нам в клуб его пригласили из львовской команды «Карпаты». Он был уже хорошо известен в футболе. Выходил на поле с капитанской повязкой сборной юниоров, которая выиграла в 1977 году первенство мира среди своих сверстников. Играл и в молодежной сборной СССР, победившей в 1980 году на чемпионате Европы. Баль сразу занял место в основном составе «Динамо», а вскоре вошел и в национальную сборную страны. В динамовском коллективе он держался скромно и всегда с каким-то особым почтением заговаривал с ветеранами команды.

Осмотр уже заканчивался, когда Баль, внимательно оглядев меня, вдруг спросил:

– Скажи, пожалуйста, Олег, как это тебе за одиннадцать лет так удалось сохраниться?

Я пожал плечами. Признаться, никогда об этом не задумывался.

– Это все гены, Андрюша! Гены! – бросил доктор Балю, не поворачивая головы в его сторону.

– Да, наверное, вы правы, – согласился тот. – Я здесь только полгода побегал, и то уже сердце пошаливает.

Вопрос Баля и такой уверенный ответ доктора возвратили меня в далекое детство, в родительский дом...

В одном из наших семейных альбомов есть две фотографии. Судя по подписям, сделанным аккуратным почерком отца, мне в ту пору шел пятый год. На одной из этих фотографий мяч кажется чуть ли не больше меня. Но левая нога победно поставлена на мяч. На втором снимке я, довольно щупленький мальчишка, отталкиваюсь от стартовых колодок, а старт мне на беговой дорожке дает мама. Эти снимки свидетельствуют, что с самого раннего детства во мне боролись легкоатлет и футболист.

Мое раннее детство прошло в районе республиканского стадиона. На его футбольное поле я, разумеется, тогда и не выходил. Зато носился всласть по крутым склонам гор, окружающих стадион, в садах и зарослях, густо покрывавших склоны этих гор. А зимой наша любимица овчарка Джек, запряженная в санки, мчала меня по первому пушистому снегу. Я стремглав летал на лыжах с самых крутых гор. Говорили, что по этому признаку маму даже узнавали на улице. Это, дескать, мать того самого малого в козушке, который с таких горок съезжает, где даже взрослые боятся.

Потом мы переехали в Первомайский жилой массив, больше известный в Киеве под названием Чоколовка. Это один из первых в городе районов, застроенных после войны удобными для жилья пятиэтажными кирпичными домами, летом утопающими в густой зелени.

Для детворы здесь раздолье: много простора, сады и парки, десятки дворовых спортивных площадок. Есть даже свои облюбованные футбольные поля. На чоколовских полянах и начались мои «футбольные университеты». И тут замечу, что мне определенно повезло на... родителей.

Что слышат обычно мальчишки и девчонки от своих мам и пап? «Не гоняй!», «Не прыгай!», «Не шали!» и еще десятки всевозможных запретов. Даже судя по прессе, кажется, что почти всем нашим известным мастерам в детстве их матери запрещали гонять мяч. Сам читал в книге Виктора Понедельника, как он поступил в одну из школ Ростова, которая была по соседству со стадионом, и его отец сказал матери: «Ну, мать, быть твоему сыну футболистом!» Но мама будущего центрфорварда сборной СССР, обладателя Кубка Европы и заслуженного мастера спорта в ответ только охала, махала на мужа руками и приговаривала: «Не дай бог!».

Мне родители играть не запрещали. Больше того, мама сама привела меня в секцию футбола. Вообще о своей маме я должен рассказать особо. И не только потому, что, как говорят люди, хорошо знающие нашу семью, я – копия своей матери. А прежде всего потому, что она была тем первым человеком, который буквально за руку привел меня, несмышленьша, в прекрасный мир спорта. И за это я искренне ей благодарен.

Мама

Как-то воскресным июльским утром меня, уже взрослого, женатого человека, разбудил звонок матери по телефону:

– Олег, неужели ты еще спал?

Я глянул на будильник. Шел десятый час. У меня был выходной день, жена накануне уехала на соревнования и, признаться, встать не хотелось. Я знал, что отец в отпуске, и мама дома одна.

– Что стряслось, мать?

– Ничего, сын. Только взгляни в окно – день будет отличный!

– А что я должен делать по этому поводу?

– Заводи машину, заезжай за мной и поедем на Десну проведем Николая.

Голос матери звучал требовательно, и, как мне ни хотелось спать, я понял, что от загородной поездки не отвертеться. Но предстоящее свидание со старшим братом обрадовало. Через несколько часов мы уже подставили свои тела жаркому солнцу на песчаном берегу Десны. После купания я с превеликим удовольствием растянулся на песке, закрыл глаза и, наслаждаясь теплом, кажется, даже задремал, когда снова услышал голос матери:

– Ну, вы, короли, так и будете скучать без движения?

Я открыл глаза и вопросительно посмотрел на брата. Он полулежал на теплом золотистом песке и всем своим видом показывал, что ему в эту минуту тоже вполне хорошо без движения.

Но мама не отступала:

– Давайте хотя бы сыграем во что-нибудь, сыновья? Я поднялся с песка и с любопытством спросил:

– Во что ты предлагаешь, мать?

– Попрыгаем с места! Сколько мне дадите форы?

Николай тоже поднялся. Мы подошли к самой воде, где песок, обласканный зыбкими речными волнами, был мокрым и упругим. Провели две черты – для себя и для мамы. Решили, что фора в один метр для нее вполне достаточна. Стали прыгать. Мама прыгала последней. Мы с братом так и ахнули: приземлилась за той форой, которую мы ей снисходительно отмерили!

– Так ты же еще в отличной форме, мама! – нежно обнял ее за плечи Николай.

Я смотрел на нее как завороченный. Ведь она была уже бабушкой с вполне взрослым внуком.

...Моя мама родилась в селе Небрат Бородянского района. Это километрах в пятидесяти от Киева. Она была одиннадцатым ребенком в семье. Дед мой, рассудительный, тихий, степенный, крепкого сложения человек, никогда ни с кем не спорил, не ругался. И на детей своих голоса не повышал, не бранил их. А вот бабушка была женщина энергичная, быстрая и проворная. В доме всегда было чисто, но не всегда сытно. И в тринадцатилетнем возрасте моя

мама подалась в Киев и поступила в ФЗУ при фабрике имени Максима Горького. А после окончания училища пришла работать на эту самую фабрику лекальщицей.

Но как же стала эта сельская девочка, с юных лет сама зарабатывающая себе на жизнь, заслуженным мастером спорта?

Однажды летом в 1935 году прямо в центре Киева проводили кросс. Участвовали команды коллективов физкультуры. И вот Катю Адаменко, самую шуструю и подвижную из всех учениц ФЗУ, поставили бежать 500-метровую дистанцию. А она возьми да и прибеги первой! С этого-то кросса и начался ее спортивный путь.

В нашем домашнем музее хранится множество маминых медалей, призов. Большинство из них она завоевала в послевоенные годы. Порой диву даешься, как ей удавалось все совмещать: заочно учиться в институте физкультуры, работать на кафедре физвоспитания университета и самой выступать на дорожке. И не просто выступать! Именно в эти годы она показала свои лучшие результаты – 68 раз вносила поправки в рекорды республики. Некоторые из них были на уровне всесоюзных достижений. К примеру, моя мама второй из женщин Советского Союза (вслед за москвичкой, неоднократной чемпионкой СССР в спринте Евгенией Сеченовой) пробежала 100 метров быстрее 12 секунд-11,9!-и повторила всесоюзный рекорд.

Королем игр на Чоколовке был футбол. И, заметив мое увлечение, мама сама привела меня в футбольную секцию на стадион инженерно-строительного института, на кафедре физвоспитания которого она уже работала в ту пору в должности старшего преподавателя. Я стал ходить на тренировки. Впрочем, они продолжались недели две. Потом тренер куда-то пропал, и мы, мальчишки, снова разбрелись по своим дворам. Тогда за дело взялся отец.

Отец

Мое поколение знает о войне в основном по учебникам истории, по книгам да кинофильмам. Я не исключение. Но однажды...

В тот день дома по телевизору мы смотрели фильм «Блокада». Когда он закончился, отец выключил телевизор и со вздохом произнес:

– В жизни немножко не так было, ну да ладно... Мне фильм понравился, и я попытался возражать.

– Олег, не спорь с отцом! – вмешалась мама.

– Ну почему же отцу можно судить о фильме, а мне нет?

– Ты, сынок, судишь об увиденном со своей колокольни, – сказал отец, – а я, прости за высокопарность, – из своего блиндажа.

Потом он подошел к столу, вынул что-то из ящика и протянул мне. У меня в руках оказалась медаль «За оборону Ленинграда». Я внимательно посмотрел на отца, и мне стало както неловко.

– Что же все-таки, батя, было не так в фильме? – уже другим тоном спросил я.

Вместо ответа отец протянул мне пачку фотографий. Мне раньше казалось, что отец никогда не будет стареть. И только посмотрев фотографии военных лет, я обратил внимание, как много у него появилось седых волос, морщинок вокруг глаз.

– Ты хочешь знать, что было на самом деле? – отец взял у меня из рук пакет с фотографиями. – Я не буду категоричен. Может быть, писатель и прав. Он ведь описывал события глобально, осмысливая их за всех нас, вместе взятых. Но лично мне блокада Ленинграда запомнилась не только одними ужасами. Да, мы мерзли, голодали, хоронили товарищей. Но, понимаешь, вместе со всем этим была и жизнь. Суровая, военная, страшная, но все-таки жизнь. Ты ж, наверное, сам читал о футбольном матче в осажденном Ленинграде? Даже в те страшные дни мы умудрялись петь и плясать. Вот посмотри.

Отец вынул из пачки пожелтевшую фотографию. На групповом снимке перед объективом замерли молодые парни и несколько девушек в военных гимнастерках. У некоторых из солдат в руках мандолины, балалайки, гармошки.

– Меня отыщешь в этой капелле?

– Вот вроде бы, – я указал на сидящего в самом центре группы парня с офицерскими погонами.

– Точно! Это я и есть, а это все – наш ансамбль.

– Сколько же тебе было тогда?

– Снимок сделан в сорок третьем году. Значит, двадцать один год. На Ленинградский фронт меня направили в сорок втором году прямо из военного училища. Наша часть стояла под Пулковом. Держали оборону. Вот в те самые дни блокады я организовал войсковой ансамбль песни и пляски. С передовой одних ведь увозили в госпитали, другим во время короткого отдыха' устраивали баньку, а третьим – самодеятельность. А у меня к этому с самого детства страсть была...

Постепенно от грозных дней войны воспоминания увели отца в далекое детство:

– В тринадцать лет в московском парке имени Горького я уже пел и плясал в детском ансамбле, которым руководил сам Александров. Калужская улица, Нескучный сад, берег Москвы-реки – все это места моего детства. Родители из крестьян, но в двадцатых годах переехали в Москву и работали в Первой городской больнице. Живые, энергичные люди. И себя я помню моторным парнишкой. Страшно любил спорт! Живописью тоже увлекался. Еще когда в школу ходил, начал у художников учиться живописному делу.

– Чего же ты в институт физкультуры подался? – прервала мама рассказ отца. – Надо было в Строгановское поступать.

– А это, Катя, чтобы к тебе поближе быть, – рассмеялся отец.

– Правильно сделал, батя. У тебя настоящий тренерский талант. Жаль только, что я единственный твой ученик, – вставил я.

Мои слова были в ту минуту скорее шуткой, но в них заключалась и истина. Если мама первой привела меня на стадион, то отец надолго стал моим самым требовательным, самым придирчивым домашним тренером.

Брат

Николай на тринадцать лет старше меня, но в детстве у меня не было друга ближе и вернее, чем брат. Коля умел терпеть все мои шалости, проказы. Он мне всегда казался очень сильным и ловким парнем. Брат охотно играл со мной во дворе в футбол, катался на лыжах и на санках.

Николай тоже, вероятно, унаследовал от матери ее способности. В студенческие годы во время учебы на химическом факультете Киевского университета он выполнил первый разряд по легкой атлетике. Лучшие результаты брата по тем временам были вполне приличными. Стометровку он пробегал за 11,1 секунды, прыгал в длину за шесть с половиной метров. Впрочем, он никогда не придавал особого значения своим спортивным успехам. Говорил, что занимается спортом в свое удовольствие. Да и мама не особенно настаивала на регулярных тренировках Николая. Она однажды объяснила мне это:

– Мы ведь с Колей пережили войну. Он всегда был худеньким. Даже когда повзрослел и окреп, мне все равно казалось, что физически он слабоват. В его юношеские и студенческие годы с питанием было не ахти как. Помню, когда ехала с соревнований из Москвы, обязательно набивала сумки продуктами...

Большим спортсменом Николай не стал, но думаю, что спорт все-таки сыграл определенную роль в формировании его характера. Целеустремленный, трудолюбивый, настойчивый в достижении цели – таким я знаю своего старшего брата.

В последние годы из-за футбола и моей постоянной занятости мы с братом редко видимся, но встречи эти всегда бывают в радость. Николай почему-то рано поседел – белый как лунь. А больше никаких перемен я в нем не вижу. Все такой же молчаливый, сдержанный. О работе своей никогда не говорит, хотя, мне кажется, думает о ней постоянно. Он заведует лабораторией в одном из киевских научно-исследовательских институтов, давно защитил диссертацию, опубликовал множество научных работ, бывает на научных конференциях в стране и за рубежом. Но по-прежнему подчеркнуто скромен в быту. К слову, в нашей семье я вообще не припомню разговоров об одежде, о вещах. Кажется, ни я, ни брат никогда не злоупотребляли столь обычными для многих детей словами «хочу» или «купи». Родители покупали нам с братом только самое необходимое. Излишеств в игрушках и вещах мы не знали.

Лишь однажды я нарушил эту традицию. В девятом классе мама собиралась купить мне зимнее пальто. Но тогда в моду входили нейлоновые куртки, и я мечтал о такой, как может мечтать подросток выглядеть взрослым современным парнем. Мама поняла меня, и от счастья я был на седьмом небе.

И мальчишкой, и юношей мне пришлось немало колесить по свету. Но всегда с радостью я возвращался в родительский дом. Вероятно, потому, что в нем мне было всегда хорошо, спокойно, уютно. А главное – здесь меня понимали!

ГЛАВА 3. ЗДРАВСТВУЙ, ФУТБОЛ!

В группе Леонидова

Однажды несколько лет назад я смотрел по телевизору «Футбольное обозрение». И вдруг слышу: «Когда Олег Блохин первый раз пришел в динамовскую футбольную школу, его просто не хотели принимать: слишком маленький рост оказался у Олега в тот момент» – так тележурналист начал свой рассказ. Лихо! Но неправда. В жизни все было не так...

Самую первую грамоту за успехи в спорте я получил, участвуя в спартакиаде пионерского спортивно-оздоровительного лагеря «Ракета» в 1962 году. Примечательно, что наградили меня как игрока команды 5-го отряда, завоевавшей первое место по футболу! В первые дни сентября того же года отец привел меня в динамовскую футбольную школу.

– Ну, Алик, показывай, что ты умеешь, – сказал мне тренер.

От деревянных стоек, которые обозначали маленькие футбольные ворота, тренер отмерил пять больших шагов, поставил на отметку мяч и сухо скомандовал: «Бей!» Я разбежался и ударил слева. Попал!

– Теперь бери мяч и становись напротив меня. Знаешь как отдавать пас щекой? – тренер похлопал ладошкой по внутренней стороне стопы. – Сделаешь мне передачу, а я остановлю мяч и верну тебе. Получишь от меня, тоже останови и верни мне.

«Большое дело ударить щекой», – подумал я и взглянул на соседнюю площадку, где мальчишки уже играли в футбол. Признаться, вместо всех этих скучных ударов и пасов мне тоже хотелось поскорее броситься в футбольное сражение. Наконец тренер, разделив нашу группу на пятерки, повел нас на другую площадку, где были установлены маленькие, похожие на хоккейные ворота.

– Ну, бомбардиры, показывайте, на что вы способны! – и тренер дал свисток.

Почувствуй я хоть на миг, что в этот момент за мной пристально наблюдают, ничего бы не вышло. Но я не задумывался об этом. Был мяч, были ворота, и моя пятерка вышла играть против такой же команды желающих учиться «на футболистов». Одним словом, был футбол, а я – в его плену! После игры тренер беседовал с каждым из нас и, когда очередь дошла до меня, сказал: «Принимаю тебя в свою группу». Домой я возвращался, сияя от счастья.

Дополним рассказ Блохина воспоминаниями его первого тренера Александра Леонидова:

– Мы приглашали в школу ребят десяти-одиннадцатилетнего возраста. Каждый тренер набирал себе группу из двадцати человек. Но чтобы найти два десятка таких, которые подавали бы надежды, приходилось просматривать до трех тысяч мальчишек! На контрольных испытаниях я предлагал ребятам выполнить простейшие технические элементы. К примеру, просил как можно сильнее пробить по воротам. Для меня очень важно было знать – боится ли ребенок сильно бить по мячу? Внимательно присматривался к мальчишкам и во время пятнадцатиминутной игры в мини-футбол. А после этого ставил их по три-четыре человека, и они должны были наперегонки пробежать тридцать-сорок метров. Помню, что в таком забеге Блохин легко – даже слишком легко! – убежал от всех своих сверстников. Он не выделялся ни ростом, ни физическими данными и с виду, пожалуй, казался хиленьким застенчивым мальчиком. Но я без колебаний сразу записал, его в свою группу: подкупала скорость мальчугана! Других качеств в тот период я у Блохина не заметил.

...Пятнадцатого сентября 1962 года, исполненный великой гордости, я, ученик 4-го «Д»

класса 144-й средней школы, собственноручно заполнил учетную карточку футбольной секции «Юного динамовца» и с этого дня официально стал членом общества «Динамо». Было чем гордиться. Ведь накануне сезона этого года динамовцы Киева, первые из немосковских команд, победили в чемпионате СССР! Имена Войнова, Сабо, Базилевича, Лобановского, Трояновского не сходили с уст киевских мальчишек. Я был счастлив от одного сознания, что буду тренироваться в одном клубе с ними. Мечтал выйти на изумрудно-зеленый газон стадиона «Динамо». Но до этого было еще далеко. А мои первые тренировки начались на небольшом пятачке асфальта – сразу при входе на стадион, за высокими круглыми колоннами.

«Папенькин сыночек»

Однажды после занятий тренер выдал мне беленькую как снег футболку с большой синей буквой «Д» на груди. Я был просто счастлив: выйду на поле в составе киевского «Динамо». Пусть в детской команде, но все-таки в «Динамо»!

Мои первые матчи проходили на заводских стадионах, расположенных далеко от центра города. Болельщики туда почти не заглядывали. По воскресным дням играли клубами на первенство города. В такие дни все семейство просыпалось рано. Мама быстро готовила завтрак, и мы с отцом отправлялись на стадион. Кажется, за все мои детские и юношеские игры отец не пропустил ни одного матча на первенство города. Он был не только моим персональным болельщиком. В школе «Юного динамовца» на общественных началах действовал родительский комитет, и отец много лет возглавлял его. Родители помогали тренерам контролировать успеваемость юных футболистов, а в дни воскресных матчей на первенство города были рядом с нами. Рождались и хорошие традиции. К примеру, на каждую игру родители приносили трехлитровые банки с яблочным, томатным или виноградным соком. После матчей мы не бежали хлебать воду из-под крана, а с величайшим удовольствием пили этот сок.

Но лично для меня отцовская забота обернулась маленькой драмой; за мной прочно закрепилась кличка «папенькин сыночек». Некоторые из мальчишек считали, что меня держат в команде только благодаря папиному знакомству с тренером.

Иногда даже на поле во время официальных игр первенства города кое-кто из партнеров по команде бросал мне до боли обидное словечко: «Трус!» Трусость в футболе определялась довольно просто: не вступаешь в силовую борьбу – значит, трус. Но мне, маленькому худенькому крайнему нападающему, вряд ли стоило вести единоборство с рослыми и крепкими защитниками. Впрочем, не только ребята считали меня трусом.

«Из этого футболиста не получится – не боец он!» – говорили коллеги моему тренеру Леонидову обо мне. Да, чисто по внешним признакам, вероятно, трудно было ожидать от меня быстрых спортивных взлетов. В тринадцатилетнем возрасте я весил 43,5 килограмма, рост был 158 сантиметров, спирометрия – 3200. Прямо скажем, не атлет.

Отец, чувствуя мое отставание в физической подготовке, сам взялся за дело. Он будил меня на рассвете и еще до школы заставлял бегать кроссы. Мы выработали постоянный маршрут. После бега я делал гимнастику, приседал, отжимался, подтягивался. Вероятно, чтобы это мне не так быстро надоело, отец придумывал различные игры с мячом. Помню, как прямо на нашей маленькой кухне я с завязанными глазами должен был контролировать мяч то левой, то правой ногой...

Я очень рано начал забивать голы. Но не потому, что, переборов себя, ринулся в силовую борьбу с защитниками. Нет, мне это никогда не нравилось. Тренер не ограничивал нас жесткими игровыми установками и позволял свободно фантазировать. Но все-таки помню, что Леонидов советовал защитникам и полузащитникам почаще давать мне длинные передачи за спины соперников. Получив мяч, я легко набирал скорость, убегал от противников, выходил один на один с вратарем и забивал голы.

...Каждое лето футбольная школа выезжала на один месяц в спортивно-оздоровительный лагерь. Он был разбит близ районного центра Володарка километрах в ста двадцати от Киева в сторону Белой Церкви. Свежий воздух, чистое озеро, живописные места, уютный стадион с отличным полем – все это в полном нашем распоряжении. Утренние пробежки, работа с мячом

над техникой, тренировочные игры, рыбалка и чтение книг, взятых с собой из дому. Мы сами ощущали, что после месяца такой жизни возвращаемся домой окрепшими и поздоровевшими. В 14 лет данные в моей врачебно-контрольной карточке существенно изменились: вес – 49 килограммов, рост – 165 сантиметров, спирометрия – 3600.

А в шестнадцать лет мой вес был уже 63 килограмма, рост – 176,5 сантиметра, спирометрия – 4500.

Да, за годы тренировок в школе я окреп, вырос, набрал вес. Силенка прибавилась, но в матчах я по-прежнему не любил единоборств с защитниками. Голы забивал преимущественно на скорости: пробросишь мяч, убежишь от защитника, выйдешь один на один с вратарем и – бей! А голкиперы в мальчишеских командах, помнится, всегда были слабенькие. И все-таки в составы детских и юношеских сборных команд города на республиканские соревнования меня на первых порах не включали: туда подбирали ребят, которые предпочитают силовую борьбу. А когда в первый раз в жизни я наконец-то выехал в составе сборной команды города во Львов на розыгрыш Кубка «Юность», то весь турнир отсидел на скамейке запасных. Тренеры снова отдали предпочтение «бойцам». И так продолжалось почти до пятнадцати лет.

Но голы я продолжал забивать. И благодаря этому постепенно пробился в юношескую сборную. Чаще стал выезжать на соревнования в другие города, а со временем – и в другие страны. С годами поездки стали привычным делом. Но таких ярких впечатлений, какие я испытал во время первой в жизни зарубежной поездки, больше, наверное, никогда не будет. Ведь самый первый выезд за границу я совершил еще школьником. И не куда-нибудь, а в Париж!

Париж... Из окна автобуса

Зимой 1969 года мы узнали, что юношеская команда «Динамо» в мае поедет во Францию, где в маленьком предместье Парижа – городе Круа ежегодно проводился традиционный европейский турнир юношеских команд. Я тренировался уже дважды в день. Одна из тренировок проходила в манеже суворовского училища. Манеж нам предоставляли только с девяти часов вечера. После двухчасовой тренировки домой – через весь город! – я добирался за полночь. Утром мама с трудом поднимала меня в школу. Помню, прибегая из школы домой, я старался быстрее сделать уроки, чтобы хоть чуточку поспать. Не поесть, а поспать!

...Представьте себе мальчишку-девятиклассника, попавшего за границу, да к тому же в Париж. Отцовский фотоаппарат был у меня все время наготове, и я щелкал все подряд: Сену, собор Парижской богородицы, Триумфальную арку, Лувр, Пантеон. Жаль только, что почти все... из окна автобуса. В этой поездке Париж промелькнул передо мной как в прекрасном сне. Больше запомнились автобус, гостиница, стадион, матчи.

Тогда, мальчишкой-девятиклассником, я не задумывался, как сложится в дальнейшем моя футбольная жизнь. Разве мог я тогда предположить, что судьба улыбнется мне, и я еще не раз буду в прекрасном Париже, который считается одним из красивейших городов мира? Что я со временем хорошо узнаю его и люблю?

...В Круа съехались юношеские команды из многих стран Европы. От названий даже дух захватывало: «Бенфика» (Португалия), «Андерлехт» (Бельгия), «Ковентри Сити» (Англия), «Барселона» (Испания). Мы знали, что большинство наших сверстников из этих и других зарубежных команд тренируются в профессиональных клубах. Кто сильнее – они или мы?

Я жадно смотрел все матчи, проходившие на маленьком аккуратном стадионе «Анри Санер», вмещающем всего шесть тысяч зрителей. Своей манерой игры резервисты в чем-то напоминали старших «профи», матчи которых я тогда видел только по телевизору. Типичными представителями английского футбола были ребята из «Ковентри Сити». Такие же, как у взрослых, навесные передачи в штрафную площадку, те же быстрые прорывы форвардов в расчете на эти передачи, та же отличная игра головой и прекрасная атлетическая подготовка всей команды. Хорошо смотрелся «Андерлехт». Высокие ребята, прекрасно владеющие многими техническими приемами, шли в атаку по пять-шесть игроков, форвардам помогали крайние защитники. Изящно и темпераментно играла «Барселона», мощно – «Бохум» из ФРГ. Наша команда, верная своей тактике, играла за счет коллективных действий. На турнире в Круа

мы заняли третье место, пропустив вперед «Андерлехт» и «Барселону».

С тех пор прошло много лет. Стерлись в памяти подробности моих первых матчей за рубежом. Но основной вывод, который сделал я для себя во время поединков на маленьком стадионе в предместье Парижа, остался на всю жизнь. Я понял, что мы не хуже их, хотя в чем-то им уступаем. Юниоры, подготовленные в профессиональных клубах, выглядели лучше нас в индивидуальной технике, в культуре паса, в игре головой (особенно английские клубы), зато мы не уступали им в принципах организации игры, а некоторых соперников превосходили в атлетической и скоростной подготовке. На стадионе в Круа мне лично в борьбе с защитниками так же, как и дома, помогала скорость...

Теперь о «Юном динамовце» мне напоминают старые фотографии, учетные и врачебно-контрольные карточки, дипломы и грамоты тех лет, бережно хранимые отцом в семейном архиве. Иногда я ловлю себя на мысли о – том, что любовно смотрю на... асфальт при входе на стадион. Конечно, теперь он выглядит иначе. Реконструированный стадион сияет как новенький. Но я с благоговением всматриваюсь в тот пяточок асфальта за колоннами ворот, на котором проходили мои первые тренировки.

Всегда с благодарностью вспоминаю своего первого тренера Александра Васильевича Леонидова и его коллег – известного в прошлом футболиста Виктора Голубева и заслуженного тренера Украины Николая Мельниченко. Рад, что моя связь с футбольной динамовской школой все годы не прерывалась.

Летом 1980 года уже новые питомцы Леонидова в очередной раз стали чемпионами Киева. Он позвонил мне и попросил, чтобы именно я вручил им грамоты за эту победу. Я как раз прилетел из какой-то зарубежной поездки, где приобрел маленький симпатичный транзисторный приемник. Я сделал в граверной мастерской соответствующую надпись на крышке приемника и отправился на встречу. Александр Васильевич попросил, вручая грамоты, я сказал мальчишкам что-то серьезное, напутственное. Да мне и самому хотелось сказать им какие-то очень емкие, очень нужные слова. Но когда я увидел их глаза, а смотрели они на меня точно так же, как когда-то я на своих кумиров, заготовленные слова растерялись. Волнуясь, я произнес:

– Ребята, ваше счастье, что вы тренируетесь у такого хорошего тренера. Александр Васильевич Леонидов очень любит футбол и воспитал многих отличных футболистов. Это – мой первый тренер. Потом я подошел к Леонидову, крепко обнял его, расцеловал и отдал транзистор с монограммой.

С детства я учился играть в футбол в одной из лучших в Киеве футбольных школ. Благодарная память хранит воспоминания о ней, как и о киевской средней школе № 144, в которой я учился.

ГЛАВА 4. ШКОЛЬНЫЕ ГОДЫ

Учительница

Школа была построена после войны. Когда строители сдали в эксплуатацию новенькое четырехэтажное здание, вокруг него был пустырь с горами строительного мусора. И тогда, рассказывали нам учителя, директор школы Мария Константиновна Коробко бросила клич: «Каждый класс должен привезти в школу по одному самосвалу чернозема». Потом на эту землю сами ученики высадили сто двадцать молодых яблонь. Они разрослись, и весной здание кажется розовым за цветущими деревьями.

Мария Константиновна любила детей, кажется, больше, чем все остальные учителя, и мы это чувствовали. В школе знали о горе в ее семье (она похоронила семнадцатилетнего сына). Все старались хоть как-то приглушить ее боль.

Моим классным руководителем с четвертого по десятый класс была Алла Анатольевна Лакизо. Своих детей у нее не было, вероятно, поэтому всю свою теплоту она отдавала нам. Очень хотела, чтобы все мы дружили, любили свой класс, свою школу, и придумывала для нас

все новые и новые интересные дела. Помню, как вместо обязательной политинформации одно время мы играли «в дипломатов». Каждый по своему усмотрению выбирал себе страну, в которую он «назначался» послом Советского Союза. По газетам, журналам, книгам каждый должен был изучить быт и нравы «своей» страны, а потом поделиться впечатлениями со всем классом. В то время в мире уже гремела слава бразильских футболистов и их короля Пеле. Я, конечно же, «отправился» в Бразилию и так изучил ее, что порой сам себе казался бразильцем-аборигеном.

В учебе я не отставал. Правда, и в первые ученики не выбивался.

Комментарий А. А. Лакизо:

– С Олегом у меня не было трудностей, в чем заслуга его мамы. Екатерина Захаровна любит сына, как всякая мать. Но, когда требовало дело, была с ним строга. Учиться Олегу было, пожалуй, труднее, чем его одноклассникам, – тренировки забирали много времени. Но я и не требовала от него большего – видела, что он уже весь во власти спорта. Мальчик он был очень общительный, и ребята его любили. Как радовался наш девятый «Д» его первой поездке во Францию. А возвратившись, Блохин чуть не вызвал у меня слезы умиления: каждому он привез какой-нибудь сувенир! Одному авторучку, второму набор открыток, третьему – брелок. В классе было тогда тридцать два ученика вместе с Олегом, и он привез тридцать один сувенир! Мне подарил небольшую гармошечку с видами Парижа и какую-то безделушку из синельки. «А что ты привез матери?» – спросила я. «Точно такую же, – ответил он. – Хотел маме купить французские духи, хватился, а денег уже нет»...

Я была знакома с ребятами из его команды. Они рассказывали, что в Париже Блохин все деньги потратил на сувениры.

У наших педагогов Блохин оставил о себе добрую память, а в спортивных таблицах – свои рекорды...

Шоколадное золото

Мои первые уроки физкультуры в школе вела Ирина Ивановна Хижняк. Она родилась на родине Ленина – в Ульяновске. Участвовала в Великой Отечественной войне, воевала в тех же местах под Москвой в районе села Петрищево, где и Зоя Космодемьянская. Об этом мы узнали от других учителей, сама Ирина Ивановна при нас никогда о войне не вспоминала. Она была строга, пожалуй, даже чуточку грубовата, но ругала всегда за дело. Мне однажды попало от Ирины Ивановны за то, что не пришел на товарищеский матч по баскетболу с командой другой школы. В тот день у меня был футбол.

Хижняк проработала в школе лет двадцать. Она уже давно на пенсии, но ученики ее не забыли.

Вспоминаю внутришкольные спартакиады, проходившие как большие праздники спорта, и свои первые золотые медали. Правда, они были из шоколада – фирменные шоколадки Аэрофлота, завернутые в фольгу. Помню, как пришли поболеть за меня мама и папа. По дороге домой я то и дело порывался распробовать вкус своих наград. Отец, заметив это, купил в гастрономе большую плитку шоколада и протянул мне:

– На, ешь, чемпион! А эти давай сохраним...

Мы сохранили их. В домашнем музее они висят рядом с моей бронзовой медалью, полученной на XX Олимпийских играх. Мое шоколадное золото покоится на красных ленточках, на которых сделаны надписи. На одной из них: «За первое место в беге на 60 метров – 8,0 сек. 1966 г.». На второй: «За первое место в прыжках в длину – 4,35 м. 1966 г.». Осталась память о школьной физкультуре! Я тоже постарался оставить о себе хоть какую-то память школе. На четвертом этаже при входе в спортивный зал висит таблица легкоатлетических рекордов школы. Есть там и два "моих результата 1970 года, когда я учился в десятом классе: прыжки в длину – 5 м 90 см и метание гранаты – 52 м.

...Когда я еще ходил в четвертый класс, на стенде лучших спортсменов школы уже висела фотография замечательного советского футболиста Толи Бышовца – выпускника нашей школы. Алла Анатольевна Лакизо не без гордости говорила нам, маленьким фанатикам футбола, что он – тоже был ее учеником. Как я завидовал тогда Бышовцу – футбольной звезде из киевского

«Динамо»! Впрочем, в те годы, кажется, вся динамовская команда сама по себе была звездой.

Команда-звезда

Я люблю свой город в любую пору года и завидую его многочисленным туристам. Мечтаю когда-нибудь вместе с женой и дочкой посвятить весь свой отпуск... знакомству с Киевом. Пока, увы, на это не хватало времени.

У моего города большая и славная история. Его возраст – 1500 лет. Горжусь тем, что столица Советской Украины – один из крупнейших спортивных центров страны. Здесь выросли многие выдающиеся чемпионы и рекордсмены Европы, мира и олимпийских игр.

Еще в школьные годы у меня захватывало дух от одного словосочетания: «Динамо», Киев! Три года кряду – с 1966 по 1968 – динамовцы никому не уступали лавры чемпиона Советского Союза.

О «Динамо» в ту пору писали как о своеобразном эталоне нашего футбола. Обозреватели пытались докопаться: в чем же секрет великолепных достижений киевлян? Забегая вперед, замечу, что сам тренер динамовцев Виктор Александрович Маслов не любил разговоров о своих секретах. Однажды он довольно резко высказался по этому поводу:

– Вам секрет? Пожалуйста! Он заключается в нашей повседневной кропотливой работе, работе трудной. Изю дня в день, из месяца в месяц, из года в год. Как балерина у станка: раз-два, раз-два. А завтра снова то же самое. Только и успеваешь переодеваться...

В ту пору команда «Динамо» во весь голос заявила о себе и на международной арене. День 20 сентября 1967 года запомнился мне как большой праздник: в Глазго на стадионе «Паркхед» в одной шестнадцатой розыгрыша Кубка европейских чемпионов мои земляки со счетом 2:1 победили «Селтик»! Ту самую команду, которая первой отвоевала самый почетный из европейских кубков у испанцев, итальянцев и португальцев, попеременно владевших этим призом со дня его учреждения в 1955 году.

На ответный матч «Динамо» – «Селтик», кажется, хотел попасть весь Киев. Как мне завидовали тогда товарищи по классу: за неделю до этой игры на одной из тренировок Леонидов выдал мне входной билет на стадион! А накануне самого поединка мне даже посчастливилось вблизи увидеть «Селтик». После тренировки я шел мимо гостиницы «Днепр», и вдруг из ее дверей начали выходить и садиться в автобус одинаково одетые крепкие парни. «Селтик»! – крикнул кто-то из мальчишек, обступивших автобус. Вмиг я сообразил, что шотландцы едут тренироваться на стадион. Помчался туда. Я был поражен тем, что на трибунах за разминкой шотландцев наблюдало тысяч пять-шесть болельщиков. И как они только узнали о тренировке?! Меня удивила бело-зеленая яркая и красивая форма «Селтика» и еще – порядок, царивший на поле во время тренировки.

Матч в Киеве закончился вничью – 1:1, и команда «Динамо» вышла в следующий круг.

В одной восьмой финала жребий свел «Динамо» и польский «Гурник» из Забже. На этой игре я был вместе с отцом. В ту пору польский футбол не привлекал к себе особого внимания, и все мы предвкушали легкую победу «Динамо». Похоже, что так настроились и сами динамовцы. Они начали встречу, штурмуя ворота «Гурника», и уже на тринадцатой минуте один из моих кумиров тех лет Виталий Хмельницкий открыл счет. Но тут во всем блеске раскрылся великолепный дар мастера атак двадцатилетнего Любаньского: через две минуты после пропущенного поляками гола он сравнял счет. Отличился и двадцатипятилетний полузащитник «Гурника» Шолтысик, который во втором тайме точным ударом вывел гостей вперед. У динамовцев была возможность хотя бы свести матч вничью, но лучший пенальтист клуба Йозеф Сабо не забил одиннадцатиметрового удара!

По дороге домой мы с отцом обменивались впечатлениями. Обидно было за любимую команду. Динамовцы, вероятно, решили, что после своей громкой победы над «Селтиком» они возьмут «Гурник» голыми руками. А поляки вовсе не испугались, и слава победителей «Селтика» только прибавила мощи и азарта «Гурнику». В Хожуве в повторном поединке соперники сыграли вничью, и «Динамо» выбыло из дальнейшего спора за Кубок. Но все же победа над «Селтиком» сделала свое дело, и на международной арене соперники стали относиться к киевскому «Динамо» со всей серьезностью.

...Быстро пролетели мои школьные годы. Прекрасные светлые воспоминания остались о родной школе, об уроках физкультуры, о стартах на школьных спартакиадах, о первых грамотах, медалях и рекордах. Жаль, что слишком мало у меня воспоминаний о школьных товарищах, о «школьном вальсе». К удивлению моих одноклассников, «школьный вальс» звучал для меня слишком редко – я почти не появлялся на наших вечерах. Я жил футболом. И, оканчивая десятый класс, был уже игроком дублирующего состава команды – мечты моего детства и юности – «Динамо», Киев.

ГЛАВА 5. В ДУБЛЕ

Кумиры

Наверное, у каждого мальчишки были свои кумиры. Я не исключение. Но, каюсь, с годами они у меня менялись и, по мере того как я вырослел, менялись и мои представления об избранных. В детстве мне очень нравились игроки киевского «Динамо» Виталий Хмельницкий и Владимир Мунтян.

Я тогда очень гордился тем, что выходил на поле в футболке под таким же, как у Хмельницкого, номером – «11». Он был одним из самых техничных наших форвардов тех лет.

В Киеве соперники обычно играли против «Динамо», обороняясь всей командой, и на подступах к своим воротам создавали плотный заслон. Ну просто густой частокол, сквозь который не проберешься. Но Хмельницкий умел находить лазейки в этом частоколе и, отлично владея скоростным дриблингом, все-таки проскальзывал сквозь защитные редуты. Он искусно играл головой. Подкупали его настойчивость и терпение. Защитники против Хмельницкого играли жестко. Его брали в «коробочку», толкали, били по ногам и валили с ног. Но он, словно бы дав обет молчания, даже не взглянув в сторону обидчиков, молча поднимался с земли, отряхивался и настырно продолжал свое дело.

Владимира Мунтяна, кажется, все болельщики в равной степени считали своим любимцем. Такое признание выпадает очень немногим футболистам. Мунтян, пожалуй, один из самых техничных игроков в советском футболе. Он обладал точным ударом с обеих ног, хорошим стартовым рывком, точным пласированным пасом. Даже бывалые знатоки всегда наслаждались, видя острые, неожиданные передачи Мунтяна, его хлесткие выстрелы по воротам, паутину финтов, мастерский дриблинг. И, главное, никаких аналогий с кем-то или с кем-то, уже виденным раньше. Правда, в свое время некоторые журналисты называли его «маленьким Суаресом». Но после того как в 1969 году спортивные обозреватели страны назвали Мунтяна лучшим футболистом года, уже никто не искал сравнений. Мунтян – это Мунтян, каждому свое. А вот закончил он свои выступления в большом футболе, на мой взгляд, слишком рано: в 1977 году. Ему шел тогда 31-й год.

Мунтян, семикратный чемпион Советского Союза – это рекорд в нашем футболе! – мог, думаю, поиграть в киевском «Динамо» еще несколько лет и принести большую пользу команде. Не знаю, что побудило Мунтяна уйти из спорта. Во всяком случае, не из-за слабой игры его отчислили из команды. К сожалению, в нашем футболе сложился определенный стереотип: когда игроку исполняется двадцать девять-тридцать лет, на него начинают посматривать, как на подзадержавшегося в спорте. Примеры Пеле, Беккенбауэра, Круиффа – я уже не говорю о Мэтьюзе, блиставшем на футбольных полях Англии до тридцати пяти и продолжавшем выступать до пятидесяти лет! – не принимаются во внимание нашими тренерами и спортивными руководителями. По моему глубокому убеждению, футболист, пусть ему даже за тридцать, должен оставаться в коллективе, если он по-прежнему силен. Он должен играть! Не только и не столько ради сиюминутного успеха клуба, сколько ради наглядного урока для молодых футболистов, которые, играя на поле рядом с большими мастерами, гораздо быстрее созревают сами.

Однако обо всем этом я не задумывался еще в ту пору, когда меня взяли в дублирующий состав «Динамо»... В то время я был полон впечатлениями. Сколько прекрасных мастеров было

тогда в киевском «Динамо»! Индивидуальной игрой в нападении блистал Анатолий Бышовец. Обладая высокой техникой, он в самой трудной ситуации мог обвести несколько игроков и забить гол. Йозеф Сабо, обладая мощным и точным ударом с обеих ног, всегда был подвижен и азартен, прекрасно ориентировался в обстановке. Рослый, физически сильный Сергей Круликовский, как правило, выполнял роль заднего стоппера, и я не знаю никого в стране, кто мог бы выполнять подкаты лучше него. Техничный и тактически грамотный стоппер Вадим Соснихин отлично играл головой и так самостоятельно и решительно действовал в своей штрафной, что болельщики называли его «директором». Надежно на линии ворот играл Виктор Банников, которого зарубежные журналисты окрестили «летающим вратарем».

Первое время я старался никому не попадаться на глаза – чувствовал себя не очень уверенно. Со временем робость прошла, и я стал свободнее держаться в коллективе. Понял, что это мой коллектив, хотя не знал твердо, буду ли играть в нем: кругом ведь одни звезды! Полными беспокойства и тревог были мой первый выезд в Гагру и сборы на Черноморском побережье. Сумка разрывалась от тяжести: вместе со спортивной формой и личными вещами она была набита учебниками и тетрадями. В 1970 году я оканчивал десятый класс и не хотел отставать от товарищей по школе. Одно время в период сборов в Гагре даже ходил на уроки физики, математики, химии в вечернюю школу рабочей молодежи.

Раньше после двухразовых тренировок я буквально валился с ног, но то, что динамовцы проделывали на юге, не шло ни в какое сравнение с моими юношескими тренировками. Двух и трехразовые занятия порой доводили до изнеможения. Штанга, акробатика, кроссы...

Когда меня взяли в дублирующий состав, оказалось, что многие элементы футбольной техники у меня не закреплены. Я не всегда четко останавливал мяч; допускал порой ошибки в передачах на двадцать-тридцать метров, в других технических приемах. Впрочем, было бы удивительно, если бы я владел техникой лучше. Ведь на том пяточке асфальта, где обычно тренировалась группа Леонидова, доводить до совершенства технические приемы так же нелегко, как юную танцовщицу обучать высшим балетным «па» где-нибудь на опушке или на лесной поляне...

Впрочем, я понял это уже потом. А тогда, семнадцатилетним пареньком попав в команду мастеров, многое из футбольной науки я должен был изучать заново. Помогал мне в этом заслуженный тренер Украины Михаил Михайлович Коман.

Коман

Когда в 1954 году киевляне впервые в истории клуба выиграли Кубок Советского Союза, мой тренер по дублю Михаил Коман был одним из основных бомбардиров команды. Он пришел в «Динамо» из ужгородского «Спартака» в 1949 году, сразу занял место левого полусреднего нападающего и играл в «Динамо» одиннадцать лет. Говорят, он был очень техничным и тактически грамотным игроком, постоянно искал позицию для удара. Коман забил 62 гола. Простившись с большим футболом, он сразу стал тренером резервистов.

На первых порах я побаивался Михалыча, как мы его все величали. Чуть что не так выполнишь на тренировке, он в крик: «Я с тебя, пацан, труссы сниму и ремнем отстегаю!» Крепкие выражения были у него в ходу. Но вскоре я понял, что все это не со зла. Коман учил нас все футбольные приемы исполнять легко, точно и только за счет техники. Многое он передавал нам из личного футбольного опыта. Тактические тонкости, которыми щедро делился со мной Коман, я бы, разумеется, ни в одном футбольном учебнике не нашел.

Постепенно я привык к нагрузкам, которые так ошарашили меня вначале, и стал даже получать удовольствие от тренировок. К тому же тренер тонко чувствовал, когда мы уставали, и изменял нагрузки. Поэтому почти каждое занятие проходило в охотку, азартно. Тренировки были, как мне тогда казалось, очень короткими, но интенсивными, все упражнения выполнялись только в движении. Много внимания Коман уделял работе над техникой. Короткие передачи, длинные, игра головой, прием мяча, остановка, обводка – все повторялось десятки, сотни раз. Нас, дублеров, учили и тактической мудрости. Хорошо запомнились индивидуальные уроки с тренером. Он посвящал меня в тайны футбольного дела. Я исподволь узнавал от Комана, что надо делать, когда идет передача с фланга, как завершать атаки в

центре, с каких точек нельзя бить по воротам, под каким углом лучше пробить, как надо опережать защитника в игре головой. Узнал, почему нельзя пробегать мимо вратаря. Тренер объяснил, что всегда лучше затормозить перед вратарем в расчете на то, что он может не удержать, мяч и тогда представится случай добить мяч в ворота. Не все, естественно, быстро усваивалось, не все подходило для моей игры, но многое из этого арсенала технико-тактических футбольных хитростей откладывалось и потом очень пригодилось.

Учил меня Коман и бить пенальти. «Ты когда будешь бить пеналь, – поучал Михалыч, – становись под углом напротив той дуги, на Которую сетка натягивается. Разбегаться и бить по прямой тяжелее». Этот урок я усвоил и в дальнейшем только так и разбегался. Правда, в первый раз, когда мне пришлось бить одиннадцатиметровый в официальном матче, получился конфуз. Играли мы на Кубок в Ростове, и вышел я на замену. Игра закончилась вничью. По четыре пенальти забили обе команды. Я иду бить последним. Вроде бы все сделал правильно. Разбежался под нужным углом и хорошо ударил: вратарь бросился в один угол, а я пробил в другой. Но... мяч попал в штангу. Я не забил.

Надо было видеть, что творилось с моим учителем в раздевалке. «Кто тебя, пацан, послал бить пенальти!» – сокрушенно проговорил он. А я проклинал себя и за то, что вышел играть, и за этот злосчастный пенальти, и за всю свою страсть к футболу, которому отдаю столько сил...

Из беседы с Михаилом Команом.

– Когда вы впервые заметили Блохина?

– Во время одного матча нашей юношеской команды «Динамо». Блохину было лет пятнадцать-шестнадцать. Он отличался от сверстников хорошей скоростью, нацеленностью на ворота. Мальчик создавал много опасных моментов и забивал голы.

– И все-таки иные тренеры утверждали, что бойцовских качеств не хватает парню, не выйдет из Блохина футболист.

– Приходилось такое слышать. Он избегал силовой борьбы, а это иными специалистами классифицировалось как трусость. Помню, Блохин не любил, впрочем, наверное и не умел, вести единоборства с защитниками. Зато у него были другие яркие качества. Само собой – скорость! Но плюс к этому – отличная координация, хороший удар слева, прекрасное видение поля и, я бы сказал, умение мыслить на скорости. Не каждому это дано.

В дублирующем составе я отыграл почти три сезона. Конечно, хотелось поскорее надеть футболку основного состава, но в те годы в «Динамо» играли сильные футболисты – Анатолий Бышовец, Виталий Хмельницкий, Анатолий Пузач, Владимир Онищенко. Трое из них в 1970 году выступали в составе сборной СССР на чемпионате мира в Мексике. И забивали голы! В пору моего пребывания в дублирующем составе старшим тренером команды был Виктор Александрович Маслов. Я всегда с особой теплотой вспоминаю этого человека – личность легендарную в советском футболе.

Дед

Виктор Александрович Маслов сам с дублерами не работал, только исподволь наблюдал за нами. Но этот внимательный взгляд мы постоянно ощущали. Помню один как будто незначительный, но характеризующий этого человека эпизод.

Я тогда только начинал играть в дублирующем составе. Бутсы у меня были такие старые, что кое-где сквозь дыры просвечивала нога. Это мне ничуть не мешало, я этого просто не замечал. Но однажды на тренировке вдруг слышу хриловатый бас Виктора Александровича: «Миша! Коман! Ты что, не видишь? У тебя же пацан босиком играет!»

Несмотря на то что со мной Виктор Александрович ни в чем не беседовал, я знал его мнение о себе:

– В Блохине подкупает скорость, – говорил старший тренер одному из журналистов. – Взгляните на него, сам как тростиночка, а бежит очень быстро!

По словам Комана, Виктор Александрович считал, что у меня подходящее для футбола сложение – длинные ноги, узкий таз, удлиненные мышцы. Ему нравилось, что во время бега я не разворачиваю стопы, а ставлю их ровно и поэтому не теряю скорость. К слову, В. А. Маслов вообще придавал большое значение сложению футболиста.

С именем В. А. Маслова связан головокружительный взлет киевского «Динамо»: три раза подряд команда побеждала в чемпионате СССР, дважды становилась серебряным призером и еще два раза – обладателем Кубка СССР! Конечно, я считал его богом.

Острый взгляд маленьких, чуть прищуренных глаз, добродушная с лукавинкой улыбка – так выглядел Виктор Александрович. Динамовцы любовно называли его «дедом» – он был для футболистов и отцом родным, и старшим товарищем. Чуть грубоватый в обращении, он мог иногда и гаркнуть, и пригвоздить крепким русским словом. Но футболисты знали, что за этой чисто внешней грубостью, за простотой «деда» скрывается большая любовь к футболу и к футболистам. Маслова в команде все побаивались и любили. Однажды один из любимцев тренера Виктор Серебрянников рассказал такой красноречивый факт.

Перед отъездом команды на игру с «Кайратом» в Алма-Ату у Виктора Александровича Маслова тяжело заболел сын. Он срочно выехал к сыну в Москву, а команда вылетела в столицу Казахстана без старшего тренера. Настроение, конечно, у всех было неважное. И как же были удивлены и обрадованы футболисты, когда перед самым матчем в раздевалке появился «дед».

– Мы тогда прекрасно понимали, – вспоминал Серебрянников, – что проиграть матч просто не имеем права. После игры Виктор Александрович должен был возвратиться в Москву, к сыну. А мы ехали дальше, в Ташкент. «Дед» собрал нас и сказал: «Я верю в вас, ребята. Буду ждать из Ташкента хороших вестей». Слова тренера подействовали. Мы верили, что выиграем.

– Какое качество вы цените в футболисте больше всего? – спросили однажды Маслова.

– Одно назвать не могу, – ответил он. – Ценю ряд качеств: скорость, ловкость, выносливость, технику и, пожалуй, увлеченность. Убежден, что без большой любви к своему виду спорта никакой спортсмен не сможет достичь высоких результатов.

Еще до Киева, работая тренером в Москве, Маслов воспитал целую плеяду известных советских футболистов – Стрельцова, Воронина, Иванова, Шустикова, Сергеева, Гусарова, Медакина и многих других. Он очень любил Стрельцова. Помню, как в одном из интервью журналист, начав разговор об этом выдающемся советском футболисте, сказал:

– Мнения обозревателей и специалистов о Стрельцове явно противоречивы. Одни называют его игроком экстракласса, другие поругивают за то, что много простаивает...

– Чепуха все это! – прервал его Маслов. – Десяток лет о нем говорили, что он стоит, а Эдик, имея невероятную скорость, несмотря на все крутые повороты судьбы, сумел сохранить ее. В нужный момент он взрывается и забивает голы. Великолепный футболист!

В ту пору были модными разговоры о психологической подготовке футболистов. Теперь, вспоминая какие-то детали из жизни команды, я понимаю, что для Маслова в этом вопросе не было мелочей. К примеру, перед каждой календарной игрой вечером все ребята собирались в столовой за чаем с вареньем. Правда, пить чай было не обязательно. Но собирались все. Я в такие вечера обычно забирался куда-нибудь в уголок, чтобы не особенно бросаться в глаза старшим ребятам или самому Маслову. За чаем сам собой возникал душевный разговор. И было замечено: если чаепитие удавалось, проходило интересно, живо, с юмором, то на следующий день команда матч выигрывала. Скажете: мистика! Но вот «дед» этот самый «чай с вареньем» относил к области психологической подготовки спортсмена и предварительной настройки его нервной системы на будущий поединок.

Как об этом ни грустно вспоминать, уход выдающегося советского тренера из киевского «Динамо» был довольно печальным. Произошло это в год чемпионата мира в Мексике, где сборная СССР, в состав которой входило и пятеро киевлян, дошла лишь до четвертьфинала. Помнится, «мексиканцы», как мы называли тех, кто возвратился с чемпионата мира, были недовольны собой и своей игрой. Они вернулись домой физически и морально уставшими. Но Маслов продолжал верить ветеранам и упорно ставил их в основной состав, хотя в тот период многие мои товарищи по дублю готовы были заменить «мексиканцев». В коллективе наметился раскол, дисциплина резко упала, и старший тренер уже слабо контролировал события.

После очередного поражения – 24 сентября 1970 года в Москве в матче ЦСКА со счетом 0:1 – Виктора Александровича Маслова освободили от обязанностей старшего тренера киевского «Динамо».

Тут же многие киевские репортеры, которые восхваляли старшего тренера в пору побед

«Динамо», обрушились на Маслова-неудачника. Иные статьи вызывали у меня недоумение. Сколько я ни силился, так и не мог понять, в чем же конкретно обвиняют Маслова. Все хорошее вмиг было забыто.

Когда Виктора Александровича Маслова уже не было в живых, я прочел о нем очень теплое высказывание в книге Н. П. Старостина «Звезды большого футбола», которую, к слову, считаю одной из лучших книг о нашем футболе и футболистах. Примечательно, что строки эти писались в ту пору, когда легендарный «дед» еще работал в киевском «Динамо». Вероятно, предвидя то обстоятельство, что В. А. Маслов, уроженец Москвы, все же когда-нибудь вернется в родной город, Старостин писал: «Его следует встречать с особым уважением не только потому, что он взял с «Торпедо» в 1960 году первенство и Кубок, но и за то, что он убедительно и с блеском бил московские команды, наглядно учил уму-разуму молодую плеяду столичных тренеров. Побольше бы таких Викторов советскому футболу!»

После ухода В. А. Маслова из клуба уже в следующем сезоне динамовцы вновь стали чемпионами страны. По на этот раз в потоке хвалебных статей так никто и не вспомнил легендарного «деда». Все дифирамбы по случаю победы в 1971 году достались новому старшему тренеру команды А. А. Севидову. О нем разговор впереди. Здесь лишь, справедливости ради, хочу заметить, что в чемпионских медалях, завоеванных под руководством нового тренера, были заслуги и Виктора Александровича Маслова. Нельзя за один сезон выветрить все, что накапливалось в команде годами. Иные журналисты в своих восхвалениях, кажется, вовсе забыли о человеке, которого лишь недавно дружно воздвигали на пьедестал. И только сам Севидов – благороднейший человек! – в свой звездный час в интервью корреспонденту «Комсомольской правды» сказал: «Сегодня радость победы по праву должен разделить с нами Виктор Маслов, с именем которого связаны громкие победы «Динамо» в шестидесятых годах. Виктор Александрович оставил нам богатое наследство, привив команде культуру игры, творческое отношение к делу всех без исключения футболистов...»

Я, все еще игрок дубля, с завистью смотрел на товарищей по клубу, получавших чемпионские награды. Сам тоже рвался в бой и чувствовал, что смог бы, наверное, принести пользу команде. Мечтал, конечно, о такой же медали. Но так уж вышло, что первую свою значительную награду в большом футболе я получил не за успехи на внутреннем чемпионате, а за достижения на олимпийских играх.

ГЛАВА 6. МОИ ОЛИМПИАДЫ

Мюнхен-72

Международный дебют советской команды, которой предстояло бороться за путевку в Мюнхен, состоялся в июле 1970 года на Республиканском стадионе в Киеве. Соперником олимпийской сборной СССР была сборная клубов Польской Народной Республики. Поляки победили – 2:1.

– Мне нравятся ваши футболисты, – говорил тренер сборной Польши Ришард Концевич обступившим его советским журналистам. – Почти каждый из них в отдельности – мастер футбола. Боговик, Онищенко, Трошкин подтвердили это сегодня. Но слаженного ансамбля, на мой взгляд, у вас пока нет.

Прошло чуть больше года.

В октябре-ноябре 1971 года олимпийцам предстояло провести ответственные матчи второго этапа отборочных игр с командами Австрии и Франции. Нужна была проверка боем. Для этого Спорткомитет СССР организовал в конце сентября в Киеве международный турнир с участием олимпийской сборной Советского Союза, болгарской команды «Спартак», венгерского клуба «Диошдьер» и киевского «Динамо».

В первом же матче олимпийцев с болгарами обнаружилась одна из проблем нашей команды – неумение точно завершать атаки. Лишь минут за пятнадцать до финального свистка Веремеев со штрафного удара забил единственный в этом матче гол в ворота гостей.

Матч киевского «Динамо» с венгерским клубом «Диошдьер», проходивший под проливным дождем, закончился с «сухим» счетом – 2: 0 в пользу динамовцев.

Когда начался финальный поединок турнира между киевским «Динамо» и олимпийской сборной СССР, я сидел на скамейке запасных своего клуба. Почти весь первый тайм искося поглядывал на старшего тренера Севидова: «Выпустит на поле или нет?» В олимпийской сборной вместе с другими сильнейшими футболистами страны играли четверо киевлян – Сергей Доценко, Стефан Решко, Владимир Трошкин и Владимир Веремеев. Так что из двадцати двух футболистов, вышедших на поле, пятнадцать были из киевского «Динамо». Свои против своих. Но матч носил далеко не семейный характер. Тон задавали мои одноклубники. А у олимпийцев игра не клеилась. Когда счет стал 2:1 в пользу «Динамо», Севидов жестом подозвал меня. Сердце радостно заколотилось. «Все-таки выпустит!» Я мигом подбежал к тренеру, присел рядом на корточки. Севидов мягко положил мне руку на плечо:

– Ты про Гершковича что-нибудь слышал?

– Который в московском «Торпедо» играет? – я не понимал, к чему этот вопрос.

– Он самый, Миша Гершкович, – Севидов улыбался. – Очень техничный и быстрый паренек. Но когда к нему попадает мяч, то, говорят, забрать его назад можно только с помощью милиции...

Я понял, куда клонит тренер, и даже, кажется, чуточку смутился. А Севидов уже без улыбки продолжал:

– Сейчас, Олег, выйдешь на поле. Играй впереди, смело атакуй. Забьешь – молодец. Но при этом постарайся не терять из виду Толю Бышовца. Запомни, хороший пас партнеру – признак зрелости футболиста.

Сбросив с себя тренировочный костюм, я выбежал на поле и потрусил на левый край. Бышовец одобряюще помахал мне рукой. Я был на поле в основном составе «Динамо»! Конечно, радость переполняла меня, но как только я коснулся мяча, эмоции утихли. Захватила игра. Я помнил наставление Севидова. Пытался, конечно, сам пробить по воротам, но больше подыгрывал Бышовцу и в конце игры мне удалось выложить Толе мяч прямо под удар – он забил третий гол в ворота наших олимпийцев! Они вновь, как и после прошлогоднего матча с поляками, покидали поле киевского стадиона понуриив головы.

Наступил год XX Олимпийских игр. В чемпионате страны я уже регулярно выходил на поле в основном составе клуба. 16 июля 1972 года в международной товарищеской встрече против команды Финляндии я уже дебютировал в составе олимпийской сборной СССР. Матч проходил в небольшом финском городке Васа. Его стадион показался мне очень маленьким, с узким и местами неровным полем. Сразу подумал, что разогнаться на нем будет негде.

На семнадцатой минуте матча Гиви Нодия прошел по правому краю и из центра сильно пробил по воротам. Почувствовав ситуацию, я рванулся к вратарю на какое-то мгновение раньше удара Нодия и, помня уроки тактики, полученные еще в дубле, затормозил за несколько метров до голкипера. Вратарь не удержал мяч. В то же мгновение я добил его в сетку. Гол! Мой первый гол в составе олимпийской сборной!

Минут за пять до финального свистка форвард хозяев поля Паателайнен сравнял счет. В итоге – 1:1. Из Финляндии мы переехали в Швецию и там тоже довольствовались ничьей – 4:4. Мне вновь удалось забить гол. Я тогда, наверное, весь светился от счастья.

Последние сборы олимпийской команды проходили на базе в Новогорске под Москвой. Стояло жаркое лето – до сорока градусов. В некоторых районах вокруг Москвы горел торф. На тренировках в прямом смысле слова с нас сходило семь потов. Но никто не роптал, и ребята работали с полной отдачей. Ведь решался вопрос, кому из кандидатов ехать на Олимпиаду-72. Я внимательно прислушивался к советам старшего тренера сборной Александра Семеновича Пономарева. К слову, мое знакомство с ним было довольно любопытным.

...Я приехал в Москву и шел в гостиницу «Пекин», куда велено было явиться членам сборной. В лицо я тогда знал лишь нескольких именитых игроков первой команды СССР. Подхожу к гостинице, а мне навстречу какой-то невысокий мужчина в коротком плаще, в кепке с маленьким козырьком. Перед самой дверью я остановился и пропустил его первым.

Вскинув голову, он внимательно посмотрел на меня. Я на всякий случай поздоровался.

– Здравствуй, – негромко ответил он. – Твоя фамилия Блохин? А моя – Пономарев. Будем

знакомы.

Я опешил. Об этом замечательном советском футболисте, заслуженном мастере спорта и заслуженном тренере СССР я много слышал. Читал, что он был стремительным, сильным форвардом, обладал мощным рывком и отличным ударом. Установил рекорд чемпионатов СССР по количеству забитых голов за все годы (мне бы тогда и в голову не пришло, что через десять лет именно я побью этот рекорд!). Я представлял себе старшего тренера сборной представительным, солидным мужчиной. Грешным делом подумал тогда: «Не может быть, что это тот самый Пономарев». Но на первой же тренировке я убедился в силе этого великого бомбардира. С мальчишеским обожанием смотрел, как Александр Семенович работал с вратарями сборной, бил по воротам, и завидовал его великолепно поставленным ударам. Он мог ударить с лета с носка – сложнейший удар! – и мяч пулей влетал в ворота.

...И вот Мюнхен. Мечта стала явью! Праздник открытия Игр XX Олимпиады был ярким и торжественным, как и подобает крупнейшим спортивным состязаниям современности. Потом стремительное течение событий Олимпиады несколько заслонило впечатления о празднике открытия. Для нас, футболистов, начались рабочие будни, а вместе с ними у меня произошла и некоторая переоценка, ценностей. Я понял, а со временем твердо убедился в том, что футбольные турниры на олимпийских играх по своему уровню, по классу соперников, по накалу борьбы уступают, скажем, чемпионатам Европы или розыгрышам европейских кубков, не говоря уже о чемпионатах мира.

Подгруппу, в которую наша команда вошла по жеребьевке, даже с большой натяжкой нельзя было назвать сильной: сборные Бирмы, Судана и Мексики. Первые две страны не значились ни на одной футбольной карте мира, а мексиканцы привезли в Мюнхен молодых малоопытных игроков. Наш стартовый матч мы провели 28 августа в Регенсбурге со сборной Бирмы. Я был запасным и весь первый тайм сидел как на иголках. Только на пятидесятой минуте Виктор Колотов метров с двадцати пяти таким сильным ударом послал мяч в верхний угол ворот, что вратарь Тин Аунг не успел даже среагировать. Спустя минут десять после этого тренеры выпустили меня на поле вместо Онищенко. До конца встречи Колотову, Андреасяну и мне не раз удавались удары по воротам, но неплохо играл вратарь сборной Бирмы, да и мы не всегда были точны. Первый наш матч на Олимпиаде закончился перевесом всего в один мяч. Мы уходили с поля с настроением школьников, ответивших учителю урок на троечку, чудом избежав двойки.

Через два дня в Мюнхене на Олимпийском стадионе сборная СССР играла с командой Судана, которую тренировал англичанин Холлей. Накануне он рассказывал журналистам, что принял эту команду лишь за два месяца до приезда в Мюнхен. До него суданцы готовились к Олимпиаде без тренера и проиграли подряд семь матчей африканским соперникам. Холлей говорил, что в Судане всего три травяных поля и развитие футбола сопряжено с множеством трудностей. Но в команде наших соперников я увидел (снова со скамейки запасных) рослых, физически крепких ребят, которые умело владели мячом, быстро бегали, правда, имели, на мой взгляд, слишком слабое представление о тактических принципах игры. Но сопротивлялись упорно. Сборная СССР выиграла матч со счетом 2:1, но, откровенно говоря, победа особого удовлетворения не принесла.

И все же выигрыш обеспечил нам выход в полуфинал, независимо от исхода матча с мексиканцами. Вероятно, поэтому 1 сентября в Регенсбурге мы уже без особого напряжения уверенно обыграли сборную Мексики – 4:1. Сравнительно легко дались команде победы и в финале над сборными Марокко (3:0) и Дании (4:0).

Наступило 5 сентября. Для нас этот день оказался днем крушения надежд на победу.

В городе Аугсбурге, что в шестидесяти километрах от Мюнхена, мы встретились с командой Польши. Игра складывалась сначала удачно. На двадцать восьмой минуте мы повели в счете: мне удался прорыв на левом фланге и точный удар в дальний от вратаря угол. Продолжаем атаковать. В первом тайме у поляков, пожалуй, не было шансов на успех. Лишь проходы Любаньского, как вспышки, озаряли игру польской сборной и напоминали нам, что надо держать ухо востро. Зато после перерыва нашему вратарю Евгению Рудакову все чаще приходилось вступать в игру. А тут еще за полчаса до конца встречи на поле появился Шолтысик. Я заметил, что наша оборона на правом краю начала давать трещины. Отсюда и

пришла беда. Шолтысик на углу штрафной площадки обыграл Дзодзуашвили, тот попытался остановить соперника руками. Пенальти в наши ворота – и счет становится 1:1. Вскоре после этого мне удалось прорыв и точный удар. Мяч в сетке! Но что это? Судья гол не засчитывает и показывает, что я забил его из офсайда. Перед самым концом матча снова рвется к нашим воротам Любаньский, отдает пас Шолтысику. Удар – и второй мяч в сетке наших ворот.

Матч нами проигран – 1:2. С мечтой о первом месте пришлось расстаться. Убитые поражением, мы возвращались в Олимпийскую деревню.

Заключительный матч мы сыграли со сборной ГДР вничью – 2:2. Согласно положению, мы и команда ГДР получили бронзовые медали.

Олимпийскими чемпионами стали футболисты Польши. Президент Международной федерации футбольных ассоциаций С. Роуз по окончании олимпийского турнира заявил, что давно не видел команды, которая бы продемонстрировала в финале столь незаурядное мастерство.

На фоне общих побед советской олимпийской дружины – 50 золотых, 27 серебряных и 22 бронзовые медали! – «бронза» футболистов, конечно же, выглядела довольно тускло. Я тоже испытывал какую-то неудовлетворенность от встречи с олимпийским футболом. Правда, тогда я не особенно задумывался о причинах неудач нашей сборной. Но из множества оценок, появившихся в печати, помню, мне особенно понравилась статья заслуженного мастера спорта Виктора Понедельника. В ней, в частности, говорилось:

«В течение двух сезонов мы все знали, что наряду с первой сборной, играющей в чемпионате Европы, у нас создана и существует олимпийская команда – молодая, энергичная, готовящаяся непосредственно к Олимпиаде. Команда, кстати, и завоевавшая в отборочных играх право на поездку в Мюнхен. А потом в самый последний момент по воле Управления футбола родился непонятный симбиоз нескольких разрозненных коллективов. Вот и получилось, что на Олимпийские игры прибыли в составе советской сборной три левых крайних форварда и ни одного правого, три передних центральных защитника и ни одного заднего, играющего в зоне, и т. д. и т. п. К тому же в коллективе оказалось несколько игроков из «Зари» и «Зенита», пусть и весьма перспективных, – но которым ни опыт, ни мастерство не давали никакого права на майку с эмблемой сборной Советского Союза. Право это завоевывается всегда нынешними заслугами, а не будущими».

На мой взгляд, очень точная оценка.

Монреаль-76

В Монреаль, на Олимпиаду, советская команда, почти полностью состоящая из игроков киевского «Динамо», приехала за золотыми медалями. Нас настраивали только на победу. Основными конкурентами советской сборной считались футболисты Польши и ГДР.

Первый матч мы провели против хозяев Олимпиады – сборной Канады. Уже на восьмой минуте Онищенко, чутко среагировав на передачу Колотова, вышел один на один с вратарем и забил гол – первый гол олимпийского футбольного турнира. Спустя три минуты тот же Онищенко, на приличной скорости сыграв со мной в стенку, снова завершил комбинацию точным ударом – 2:0! Откровенно говоря, соперник был не из трудных и показал, пожалуй, лишь одно завидное качество – высокий спортивный дух. Однако за две минуты до финального свистка канадцам удалось забить гол. И нам пришлось довольствоваться победой со скромным счетом – 2:1 После игры Лобановский на пресс-конференции сказал:

– Счетом матча мы не удовлетворены. Равно как и действиями отдельных футболистов с середины первого тайма. Впрочем, надо понять, что это был первый матч олимпийского турнира. И футболисты, естественно, волновались, переживали.

В драматической, упорнейшей борьбе прошел второй наш матч – с командой КНДР. Дорога из Монреаля в Оттаву, где мы его провели, заняла два часа на автобусе. Местный стадион построен для игры в американский футбол – две трибуны и два яруса высоко и круто уходят в небо, газон поля весь в выбоинах. И все же не это стало главной трудностью в игре с командой КНДР. Я просто поражаюсь мужеству и стойкости корейских футболистов, которых мы на первых же минутах буквально прижали к воротам. Однако защита соперников играла

удачно.

За тринадцать минут до конца встречи на табло все еще были нули. И тут на 77-й минуте испанский судья Гуручета Муру назначил пенальти в ворота сборной КНДР за игру защитника рукой. Корейские футболисты долго протестовали против такого решения арбитра, и ему даже пришлось удалить с поля наиболее активного из возмущенных игроков – Ан Гил Вана. Колотов забил одиннадцатиметровый. Через пять минут после этого мне удалось прорыв по левому флангу, который я завершил точным пасом в штрафную. На передачу отлично среагировал Володя Веремеев и в красивом броске головой забил второй гол. Но даже после этого не все из нас смогли совладать с огромным нервным напряжением, которое в матче с таким, казалось бы, заштатным соперником испытывала наша сборная...

...Последний гол в матче с КНДР удалось забить мне. Ворвавшись в штрафную площадку, я заметил, что вратарь занял неверную позицию. В итоге – 3:0. Но с каким трудом, с каким напряжением сил далась нам эта победа.

Четвертьфинальный матч со сборной Ирана мы провели в небольшом городке Шербрук, расположенном в 165 километрах от Монреаля. Маленький стадион с низенькими трибунами утопал в зелени садов. Вокруг тишина, как на даче. Но нам было не до отдыха. Мы предполагали, что иранцы в игре с нами постараются укрепить оборону и основное внимание уделят защите. Согласно установке, мы должны были выманить соперников на свою половину поля, получить простор для своих действий и, используя в атаке скорость, добиться успеха. Несмотря на все наши старания, игра у команды не шла. Тренеры со скамьи запасных то и дело покрикивали: «Что вы сбиваетесь в кучу?», «Играйте шире!», «Растяните их!» Как и во встрече с канадцами, мы победили со скромным счетом – 2:1.

После полуфинального матча со сборной ГДР рухнули все наши надежды на победу в олимпийском турнире. Во вторник, 27 июля, мы сыграли, пожалуй, лучший свой матч на Олимпийских играх, но далеко не лучший в своей практике. Мы отдавали много сил борьбе, но наладить командную игру нам так и не удалось. Ошибаясь в передачах, наши полузащитники порой сами срывали атаки. Не всегда уверенно действовала оборона. На 59-й минуте мексиканский арбитр Дорантес назначил пенальти в наши ворота за то, что Колотов неправильно атаковал Хоффмана. Дернер пробил в самый угол. Спустя семь минут грубо ошибся Звягинцев – промахнулся по мячу. Полузащитник сборной ГДР Курбювайт, использовав эту ошибку, вышел один на один с Астаповским и забил гол. Проигрывая 0:2, мы предприняли настоящий штурм ворот противника. За шесть минут до конца матча судья назначил пенальти в ворота ГДР. Колотов пробил точно. 1:2. А большего нам сделать не удалось.

После матча на пресс-конференции от тренеров нашей сборной выступал Базилевич.

– Мы поздравляем футболистов ГДР с победой и желаем им успеха в финале, – сказал он. – Это был матч равных, хорошо подготовленных к турниру соперников. Во многом исход борьбы зависел от того, кто первым забьет гол. Мы считаем, что пенальти в наши ворота был назначен неправильно. Мексиканский арбитр Дорантес перед этим судил на линии матч СССР – Канада, допустил тогда много ошибок. За это мы его критиковали, и сейчас он провел матч также слабо.

Быть может, и была доля правды в резюме тренера, но нас, футболистов, его слова слабо утешали.

В последние дни августа дождь стал чуть ли не постоянным фоном Олимпиады. И во время нашего матча с Бразилией, в котором решалась судьба бронзовых медалей, он с первых минут встречи заморосил, а потом припустил всерьез. Уже на пятой минуте после моей передачи слева Онищенко в красивом броске головой забил эффектный гол. Сразу после перерыва мы вновь пошли в атаку. Нам удалось увеличить счет: заметив, что Назаренко в удобной позиции, я отдал ему пас, и он точно пробил по воротам – 2:0. Этот матч закончился победой нашей олимпийской сборной, завоевавшей в Монреале бронзовые медали. К слову, как было объявлено еще до начала олимпийского турнира, право на получение медалей давалось тем футболистам, которые выступали на XXI Олимпиаде хотя бы в одном матче. Из 17 наших игроков, приехавших в Монреаль, не выступали только двое – вратарь Прохоров и нападающий Кипиани. Когда тренеров спросили, почему на поле так и не появился тбилисский динамовец,

который в чемпионате страны показывал острую и результативную игру, они ответили: «Кипиани не совсем вписывается в ансамбль...» А на резонный вопрос: «Зачем же его взяли?» – никто так и не смог ответить.

Финальный матч ГДР – Польша был ярким и зрелищным. Несмотря на проливной дождь и неважное качество поля, обе команды показали высокий класс. Финальный свисток уругвайского арбитра Баррето зафиксировал счет 3:1 в пользу футболистов сборной ГДР, ставших олимпийскими чемпионами Монреаля-76.

В Монреале в составе сборной страны я завоевал свою вторую бронзовую олимпийскую награду. В домашнем музее вместе с ней хранится и очень дорогая для меня вещь – официальное приглашение с таким текстом:

«В честь победителей XXI летних Олимпийских игр.

Правительство Союза Советских Социалистических Республик просит товарища О. В. Блохина пожаловать на прием в пятницу 13 августа 1976 года, в 17 часов.

Кремлевский Дворец съездов».

Это – на всю жизнь. Там, в Кремле, находясь среди прославленных советских чемпионов и рекордсменов, я умом и сердцем понял, что труд спортсменов, их моральные и физические перегрузки, без которых невозможен большой спорт, победы олимпийцев нужны не только им самим. Они нужны людям, нашему народу. Такие победы – это уже не просто личное спортивное счастье, это счастье гражданина великой страны.

...Вновь, как и четыре года назад, бронзовая награда футболистов стала слишком скромным вкладом в общий блестящий успех советской сборной. Олимпийцы Советского Союза завоевали на канадской земле 125 медалей, в том числе 47 золотых, 43 серебряные и 35 бронзовых.

Третье место футбольной команды расценивалось обозревателями чуть ли не как поражение. Во многом их мнение я считаю справедливым. Ведь команда, выступившая на Олимпиаде в Монреале, была мощной и могла, как и планировалось, выиграть олимпийский турнир. Что помешало? Чтобы ответить на этот вопрос, нужно проанализировать не только подготовку сборной к Олимпиаде-76, но и рассказать о положении дел в киевском «Динамо» того периода. Ведь сборная СССР тогда в основном состояла из футболистов этой команды, которая в 1976 году переживала явный спад в игре. А перед спадом был фантастический взлет «Динамо» в двух предыдущих сезонах. Поскольку я был не только свидетелем, но и участником всех этих событий, постараюсь дать им свою оценку. А начну рассказ о своей команде с той поры, когда я только-только завоёвывал место в основном составе киевского «Динамо».

ГЛАВА 7. В ОСНОВНОМ СОСТАВЕ

Севидов

В 1971 году, за шесть недель до окончания первенства Советского Союза, на Республиканском стадионе в Киеве был объявлен чемпион страны по футболу. В тот вечер, 28 сентября, «Динамо» со счетом 1:0 победило львовскую команду «Карпаты» и, набрав 43 очка, стало недостижимым для соперников. Это было пятое в истории клуба чемпионское звание. На следующий день в газете «Советский спорт» появилась большая фотография команды и два столбца текста о ней. С удивлением я обнаружил в тексте свою фамилию. Автор статьи, вписав мое имя в список футбольных знаменитостей, сделал и меня причастным к успеху, хотя я, все еще игрок дублирующего состава, никакого отношения к той победе динамовцев не имел. Правда, раза четыре – не больше! – меня выпускали на замену во время матчей основного состава. Но разве это «причастность»? И все-таки эта маленькая неточность наполнила мою душу радостными надеждами. Как я тогда завидовал старшим товарищам по клубу, как изо всех сил рвался заменить кого-нибудь из них! Мне казалось, что если бы я вышел на поле, скажем, вместо Пузача или Хмельницкого, я смог бы возглавить атаку в команде. Гораздо позже я понял, как же сток был мой возрастной эгоизм, как мудро по отношению ко мне

поступал старший тренер команды Александр Александрович Севидов.

Севидов сменил в «Динамо» старшего тренера В. А. Маслова и очень отличался от своего предшественника прежде всего в чисто внешних проявлениях характера. Рассерженный какой-нибудь неудачей, Виктор Александрович всегда бушевал, метал, как говорится, громы и молнии. Севидов же не был сторонником подобных разносов. Он считал, что сам облик футболиста изменился за пятнадцать-двадцать лет развития нашего футбола. В команду в основном приходят люди с высшим образованием, с достаточно высокой культурой, эрудированные, разбирающиеся в своем деле. Поэтому, считал он, деловой тон гораздо уместнее в решении всяких, даже очень спорных, вопросов.

Севидов – меломан, и мы знали, что музыку он любит исступленно, знает ее почти профессионально. Быть может, эта любовь к музыке сделала Севидова очень мягким и добрым человеком. Он любил поиграть с ребятами в шахматы, задушевно побеседовать о жизни.

В тот чемпионский сезон красиво играла команда. Синхронность в действиях и мышлении игроков, ритмичность (то есть сочетание плавного ведения атаки со взрывом в пределах штрафной), интенсификация действий – вот какими были основные принципы «Динамо»-71. Команда отказалась от физического давления, от случайных навесов в штрафную площадку. В атаке динамовцы стремились к острокомбинационному стилю, к созданию внезапных концовок.

– Все должно сочетаться, – говорил нам Севидов на тренировках. – Обвел двоих, троих, рванулся в открытую зону, в одно касание откинул мяч партнеру, пристопорил, задержал мяч, а потом длинным пасом перевел игру на другой фланг. Играть надо сложно и просто, просто и сложно...

В линии нападения «Динамо» для меня, казалось, места не было. На поле выходили Бышовец, Пузач, Хмельницкий – игроки сборной страны! И все же, понимая это умом, сердцем я не мог примириться с ролью наблюдателя. Бывало, не раз даже обижался на Севидова за то, что он не ставит меня в основной состав. Однажды не выдержал. Подошел после тренировки и рубанул Сан Санычу, как мы называли Севидова:

– Не будете меня ставить в состав, уйду из «Динамо». Спокойно взглянув на меня, тренер спросил:

– Если не секрет, куда?

Я понял, что погорячился. Ведь никуда из киевского «Динамо», о котором мечтал с детства, я уходить и не думал.

– Сан Саныч, разве это имеет значение: куда? – спросил я.

– В принципе не имеет, – спокойно ответил он.

– Ну вот...

И я запнулся. А Севидов негромко продолжал:

– Ты зря на меня обижаешься, Олег. В основной состав тебе рановато. Во-первых, это для тебя будет слишком большая нагрузка. Во-вторых, не все еще у тебя ладится в игре. Но ты не переживай! Еще наиграешься и с твоими данными можешь стать большим футболистом. Только прояви чуточку больше терпения. Сейчас у тебя широкие возможности в дубле. Используй их, учись...

Только с годами я понял и оценил мудрость и человечность Севидова, который не «бросил в бой» меня, восемнадцатилетнего заводного парня, который бы, конечно же, из кожи вон лез для того, чтобы заслужить похвалу и доверие старших, и мог легко «сорвать голос».

Помню, как Александр Александрович в ходе сезона освобождал меня от тренировок. Например, однажды весной возвратился я из молодежной сборной после международного турнира, и наш врач обнаружил у меня некоторую переутомленность. Сам я ее, правда, по молодости не замечал и на следующий же день после приезда встал в строй для тренировки.

– А ты почему здесь? – спросил меня Севидов. – Тебя Ваня Жутник в парилке ждет.

Действительно, врач порекомендовал мне сходить в парную вместе с нашим массажистом Жутником. Но мне хотелось тренироваться.

– Пойду после тренировки, – ответил я тренеру.

– Нет, Олег, пойдешь не после, а вместо, – улыбаясь, настаивал Севидов. – Потренироваться ты еще успеешь.

Я вышел! из строя. Старшие ребята рассмеялись, но по выражению лиц я заметил, что не всем нравится такое сверхбережное отношение ко мне тренера. Но Севидов твердо выдерживал свою линию.

Не просто мне было влиться в основной состав команды. И это при том, что я – киевлянин, выросший в динамовском футбольном коллективе. А насколько труднее тем футболистам, которых приглашают из других городов! Как это ни парадоксально, но именно высокий авторитет клуба нередко является препятствием для перехода молодых игроков в киевское «Динамо». Я видел, как преодолевал это препятствие мой самый близкий друг Леня Буряк.

Друг

Как точно сказано у Сент-Экзюпери: «Самая большая роскошь на земле – человеческое общение!» Не знаю, как бы мне удавалось переносить все физические и моральные перегрузки в большом футболе, не имей я в команде верного друга. В постоянном общении с ним мне и довелось испытывать эту самую большую роскошь на земле. В печати часто называют почти любую команду единым дружным коллективом. В жизни все не так просто. Команда – это люди. Разные по образованию, по возрасту, по интеллекту, наконец, по характеру. И отношения этих людей друг с другом складываются по-разному. Действительно, на поле во время матча команда бывает очень дружным слаженным коллективом. Ведь каждый в отдельности и все вместе делают одно общее дело и перед всеми стоит единая цель. Но матчи – всего лишь часть жизни футбольной команды. Много времени футболистам приходится проводить вместе вне поля.

Самое интересное, что в момент нашего знакомства, как потом выяснилось, он и я подумали друг о друге одно и то же. Мы встретились в купе поезда, который увозил сборную команду Украины в Симферополь, где нам предстояло сыграть в турнире на «Кубок надежды». Я вошел в купе с сумкой «Адидас». Смотрю: у худенького золотоволосого паренька, который как-то очень печально смотрит в окно, точно такая же сумка. Кто-то пояснил мне, что паренек этот из одесского «Черноморца» – Леня Буряк. И я, грешным делом, подумал: неужели этот «шкиля-макарона», как говорят у них в Одессе, может играть в футбол?! А сумкой «Адидас» уже обзавелся.

В Симферополе нас поселили в одном номере гостиницы. Говорил он как-то тихо, держался скромно. Я тогда не придавал особого значения нашему знакомству с Буряком, но все же на прощанье мы обменялись адресами. Нас обоих стали приглашать в одни и те же сборные команды – юношескую, потом молодежную.

Скоро мы уже сами просили тренеров, чтобы нас селили вместе в гостиницах. Завязалась настоящая дружба.

Леня Буряк родился в Одессе. Это и мой родной город. Я прожил в Одессе 30 лет и много слышал о Буряке от земляков. Детство Лени прошло в районе Лузановки на Пересыпи. Это рабочий район, где множество заводов и фабрик, море, пляжи. Мама его работала на заводе и растила троих детей. Как все мальчишки с Пересыпи, он любил привольную жизнь и, конечно же, три четверти дня проводил на улице. С улицы и попал в футбольную секцию детской спортивной школы № 6, которая была организована при заводе. Руководил этой секцией не кто-нибудь, а звезда одесского футбола левый крайний нападающий Валентин Блиндер. С Буряком работал и тренер Владимир Михайлов. Потом... Потом по футбольной Одессе пошел слух, что есть в заводской команде хороший паренек и тренерам «Черноморца» надо бы его посмотреть. Увидели. И – пригласили тренироваться в дубле. Футболисты основного состава совершали в ту пору турне по Сирии и Ливану, а когда вернулись, на одном из первых занятий провели тренировочный матч. Дубль играл против основного состава. И тут новичка впервые увидел старший тренер «Черноморца» Сергей Иосифович Шапошников. После матча подозвал худенького невысокого паренька к себе.

– Тебя как зовут?

– Буряк Леонид Иосифович, – выпалил юный футболист.

– А сколько вешишь?

В ответ Леня только пожал плечами.

– Ну-ка, Леонид Иосифович, – улыбаясь, сказал Шапошников, – беги в медпункт, пусть тебя там взвесят.

Через несколько минут Леня, тоненький, словно колосок, вновь стоял перед тренером и, еле переводя частое дыхание, отчеканил:

– Сорок девять килограммов пятьсот граммов.

– Ммм-да, Леонид Иосифович, – покачал головой Шапошников, – маловато, но в команду тебя зачислим. Будешь трудиться, вырастешь в хорошего футболиста.

Позже Шапошников рассказывал: «Я просто увидел, что в отличие от многих сверстников Леня Буряк играет с исключительной выдумкой и хитрецей».

Когда Буряка зачислили в состав «Черноморца», ему шел шестнадцатый год. Он выехал на первый сбор с командой в Болгарию, мечтал забивать голы, но услышал от Шапошникова строгое: «К мячу не подходи! Наберешь еще килограммов пять-шесть, тогда пуцуй играть в футбол». И молодой футболист делал десятки различных упражнений, накачивал мышцы.

В 1969 году после первого выступления в основном составе «Черноморца» Леню Буряка заметили, тренеры юношеской сборной республики и страны. В то время и произошло мое знакомство с ним.

Потом его пригласили в Киев, из которого он дважды... сбегал. В буквальном смысле слова: садился тайком на поезд и уезжал к себе в Одессу. Его дважды возвращали. Быть может, на Леню действовали увещевания земляков? Одесситы говорили ему: «Леня, шо ты забыл в том Киеве? Там же вся линия полузащиты – сборная: Мунтян, Колотов, Веремеев, Трошкин. Со своим здоровьем ты там не пробьешься». Но скорее всего Леню тянула домой какая-то особая привязанность одесситов к своему городу. Леня однажды признался: «Единственное, что меня согревает в Киеве, – дружба с тобой». Я действительно как мог старался развеять грусть друга, для которого Киев в ту пору оставался чужим. Леня подружился и с моими родителями, часто бывал у нас дома.

Как игрок он мне всегда нравился. Было в его манере что-то южное: пластика, хорошее чувство мяча. Средняя часть поля всегда была важным участком в игре. Но раньше от полузащитника требовалось быть искусным в обращении с мячом, владеть хорошим пасом. С годами футбол стал гораздо мобильнее, атлетичнее. И достоинства полузащитника стали оцениваться по его умению бороться за мяч, одинаково успешно обороняться и атаковать. Хавбеки на поле – это труженики. Буряк не исключение. И все-таки, несмотря на огромный объем работы, которую он выполнял, его никогда почему-то не хотелось называть тружеником, работягой. Вероятно, потому, что в его манере всегда подкупала легкость в обращении с мячом и элегантность даже в жестких единоборствах. За годы совместных выступлений мы с ним так сыгрались, что понимали друг друга с полудвижения.

Леня окончил Киевский институт физкультуры. За годы выступлений собрал хорошую коллекцию спортивных наград, среди которых – пять золотых медалей чемпионов СССР, бронзовая – за Олимпиаду в Монреале, памятные – за победы в Кубке кубков и Суперкубке. В этом мы шли, с ним почти вровень. А вот в семейной жизни Буряк меня обогнал. В тот год, когда я женился, сыну Буряка – Андрею шел уже пятый год, а дочке Оксанке исполнился годик. Его жена Жанна Васюра, к слову, тоже заслуженный мастер спорта, экс-чемпионка мира в групповых упражнениях по художественной гимнастике. Наверное, она несколько преждевременно оставила спорт. Но думаю, что сделала она это ради Лени: поняла, что для футболиста очень важен домашний очаг, и старалась создать его для мужа.

Кумиры против меня?

Зима 1972 года выдалась теплой, без снега, и первые январские тренировки команда провела на базе в Конче-Заспе. В конце января планировалось турне по Австрии, Шотландии и Великобритании. В это время профессиональные клубы участвуют в чемпионатах своих стран и находятся, как правило, в неплохой форме. Тренеры «Динамо», которому предстояло участвовать в розыгрыше Кубка европейских чемпионов, решили, что такое турне в самом начале трудного сезона будет хорошей проверкой боем для нашей команды. Меня включили в

состав динамовской делегации.

Первая остановка – в Вене. Здесь динамовцам Киева пришлось участвовать в розыгрыше приза по мини-футболу. Тогда мы еще не знали, что это такое. В нашей стране такие турниры не проводились. Учиться приходилось на ходу, и нашими учителями на поле знаменитого венского «Штадхалле» стали известные австрийские клубы «Аустрия», «Рapid», «Виенна». После этого киевское «Динамо» стало пропагандистом мини-футбола у нас в стране. С легкой руки киевлян этот вид зимних состязаний футболистов в Советском Союзе стал практиковаться регулярно.

В Глазго нас встретила огромная толпа болельщиков и руководители клуба «Селтик». Они не скрывали, что их футболисты постараются взять у «Динамо» реванш за памятное поражение в Кубке чемпионов. В этом матче мне не пришлось выйти на поле, и я вместе с нашими тренерами и запасными игроками следил за игрой из ниши, прикрытой от болельщиков специальным навесом.

Быть может, и хорошо, что Севидов не выпустил меня тогда на поле. Мне представился случай посмотреть со стороны игру сильного профессионального клуба. И смотрел я на шотландцев уже другими глазами. Это естественно: с тех пор, как я, восторженный мальчишка из «Юного динамовца», впервые увидел футболистов прославленного «Селтика» у входа в киевскую гостиницу «Днепр», прошло время. Я уже сыграл не один матч за юношескую и молодежную сборные страны, выходил на поле в составе «Динамо». И видел я уже, конечно, больше. Это была техничная, атлетически прекрасно подготовленная команда, в действиях которой ничего лишнего, ничего небрежного. Шотландцы на всех участках поля создавали численный перевес, действовали жестко, но даже в самые напряженные минуты матча почти не переходили грань футбольных законов: играли чисто, красиво, без грубостей.

Интересно сопоставить впечатления Олега Блохина с наблюдениями его одноклубника Стефана Решко, которыми Стефан поделился со мной после той поездки:

– Мы смотрели в Глазго матч на Кубок Шотландии. «Селтик» принимал на своем поле какую-то малоизвестную команду из второй лиги. В первом тайме хозяева поля забили два мяча в ворота гостей, и мы, естественно, подумали, что во второй половине игры футболисты «Селтика» не станут так уж выкладываться: все-таки через два дня им предстояло играть с нами. Как мы ошиблись! Всю вторую половину кубкового матча «Селтик» атаковал, словно счет был еще не открыт. Хозяева поля забили еще три мяча и не снижали свой натиск до самого финального свистка. Помню, никто из болельщиков не ушел со стадиона до конца матча. Зрители любовались игрой, голами. Возвратившись в гостиницу, мы тогда между собой много говорили об этом матче и поняли, что есть разница между знаменитыми зарубежными и некоторыми нашими клубами в отношении к игре, к зрителю. Европейские команды-звезды дорожат любовью своих постоянных поклонников и на каждом матче стремятся порадовать их игрой и голами. Мы же, увы, порой интересы зрителей в расчёт не принимаем...

Матч «Селтику» мы проиграли с минимальным счетом – 0:1.

Из Глазго команда переехала в Шеффилд, где сыграла с «Шеффилд Юнайтед». На пятнадцатой минуте динамовцы уже вели в счете – 2:0. Такое начало могло, казалось бы, выбить из колеи любого соперника. Но не нашего – до финального свистка на поле шла упорная борьба. Футболистам «Шеффилда» удалось отквитать один мяч. Во второй половине встречи я заменил на поле Пузача. После матча испытывал истинное наслаждение: я впервые играл за рубежом в основном составе команды киевского «Динамо»!

В ФРГ, куда мы прилетели из Англии, нас встретил туман, морозящий дождь, порывистый холодный ветер и... доброжелательные комментарии в отчетах о наших матчах в Шотландии и Англии. Соперник «Динамо» «Эйнтрахт», с которым футбольная судьба еще сведет киевлян, в то время был середняком среди клубов ФРГ. Команда отличалась мягкой и техничной игрой. Матч мы выиграли довольно уверенно: Анатолий Пузач забил два мяча в ворота хозяев поля.

Начался сезон 1972 года. Первый свой матч в Киеве в основном составе клуба я сыграл против ташкентского «Пахтакора». Теперь Севидов выпустил меня не на замену, как бывало до этого. На поле я вышел вместе со своей командой в футболке под номером «одиннадцать».

Игра мне показалась сумбурной, но после нее осталась радость: Республиканский стадион, доброжелательные зрители, основной состав и два гола, которые мне удалось забить. Такое запоминается.

Теперь Севидов уже регулярно ставил меня в основной состав. Но тут начались другие беды. Команда меня не приняла. Старшие товарищи, на которых я смотрел с таким благоговением, в моих глазах выглядели уже не такими дружными.

А мой кумир Мунтян доставлял мне сплошные огорчения. Он ведь был основным «дирижером» «Динамо» – вел всю игру, питал мячами нападающих. Мне казалось, что Мунтян меня просто игнорировал: либо вообще не отдавал пас, когда я открывался, либо отдавал его слишком неудобно для меня. Но я допускаю, что мои ощущения могли быть неверными. Вполне возможно, что Володя Мунтян или Толя Бышовец считали, что мне и пас-то не стоит отдавать – так неудачно я открывался. Футбол ведь игра командная!

Могли ли опытные мастера киевского «Динамо» не принять молодого талантливоего форварда? Надо отдать должное Олегу в том, что он сам поставил под сомнение ощущения тех лет, когда только-только входил в основной состав. Желая восстановить истинное положение вещей, которое так беспокоило тогда Блохина, я попросил рассказать об этом периоде вице-капитана команды Владимира Мунтяна.

– Да, в 1971 году молодого Олега только подпускали к основному составу, – вспоминает Мунтян. – Я на него сразу обратил внимание. Для Блохина не составляло труда обыграть игрока, если он оставался с ним один на один. На скорости он всегда мог убежать от защитника. Его отличало замечательное чутье на голевую ситуацию.

– А вот самому Блохину в те годы казалось, что команда его не приняла. Он обижался и на вас: передачи шли не туда, куда бы ему хотелось...

– Ну что вы! Поверьте, в игре я всегда был далек от мысли кого-то обидеть. Пас я всегда отдавал тому, кто лучше открывался. И я никогда не задумывался, кто это – Бышовец или Блохин. Олег много забивал. Много! Но ведь много моментов и не использовал. Были у меня с ним даже стычки. Говорил ему: «Олег, обвел двух и отдай пас – ребята же под тебя открываются, тебе оке мяч и вернут, только забивай!» Поначалу он не понимал, что команда решает коллективную задачу, делает общее дело. Но с годами Блохин все это понял, и к нему пришло ощущение коллективной игры.

Попав в основной состав, я стал задумываться над своей игрой. Анализировал собственные промахи. С детства я был только левым крайним нападающим. Особого поиска не требовалось. Мыслил теми категориями, которые предлагал тренер, и не задумывался, как развивается футбол. Главное было – игра! Вероятно, сказывался стереотип, заложенный в детских и юношеских командах. И в основном составе я от матча к матчу повторял одно и то же: выход один на один, удар... Попал, не попал – не так важно. Раз десять-пятнадцать выйдешь на ударную позицию, но лишь однажды попадешь. Потом понял, что на большой скорости мяч не обработаешь. Многое мне подсказали тренеры, более опытные футболисты. Важно, что я стал задумываться над тем, почему мне не удается реализовывать многие голевые ситуации. Игра в основном составе заставила меня перестраиваться.

Были и стычки с партнерами на другой почве: меня упрекали в том, что я индивидуалист. Считалось, что я стремлюсь только к индивидуальной игре. Если это и было так (а со стороны виднее), то вовсе не потому, что я индивидуалист по натуре. Отнюдь нет! Скорее всего, я попал в «индивидуалисты» только по неопытности, по неумению, непониманию игры. Я просто не успевал сообразить, что должен куда-то отдавать пас. Кому? Зачем, если мяч у меня?! И я стремглав мчался к воротам. Но на предельной скорости техники не хватало, и я либо терял мяч, либо удары шли мимо цели. Одним словом, было много импровизации, много задора и желания забивать голы, а футбольного мышления не было. Чаще всего мысль расходилась с делом.

Играя в свой первый сезон в основном составе, я впервые участвовал и в таких крупных международных состязаниях, как розыгрыш Кубка европейских чемпионов. По жеребьевке нашим первым соперником стал австрийский клуб «Сваровски-Ваккер». В гостях мы обыграли австрийцев со счетом 1:0, а дома забили им два «сухих» мяча. Следующим соперником был старый знакомец киевлян – польский «Гурник» из Забже. Дома мы выиграли матч со счетом

2:0, и я забил гол. В Польше во время ответной встречи мне тоже удалось отличиться.

Приняв передачу от Стефана Решко, я прошел по правому краю, одного за другим обвел двух защитников и послал мяч в ворота. Это был ответный мяч на гол Любаньского-1:1. В четвертьфинале нашим соперником был знаменитый мадридский «Реал». 9 марта ни одно из киевских полей еще не было готово к сезону, и первый матч мы провели в Одессе на стадионе в парке имени Шевченко. После игры в нашей раздевалке стояла мертвая тишина. Ребята, вконец измотанные борьбой, обмякшие, долго молча полулежали в креслах. Севидов не пошел на пресс-конференцию. Его можно было понять: столько выгодных для нас моментов и... 0:0. С помрачневшим лицом, держась за сердце, тренер расхаживал около двери, никого не пуская в раздевалку.

А в это время тренер «Реала» Мигель Муньос охотно давал интервью. Переводчик только и успевал переводить на испанский вопросы, сыпавшиеся со всех сторон, и ответы тренера:

– Доволен ли синьор Муньос результатом матча?

– Естественно!

– Почему «Реал» больше заботился о защите и мало атаковал?

– Я такой установки игрокам не давал. Во всем виновато «Динамо», которое заставило нас обороняться.

– Спокойны ли вы за исход ответного матча в Мадриде?

– Ни в коем случае! В Мадриде нам будет не легче. «Динамо» сильный соперник, и многие его игроки по технике не уступают нашим. Они грамотны и в тактическом плане. Умеют собираться, играют с подъемом.

– Кого из динамовцев вы бы взяли в свой клуб?

– Колотова, Блохина и Мунтяна – это игроки экстракласса.

Самое интересное, что спустя; девять лет после этого интервью мадридский «Реал» действительно намеревался «приобрести» Блохина для своего клуба. Об этом я узнал из заметки под интригующим заголовком «Блохин остается дома», напечатанной в австрийской газете «Фольксшитимме». В ней, в частности, сообщалось, что в Киев с целью заполучить для своего клуба Блохина приезжал представитель мадридского «Реала». В федерации футбола и клубе испанскому «покупателю» отказали.

Помню, когда мы приехали на ответный матч с «Реалом», у нас был великолепный эмоциональный заряд. Было у команды большое желание победить, но «Реал» обыграл нас по всем статьям – 3:0.

В сезонах 1972 и 1973 годов киевское «Динамо» завоевывало серебряные медали в чемпионатах страны. Мне удалось закрепиться в основном составе и даже стать лучшим бомбардиром клуба: в 1972 году я забил 18 голов, а год спустя – 14. В канун нового, 1974 года мне преподнесли сюрприз журналисты, по итогам сезона назвавшие меня лучшим футболистом Советского Союза. Не скрою, это меня здорово обрадовало. Традиционный референдум проводился еженедельником «Футбол-Хоккей». До меня победителями подобных референдумов становились московские торпедовцы Валерий Воронин и Эдуард Стрельцов, киевские динамовцы Андрей Биба, Владимир Мунтян и Евгений Рудаков, армеец Альберт Шестернев и московский спартаковец Евгений Ловчев. Кому из футболистов не хотелось бы попасть в такое созвездие футбольных имен? На радостях интервью для еженедельника «Футбол-Хоккей» мы давали всей семьей – папа, мама и я. Перечитывая его много лет спустя, я обрадовался тому, что даже по молодости не переоценил тот свой успех.

– Довольны ли вы результатом голосования? – спросил меня журналист.

– И да, и нет, – ответил я. – Да – потому, что оказаться первым приятно, думаю, каждому. Нет – ибо мне кажется, что я еще очень мало сделал для нашего футбола, и в моей игре еще предостаточно недочетов. Во всяком случае, многие мои товарищи по футболу, на мой взгляд, не менее достойны такой высокой чести.

Потом меня еще не раз называли лучшим футболистом года в нашей стране, попадал я и в различные «десятки», которые составляли журналисты, так сказать, в городском, республиканском, всесоюзном, европейском и мировом масштабах. Масштаб зависел от вида издания и размаха организаторов подобных референдумов. Постепенно все это я уже стал

воспринимать довольно спокойно, а с годами понял, что подобные предновогодние забавы журналистов самому спорту приносят порой больше вреда, чем пользы.

Я недоумевал, по каким таким законам в новогодних журналистских десятках соревнуются между собой прославленные в своих видах спорта штангист-тяжеловес и изящная юная гимнастка, боксер и пловчиха, замечательная пара фигуристов и легкоатлет, футболист и чемпионка по стрельбе из лука... Ведь такой конкурс противоречит правилам самого спорта, где чемпионы определяются не простым голосованием, а в честной борьбе на спортивной арене. В спорте сильнейшим по праву считается тот, кто побеждает в строгом соответствии с правилами самого спорта! А всякие конкурсы-референдумы – это игра без правил.

Известно, что спорт таит в себе и опасные для человеческой психологии подводные рифы. Английский писатель Олдос Хаксли по этому поводу писал: «Как всякий другой инструмент, изобретенный человеком, спорт может быть применен либо для добрых, либо для злых целей. Примененный с добрыми побуждениями, он может научить выносливости и смелости, чувству честной игры, уважению правил, координированным усилиям и подчинению личных интересов интересам всей группы. Употребленный во зло, он может поощрять персональное и групповое тщеславие, жадное желание победы и ненависть к соперникам, нетолерантный культ тела и презрение к тем, кто находится за пределами некой произвольно установленной черты».

Итоги референдумов порой вносят что-то нездоровое в отношения между лауреатами, бывает, что ссорят их со своими товарищами по клубу, с тренерами, осложняют атмосферу в командах. Говорю об этом лишь потому, что в свое время, попав в лауреаты очень популярного футбольного конкурса, я чуть было не испортил свои отношения с командой. Так что мне довелось испытать на себе и обратную сторону этих, на первый взгляд, казалось бы, невинных, затей журналистов.

...Осенью 1973 года в клубе вновь (второй раз за мою тогда еще короткую футбольную жизнь!) сняли старшего тренера. Мне было очень жаль расставаться с Севидовым, сделавшим для меня много хорошего.

Осенью 1973 года команде представили нового старшего тренера. В киевском «Динамо» начиналась «новая волна».

ГЛАВА 8. НОВАЯ ВОЛНА

Единомышленники

В октябре 1973 года во Львов на очередной календарный матч чемпионата страны с местными «Карпатами» мы приехали уже без Севидова. Нас всех пригласили в красный уголок гостиницы «Интурист», в которой мы обычно останавливались, и один из руководителей республиканского совета общества «Динамо» представил команде нового старшего тренера. Через несколько дней я прочитал в республиканской газете такие строчки:

«У киевских динамовцев новый старший тренер – 34-летний заслуженный тренер УССР Валерий Васильевич Лобановский. В недавнем прошлом один из популярнейших игроков команды, он вернулся домой и встал у руля киевского «Динамо» в горячие и труднейшие для клуба дни. Собственно, встал у руля – в данном случае выражение фигуральное. К финишу сезона динамовцев ведет Михаил Михайлович Коман, которому это сподручнее, ибо Лобановский, естественно, пока лишь знакомится с командой и положением дел во всех клубных службах».

Так оно и было. Лобановский молчал, присматривался, прислушивался, ни во что не вмешивался. Мы тоже присматривались к Лобановскому. В «Динамо» тогда были игроки, которые достигли в футболе гораздо больше, чем Лобановский, лишь однажды завоевавший вместе с командой (в 1961 году) титул чемпиона страны. К примеру, четырехкратный чемпион СССР вратарь Женя Рудаков (он на три года моложе Лобановского) при В. А. Маслове был с Лобановским в одном составе. Разумеется, ветераны рассказывали молодым игрокам о том, как

в свое время играл новый старший тренер, вспоминали и курьезные ситуации. Без этого в команде не бывает. Я однажды читал, как игроки знаменитого «Аякса», когда первый раз остались с глазу на глаз со своим новым тренером из Румынии Ковачем, попытались его «прощупать». После обеда, когда подали кофе с молоком – гораздо больше молока, чем кофе, первым к тренеру обратился Иохан Круифф:

– Господин тренер, – сказал он, – мы знаем, что вы тренировали армейский клуб, в котором с дисциплиной не шутят. Что вы думаете о длине наших волос?

Замечу, что с каникул почти все игроки «Аякса» вернулись с прическами на пять-шесть сантиметров длиннее, чем обычно!

Но Ковач спокойно ответил:

– Господин Круифф, меня это не удивляет. Это молодежная мода. Мне кажется, что ваши волосы могли бы быть на пять-десять сантиметров длиннее, чем сейчас! Я приехал сюда не волосы стричь, а улучшить вашу игру.

У нас, правда, до таких «открытых» диалогов с новым тренером дело не доходило: всех настораживали его замкнутость, молчаливость, строгая подтянутость.

Вскоре в руководстве клуба появился еще один новый человек – Олег Петрович Базилевич. Он тоже был известен в прошлом как хороший футболист, игравший с Лобановским в одни годы. Официально, по штатному расписанию, старшим тренером «Динамо» числился Лобановский (так нам его и представили), а пост начальника команды, либо, как его именовали, тренера по воспитательной работе, занял Базилевич. Но в том-то и дело, что они с первых дней совместной – работы в клубе на равных участвовали в учебно-тренировочном процессе, сообща решали вопросы нашего быта, учебы. С таким «двоевластием» в футбольных командах никто до нас еще не сталкивался.

Любителям футбола было известно, что Лобановский и Базилевич, играя в киевском «Динамо», «Черноморце», «Шахтере», составляли дружный игровой тандем, что они большие друзья и в жизни. Они придерживались сходных взглядов на многие проблемы теории и практики футбольной игры. Возглавив в конце 60-х годов разные команды, они сохранили свой творческий союз. А в 1972 -1973 годах Базилевич и Лобановский все чаще задумывались о возможности работать в одной команде.

Валерий Васильевич Лобановский – инженер по образованию. Его друзьям хорошо известно главное качество Валерия: во всем докапываться до истоков, до причин. Поэтому многие советовали ему после ухода из большого футбола стать тренером. И действительно, под его руководством «Днепр» из года в год прогрессировал. За заслуги в тренерской работе Лобановскому было присвоено звание заслуженного тренера Украинской ССР, а в 1971 году он был награжден орденом «Знак Почета».

Олег Петрович Базилевич с юных лет не мыслил своей жизни без спорта. Как и Лобановский, он был одним из ведущих игроков киевского «Динамо» начала 60-х годов. Закончив Киевский институт физкультуры, он стал спортивным педагогом. Под его руководством донецкий «Шахтер» успешно выступал в 1973 году. Звание заслуженного тренера УССР стало официальным признанием молодого специалиста.

С первых же дней работы новых старших тренеров в киевском «Динамо» рука об руку с ними трудился еще один человек. Правда, его фамилия в штатном расписании киевского «Динамо» тогда еще не значилась. Кандидат педагогических наук А. М. Зеленцов стал консультантом наставников «Динамо». Большое влияние на формирование взглядов Зеленцова оказал его научный руководитель В. В. Петровский, тренер двукратного чемпиона Олимпийских игр В. Борзова. Зерна, брошенные Петровским, дали всходы: Зеленцова давно занимала мысль о том, что науку можно поставить на службу не только индивидуальным видам спорта (таким, как легкая атлетика или плавание), но и командным видам. Например, широко использовать в футболе. Однажды он поделился своей идеей с Базилевичем. С той поры и началась творческая дружба Лобановского, Базилевича и Зеленцова. Втроем они разрабатывали различные модели тренировок, искали верные пропорции работы и отдыха.

Весной 1974 года мы по традиции выехали на сборы к Черному морю. Потом эти дни ребята вспоминали с улыбкой и... содроганием. Приход нового старшего тренера всегда вносит перемены в жизнь команды. Нужно время, чтобы к ним привыкнуть. А ведь у нас появились

сразу двое старших тренеров! И все, что они ни делали, казалось вздорным, все воспринималось нами в штыки.

Тренировались мы на юге по три раза в день. Даже чисто внешне эти тренировки ничем не напоминали прежние. Базилевич и Лобановский в течение двадцати-тридцати минут, передвигая фишки по макету футбольного поля, знакомили нас с содержанием очередной тренировки. Ветераны клуба скептически улыбались, глядя на макет. Каждое утро врачи проверяли наш вес, кровяное давление, пульс.

– Комедия! Кому это все надо, доктор?! – недовольно бурчал в такие минуты Женя Рудаков. – Мы и не зная своего давления пять раз чемпионами были...

Но, пожалуй, больше всего изменилось содержание тренировок. Нагрузки повысились раз в пять. Объем, интенсивность, скорость, атлетизм... У меня, например, да, впрочем, и у многих других динамовцев начали сильно болеть мышцы спины, которые раньше никогда так не нагружались. Разглядывая с Буряком фотостенд, посвященный южным сборам, я не удержался:

– И как это выдержать, Лень? – с досадой говорю ему. А он отвечает довольно спокойно:

– Как говорит моя мама, живы будем – не помрем... Я о другом думаю. Неужели все это может пойти насмарку?...

Естественно, новый метод тренировок приживался в команде с большим трудом. Порой предложенные тренерами упражнения вызывали чуть ли не открытый протест у команды. Помню, приходили на занятия в зал, а посреди него – легкоатлетические барьеры, пудовые гири, тяжелые набивные мячи. После основательной разминки все должны были выполнить тест. Набивной мяч следовало подбросить не руками (руки в это время были заняты другим набивным мячом!), а ногами, пробежать, потом пролезть под барьером, толкнуть гирю десять раз, еще пробежать, перепрыгнуть через барьер, снова поупражняться с мячом. И все это – в быстром темпе, в пределах контрольного времени! Выполнив тест, я прилет на мат и закрыл глаза. Вдруг слышу голос Базилевича: «Устал?» Я взглянул на него, ничего не ответил. А он с улыбкой говорит:

– Отдохни чуток и еще раз попробуй.

– Хоть стреляйте, – говорю ему, – больше не могу! После занятий тренеры объявили, что мы выполнили тест... космонавтов.

В тот день, войдя в свою комнату, я швырнул бутсы под кровать устало плюхнулся в кресло и сказал Буряку:

– Все, Леха, бросаю «Динамо»... Пусть Лобановский свои опыты проводит с другими. Я! не могу так больше...

В ту весну, кажется, полкоманды собиралось уходить из «Динамо». Никто не ушел, но ко многому команда привыкала с трудом. Нам предстоял интересный сезон – чемпионат мира в ФРГ. Правда, за играми чемпионата мы, советские футболисты, следили по телевизору.

Я увидел игру Круиффа!

Шел четвертый год моей жизни в большом футболе. В активе – бронзовая медаль Олимпиады-72, серебряные медали двух чемпионатов страны. Я забивал голы и считался самым результативным форвардом в высшей лиге. Но не сказал бы, что я уже четко представлял себе, по какому пути развивается футбол, верно ли в тактическом плане действую на поле и современна ли моя игра. И вдруг – финал чемпионата мира 1974 года...

В ту пору я не раз встречался с динамовцами, беседовал с футболистами и их молодыми тренерами. Любопытно было узнать, как они отнеслись к событиям большого футбола летом 1974 года. Кто им ближе – Мюллер или Круифф? Романтика или трезвый расчет? Сборная ФРГ или команда Голландии? В день финального матча X чемпионата мира холл на втором этаже их загородной базы, где был установлен телевизор с большим экраном, напоминал бурлящую трибуну стадиона. Страсти с каждой минутой накалялись. Уверен, что футболисты сами не ожидали, что могут быть такими азартными болельщиками. Болели за разные команды. Одним нравилась игра сборной ФРГ, и они страстно желали успеха этой команде, переживали, когда на первой же минуте английский арбитр назначил пенальти в ворота хозяев поля. Другие отдавали предпочтение команде Круиффа. Большинство киевлян,

пожалуй, болело за голландцев. Равнодушных не было вообще.

Надо ли удивляться расхождению во мнениях в кругу динамовского коллектива? Ведь мировая печать, комментируя итоги X чемпионата мира, тоже не была единодушна в своих оценках. Но в одном спортивные обозреватели сходились: в финал действительно вошли сильнейшие. Все было справедливо и логично. И все же кому из финалистов отдать предпочтение?

Французская газета «Экип» называла сильнейшими голландцев, но при этом признавала, что на стороне сборной ФРГ оказалось больше активности и боевистости.

Бразильская газета «О'Глобо» сообщила, что симпатии прошлых чемпионов мира, ее тренера и многих обозревателей – на стороне голландцев. «Я полагаю, что прежде всего мы должны многому у них поучиться, – высказывался на страницах этой газеты тренер бразильцев – М. Загало. – Голландская сборная, на мой взгляд, лучшая команда, а Круифф просто бесподобен. Он не увлекается индивидуальной игрой, а предпочитает быть составной частью нидерландской футбольной машины. Вот почему так высоко он оценен многими».

Известный английский обозреватель Джеффри Миллер главным итогом чемпионата считал тот факт, что игры были зрелищными, что на чемпионате демонстрировался прогрессивный футбол. Команды ФРГ, Голландии, а также Польши преподнесли мировому футболу «европейскую концепцию тотальной игры».

«Ни одна из этих команд не верила в оборонительный футбол, – писал Д. Миллер. – После поражения итальянцев и невразумительной игры бразильцев в тренеры-герои вышли те люди, которые в своей практике придерживаются идеи атакующего футбола, быстрого, гибкого, результативного, зрелищного».

Вместе с группой наших ведущих тренеров Базилевич побывал на играх X чемпионата мира. После приезда из Мюнхена он выступил в двух номерах журнала «Старт» со своими впечатлениями. Тренер динамовцев не впал в тот лирически-приподнятый тон, который был характерен для некоторых статей. По мнению Базилевича, X чемпионат мира лишь формально узаконил новый футбол, но «...его ростки начали пробиваться давно, еще со времени английского чемпионата мира».

«В наших командах также уже не первый год ведутся поиски новых, усовершенствованных форм футбольной игры, – писал Базилевич. – Не хочется быть нескромным, но я должен сказать, что и в киевском клубе осуществляются определенные эксперименты. Мы просто не видели раньше так близко голландцев, не имели возможности убедиться, что в принципе мыслим, так сказать, параллельно с ними. Но я не считаю это нашей личной заслугой. Такова воля самого футбола, который непременно требует более глубокого подхода к нему, модернизации, движения вперед. Разумеется, нам следует еще много поработать для того, чтобы достичь лучших международных образцов, но мы желаем этого, и чемпионат мира помог нам отбросить ненужное, укрепиться в прогрессивных выводах».

Приятно было читать эти строки. Вспомнилось, как когда-то после победы сборной Бразилии руководители нашего футбола чуть ли не в приказном порядке обязывали советских тренеров переводить свои команды на бразильскую систему, как после победы на стадионе «Уэмбли» сборной Англии наши тренеры уже получали новые циркуляры с рекомендациями брать на вооружение английский стиль и учить своих подопечных, атлетическому футболу. Да, теперь тренеры киевского «Динамо» оказались впереди многих своих коллег. После того как футболисты днепропетровского «Днепра» стали обладателями малых золотых медалей и завоевали путевку в высшую лигу, мне не раз приходилось беседовать с тогдашним старшим тренером «Днепра» В. Лобановским. Как-то раз мы заговорили о чемпионате мира в Мексике.

– Я не привез оттуда никаких тактических новинок. Но нашел подтверждение сложившимся ранее взглядам на футбол. Весной на теоретических занятиях мы с игроками «Днепра» детально анализировали мексиканские игры. Пришли к общему выводу: футбол стал мобильнее и интенсивнее. Нагрузка в игре распределяется на всех десятиерых полевых игроков равномерно. На примере мексиканского чемпионата мы показали, как большие футболисты относятся к игре. Например, великолепный мастер атаки Пеле не брезгует черновой работой в тот момент, когда его команда защищается.

Замечу, что этот разговор состоялся в ноябре 1971 года.

После финального матча чемпионата 1974 года я спрашивал игроков киевского «Динамо», как они оценивают игру лучших команд мира.

Анатолий Шепель:

– Я болел за команду ФРГ потому, что в этой команде играет Мюллер. Он мой любимый игрок. И очень хотелось, чтобы лучший бомбардир Европы стал также и лучшим игроком мира, чтобы его золотая медаль была официальным тому признанием. Мюллер настоящий боец, и я радовался победе его команды. Если бы Мюллер играл за Голландию, я бы наверняка болел за голландцев.

К слову, Шепель, пришедший в «Динамо» из первой лиги (там, забив в одном сезоне 38 голов, он установил своеобразный рекорд результативности), своей игрой чем-то напоминал Мюллера. Болельщики киевлян надеялись, что, перейдя в киевское «Динамо» из одесского «Черноморца», Анатолий станет одним из основных бомбардиров динамовцев. Но этого не произошло. Однажды Буряк сказал мне: «Думаю, что у нас Шепель не заиграет. Он вот бежит, открывається, а я не знаю – куда ему отдавать пас? Непонятный он какой-то»... Да, к сожалению, не все динамовцы понимали игру Шепеля, не могли найти с ним общий язык на поле. Да, впрочем, и за его пределами тоже. А тренеры мало способствовали тому, чтобы ведущие игроки «Динамо» и талантливый новичок клуба поняли друг друга. Леонид Буряк:

– Поначалу болел за бразильцев, а когда они выбыли, – за голландцев. Порой казалось, что сборная Голландии показывает нам какой-то иной футбол. Футбол далекого, что ли, будущего.

Стефан Решко:

– Я сразу болел за команду Круиффа. Голландцы – настоящие романтики мяча! Думаю, что именно их игра, а не сборной ФРГ, взбудоражила футбольные умы, заставила говорить о так называемом тотальном футболе.

...А что же Блохин? Увы, в те дни Олег отделялся скупыми однозначными фразами и не изъявлял ни малейшего желания делиться своими впечатлениями. Только потом, работая с ним над книгой, я понял причину его неразговорчивости в то лето.

Пусть по телевизору, но я увидел игру Круиффа! В моей футбольной биографии это был переломный момент. Я в те дни ходил как замороженный. Игра Круиффа произвела на меня такое сильное впечатление, какое, наверное, произвела бы весть о прилете на землю марсиан. Я открыл для себя совсем другой футбол. К радости открытия примешивалось чувство растерянности: такая манера игры означала форменную катастрофу лично для меня.левой ногой играю вроде бы неплохо, но правая какая-то чужая. Но только левой на правом краю не поиграешь. А в том футболе, который я увидел, нападающий играет по всему фронту атаки. Мало того, что Круифф отходит назад и сам организует атаку. Он великолепно видит поле, тонко понимает игру и отменно руководит действиями своих партнеров!

Пеле я никогда не видел в игре. О короле футбола много говорили и писали, но в то время я и думать не смел, хочу ли хоть в чем-то походить на Пеле. Когда на поле не все ладится, когда не можешь забить мяч в пустые ворота, мечтать о схожести с королем футбола смешно. Но когда уже смыслешь что-то в футболе сам, что-то тебе подсказали тренеры, что-то читал (и главное – понял!) в прессе, начинаешь сравнивать, анализировать. А тот наглядный урок, который преподнес мне по телевизору Круифф, оказался мощным толчком в поиске. Могу с уверенностью сказать, что я начал формироваться как футболист лишь на четвертом году жизни в большом футболе, когда увидел игру Круиффа.

«До чего же разнообразен!» – думал я о своем новом кумире. Даже много лет спустя после того чемпионата мира я часто вспоминал его игру. Закрою глаза и вижу «у, как Круифф во время полуфинального матча с бразильцами на своей половине поля, мастерски отобрав мяч у Ривелино, организовав контратаку, точно отдал пас своему партнеру на фланг. Еще через несколько мгновений, среагировав на прострельную передачу с фланга, он уже на предельной скорости ворвался в штрафную площадку бразильцев, высоко выпрыгнул и внутренней стороной стопы, или, как мы говорим, «щекой», в полете послал мяч в ворота! Именно «щекой», а не головой! Хотя головой такие мячи забивать легче. Но, вероятно, в этой конкретной ситуации Круифф решил, что сыграть надо только так. Какой колоссальный диапазон: в одном коротком отрезке времени Круифф действовал как заправский защитник,

потом, организовав атаку, в стиле! лучших хавбеков отдал пас, а затем, сыграв на опережение, вылетел из-под защитника и сам же завершил всю комбинацию великолепным голом! Да, все это для меня было открытием...

Телерепортажи из ФРГ, вероятно, снизили интерес наших болельщиков к внутреннему чемпионату. Во всяком случае, я обратил внимание на то, что во время игр на первенство СССР зрителей на трибунах поубавилось. Но нас это только раззадорило. Откровенно говоря, мы, динамовцы Киева, уже давно готовы были продемонстрировать «тотальный» футбол.

Сезон хрустально-золотой

Во время контрольных матчей на тоге мы видели игры почти всех команд высшей лиги. Прикидывали, какие из них будут бороться за медали. Хорошие игроки были в «Арарате», ЦСКА, московском «Динамо». Эти клубы неплохо выглядели на поле в тренировочных матчах, и было похоже, что именно они составят нам основную конкуренцию в борьбе за главные призы. Наши же планы были предельно ясными: выиграть Кубок СССР и победить в чемпионате страны, а осенью – достойно сыграть в матчах на Кубок обладателей Кубков. Но интересно, что в самой команде об этом почти не говорилось. И от тренеров мы не слышали назойливых напоминаний о «сложных задачах».

Когда накануне открытия сезона-74 журналисты спросили у нашего капитана Виктора Колотова о настроении игроков и о планах команды, он ответил:

– Настроение боевое! Я и мои товарищи не удовлетворены минувшим сезоном и хотим порадовать наконец своих болельщиков игрой и результатами.

Услышав ответ Колотова, ветеран клуба вратарь Женя Рудаков с улыбкой поправил капитана:

– Витек, не надо дипломатии. Ты журналистам прямо скажи, что в этом году мы хотим взять Кубок и положить в него: медали!

– Какие именно медали? – спросил репортер у Рудакова.

– Только золотые! Другие нас огорчат, – ответил вратарь.

Я понимал моих партнеров. Быть «может, серебряные награды в чемпионате и выход в финал Кубка страны другой командой расценивались бы как высокие достижения. Но перед киевским «Динамо» всегда ставились только задачи-максимум.

...Первый матч 36-го чемпионата страны в Киеве мы провели с донецким «Шахтером». Победили мы с минимальным преимуществом. За грубость защитников «Шахтера», в своей штрафной площадке сбивших с ног Колотова; арбитр матча Тофик Бахрамов назначил пенальти. Одиннадцатиметровый пробил сам пострадавший. 1:0.

Из этого матча мне запомнился один любопытный эпизод. Во втором тайме мы пробивали штрафной у ворот «Шахтера». Горняки выстроили «стенку». Свисток Бахрамова, но... разбегается один наш игрок, второй, третий, четвертый, а удара по мячу все нет. Игроки лишь имитируют его. И только пятый – Леня Буряк – действительно пробил по воротам. На трибунах смех, но специалисты эту нашу «домашнюю заготовку» оценили всерьез. Мне потом интересно было читать, как ее прокомментировал в еженедельнике «Футбол-Хоккей» заслуженный мастер спорта и заслуженный тренер СССР О. А. Ошенков:

«Момент, бесспорно, интересный. Тем более что речь идет о попытке внести новизну в розыгрыш стандартного положения. Не могу припомнить, чтобы раньше была предпринята подобная попытка. Это говорит в пользу тренеров «Динамо», думающих и ищущих. Такой способ расшатать «стенку» заслуживает внимания. Уверен, он еще оправдает себя...»

А после игры с «Шахтером» нас ждало еще одно нововведение. Мы уже переодевались, когда Лобановский, подняв руку вверх, громко сказал:

– Внимание! Надеюсь, все помнят, что сейчас мы едем на базу?

В тот вечер в Конче-Заспе ничего особенного не происходило. После ужина каждый занимался делом по своему вкусу. Кто коротал время у телевизора, кто – за бильярдным столом или за шахматами. Некоторые углубились в чтение, благо на базе появилась своя библиотека: книголюб Миша Фоменко предложил ее создать, а футболисты и тренеры охотно его поддержали.

Перед отбоем мы получили от врачей порцию витаминов (к слову, несколько лет спустя у нас даже появилась специальная комната для получения витаминов – «коктейльная»). Утро следующего дня началось с зарядки в сосновом лесу. Потом – вкусный завтрак и. целый комплекс восстановительных процедур: парная баня, кислородные палатки, гидромассаж...

В полдень нас отпустили по домам. В город я возвращался вместе с Буряком на его машине. Когда мы выехали за ворота базы, я спросил Леню:

– Как тебе новинка?

– Мне нравится. Ведь раньше как? Вернешься после трудного матча домой и прокручиваешь в памяти, что там было на поле, не можешь уснуть до трех-четырёх часов. На следующий день ходишь вялый, разбитый. А у тебя разве не так?

И у меня, и у любого другого футболиста бывало точно так же. Возвращался ли я домой после победы или поражения, душевное равновесие трудно было найти в любом случае. Разумеется, ощущения при выигрыше и проигрыше совершенно разные. После победы, кажется, и раны заживают быстрее, и боль их не так чувствительна. А вот когда твоя команда проиграла, появляется тяжело переживаемое чувство вины. Правда, в командной игре вряд ли один человек может решающим образом повлиять на результат. Но все равно после поражения бываешь сам себе противен. Срываешься, кому-то невпопад ответишь, с кем-то не поздороваяешься... Иногда даже появляется острое желание уехать подальше и забыться, остаться с самим собою наедине и попытаться понять: почему в том игровом эпизоде сделал так, а не иначе?

Обычно после победы радостное возбуждение все-таки можно унять и заставить себя уснуть. Но сколько раз, бывало, я мучился, тщетно пытаюсь забыться, сном, после поражений. И для моих товарищей по клубу и сборной, я замечал, пилюли поражений всегда слишком горьки. Иногда сразу после матча, еще в раздевалке, разгоряченные борьбой, такое наговорят друг другу... На следующий день, бывало, и смотреть-то друг на друга не хотелось.

И все-таки к новой системе восстановления, пожалуй, большинство из нас привыкало с трудом. Я, например, внутренне так и не принял ее и считал, что после матча дома мне все-таки лучше.

Кажется, и некоторые другие мои партнеры по клубу были того же мнения...

Как ни трудно было Блохину и другим футболистам приспособиться к новшествам, результаты того сезона убедительно свидетельствовали об успехах команды. На своем поле из 15 матчей динамовцы выиграли 13! Продуманная система восстановления помогла тренерам вести полноценную тренировочную работу и в разгар сезона. В то лето я порой с интересом наблюдал за тренировками динамовцев. Тренеры нередко сами активно участвовали в них и, выполняя те же упражнения, что и футболисты, раззадоривали своих подопечных. Я видел, как ребята засматривались на Лобановского, когда он учил Веремеева подавать угловые удары. И Базилевичу в отработке ударов головой, в выборе позиции и исполнении самого удара по воротам тоже еще Многие форварды могли позавидовать.

– То, что мы с Петровичем умеем, никто у нас не отнимет, – говорил обычно в таких случаях Лобановский. – Правда, прибавить мы уже не сможем. А вот вы можете! Если будете работать профессионально...

В этом весь Лобановский. Помню, в 1971 году, после того как «Днепр» впервые вышел в высшую лигу, в одном из интервью я спросил старшего тренера команды, что, на его взгляд, явилось главной причиной успеха.

– Я считаю, что нам удалось организовать игру команды, – ответил Лобановский. – Футболисты выполняли все, что от них требовалось, соблюдали строжайшую дисциплину. Кроме того, мы научили ребят профессионально относиться к делу.

.. – А что вы понимаете под профессиональным отношением футболиста к делу? – уточнил я.

– Каждым делом можно заниматься по-дилетантски, а можно профессионально. Если футболист на тренировке полностью отдает себя тренировке, если он в игре отдается игре, если он и в свободное время не забывает о подготовке к матчу, то дилетантом его не назовешь.

... С полной отдачей готовились динамовцы и к финалу Кубка СССР в 1974 году. На их

базу меня привело задание спортивного отдела «Комсомольской правды» – взять интервью у капитана команды Виктора Колотова. Наблюдать за тренировкой было одно удовольствие: высокая скорость, осмысленные пасы, отточенная техника. Тренировался весь основной состав. Только Олег Блохин под наблюдением врача команды Берковского выполнял какие-то свои упражнения на соседнем поле.

– Индивидуальная работа? – спросил я доктора.

– Нет, – ответил он. – Просто в последней игре Олег получил травму. Из-за этого его и заменили в первом тайме. Но, думаю, в финале он будет играть.

Команда готовилась к последней игре на Кубок. До матча оставалось два дня.

– А как остальные, доктор?

– Все здоровы, рвутся в бой!

Закончив свои упражнения, Блохин присел за воротами. В это время его партнеры по команде по очереди били пенальти.

– Петрович, могу включиться! – крикнул Блохин Базилевичу.

– Не терпится побороться за Кубок? – спросил я Олега.

– С прошлого финала не терпится.

К тому дню, когда происходил этот разговор, на моем счету было уже более ста пятидесяти матчей в чемпионатах страны, в кубковых встречах, на олимпийских играх и в других, официальных международных турнирах. И, пожалуй, самой неудачной своей игрой я считал финальный матч с «Араратом» на Кубок СССР 1973 года. Ту игру вспоминать тошно. Я постоянно казнил себя за то, что в самом начале матча не отдал мяч Вите Колотову. Мы прорвались к воротам вдвоем, вытянули на себя вратаря ереванцев Абрамяна, и Виктор оказался в двух шагах против пустых ворот. Я не отдал мяч партнеру, который был в лучшей позиции. Помню, когда мы вернулись в Киев, первое объяснение по этому поводу состоялось еще в машине по дороге домой. Отец был в ярости, а мать его сдерживала: «Погоди, дай ему хоть прийти в себя». Я тогда чуть не плакал. Клялся, что не отдал мяч Колотову не потому, что не захотел. Просто не увидел его: Виктор бежал чуть-чуть сзади меня. «Неужели он тебе не крикнул?» – не унимался отец. «Если и крикнул, разве в таком шуме что-нибудь услышишь?» – буркнул я. Но и тогда, и много дней спустя я понимал, что это не оправдание. Ведь именно тот гол мог сыграть решающую роль в ходе кубкового матча. И я себе места не находил.

Перед главным кубковым матчем 1974 года динамовцы даже друг с другом старались поменьше говорить о предстоящем финале. От таких разговоров, чего доброго, можно перегореть, расплескать запас нервной энергии.

На мою просьбу Колотов только замахал руками:

– Интервью накануне финала?! Это не в наших правилах. Впрочем, вы уже взяли интервью: видели нашу тренировку. По-моему, все ясно: и мы, и «Заря» настроены только на победу.

Через пять часов после этой тренировки команда вылетела в Москву. Перед отлетом Лобановский сообщил футболистам, что жить они будут на базе в Новогорске. В Новогорске, на загородной базе московских динамовцев, киевляне жили и в 1973 году перед финальным матчем с «Араратом». Хоть они и утверждали, что не верят в приметы, по лицам игроков было заметно, что это объявление тренера не очень-то их обрадовало.

...Соперники встретились в тоннеле, который ведет на поле Центрального стадиона имени В. И. Ленина. Футболисты «Зари» недоуменно смотрели на футболки динамовцев, на которых красовалась эмблема Кубка СССР. Кто-то из ворошиловградцев ехидно бросил:

– Пижоны! Сначала Кубок надо выиграть!

Эта эмблема на футболках вызвала недоумение не только у соперников «Динамо». После финала многие болельщики писали на Центральное телевидение и в редакцию еженедельника «Футбол -Хоккей»: «Почему динамовцы вышли на поле с эмблемой Кубка на футболках, ведь они его еще не выиграли? Не выглядит ли это нескромным? ...»

На эмблеме, которая неожиданно для многих украсила форму киевлян в день решающего поединка за хрустальный приз, кроме силуэта Кубка, была вышита еще и надпись: «10 августа, 1974, финал». Раздавая форму, тренеры сказали, что эти футболки в качестве памятного сувенира останутся у всех игроков. А кому из ребят не хотелось сделать эту

память приятной?!

Мы понимали, что финал есть финал и любая случайность может помешать нам выиграть.

– Ваши соперники уступают вам в технике, – говорил нам Лобановский на установке, но разница в уровне игры и в классе между «Динамо» и «Зарей» сегодня ровным, счетом ничего не значит. Это – финал! В таких играх всякое бывает...

«Всякое» могло произойти и в том финале. С волнением вспоминаю конец второго тайма. На табло – нули. Диктор уже объявил по стадиону, что в случае ничьей будет назначено дополнительное время и если оно тоже закончится вничью, то «...повторный финальный матч между «Динамо» и «Зарей» состоится завтра, здесь, на центральной арене в восемнадцать часов». Неужели еще один матч? Зачем!?» – подумал я и в это мгновение с ужасом заметил, что капитан ворошиловградцев Кузнецов, обыграв наших защитников, вышел один на один с Рудаковым. Кузнецов уже замахнулся для удара, но... мяч, вероятно, стукнулся о кочку, подскочил и попал в голень футболиста. Удар у него не получился.

И это был не единственный момент, когда соперники серьезно угрожали нашим воротам. Но в такие минуты просто с блеском играл Рудаков. Один раз наш вратарь буквально вытащил из «девятки» мяч, сильно и точно пробитый тем же Кузнецовым, потом отбил на угловой точный удар Васенина. Выиграл Рудаков и единоборство со Стульчиным... После матча, когда наш капитан Виктор Колотов рассказывал корреспонденту еженедельника «Футбол-Хоккей» о, каждом из нас, основного вратаря «Динамо» он представил так:

– Опытнейший голкипер. Могут сказать, что у него все уже позади – 32 года как-никак. А он пока отстоял все матчи чемпионата и все, кроме одной, игры Кубка. Много раз выручал. Против ожидания, наши вратари сейчас заметно сдали, а Рудаков, по-моему, остался приятным исключением.

...После второго тайма в раздевалке к Лобановскому подошел Колотов:

– Валерий Васильевич, надо выпускать Шепеля. Пусть поиграет впереди, потерзает немного их защиту.

Наши тренеры и сами, наверное, понимали, что надо как-то усилить атаку. И Шепель на 91-й минуте заменил Буряка.

После игры Анатолий Шепель рассказывал журналистам:

– Я вышел на третий тайм с внутренней уверенностью в победе. Благодаря своему мастерству динамовцы в первых двух таймах затратили на борьбу меньше сил, чем футболисты «Зари», и это рано или поздно должно было сказаться. Уже на второй минуте дополнительного времени мастерский удар Володи Мунтяна застал врасплох вратаря ворошиловградцев Ткаченко. И после этого гола у меня уже не было сомнения в успехе. По лицам ребят я понял, что и у них тоже. Блохин, блестяще сыграв на опережение, забил второй гол, а Володя Онищенко, действовавший вообще очень активно и самоотверженно, забил в ворота «Зари» третий гол.

Так эмблемы на динамовских футболках с силуэтом Кубка и надписью «10 августа, 1974, финал» обрели для команды второй, желанный смысл. Когда хрустальный красавец приз уже стоял в раздевалке на столике, заваленном телеграммами от болельщиков с пожеланием успеха, и футболисты снимали мокрые футболки, Володя Мунтян пошутил:

– Сразу надо было сыграть эти полчаса и не мучиться первые девяносто минут...

Возвращаясь в Киев с Кубком, еще не остывшие от игры, мы обменивались в самолете впечатлениями от финала. И тут я услышал, что Базилевич и Лобановский довольно громко обсуждают... содержание очередной тренировки! Видимо, это был их «психологический ход». Хотели дать нам понять, что наша победа – это уже история, которую поскорее надо забыть...

– Любой матч, – любил говорить Базилевич, – выигран он или проигран – особенно если выигран! – следует поскорее забыть. Вы должны все анализировать, исходя из действительного положения вещей в сложившейся на сегодняшний день ситуации.

Об этом тренеры напомнили нам и на установке перед матчем 13-го тура чемпионата страны, в котором мы встретились с ленинградским «Зенитом». Установку команда получила как обычно – за два часа до начала игры. Часы в подобных случаях можно было не проверять. Ровно в 17.15 дверь в кинозал, где к этому времени уже сидел весы основной состав, отворялась, входили Базилевич и Лобановский. Установку на игру с «Зенитом» вел

Лобановский. Он сразу рассказал о всех сильных сторонах ленинградцев, потом зачитал некоторые выдержки из статей. В них в основном обозреватели хвалили «Зенит», который в тот период входил в число лидеров. «Сейчас «Зенит» представляет определенную силу, – говорил Лобановский, – но...» И дальше последовали конкретные тактические задания нашей команде. К слову, на последней тренировке накануне игры с «Зенитом» мы на своем тренировочном поле в Конче-Заспе уже провели двухстороннюю тренировочную встречу с ленинградцами. Правда, в образе «Зенита» предстал наш дублирующий состав. Он получил конкретное тактическое задание от тренеров и, выполняя его, чем-то действительно напоминал ленинградский клуб. Нам же тренеры перед тем тренировочным матчем так и сказали: «Теперь представьте, что перед вами «Зенит»... Все. это напоминало тренировку боксера-профессионала, который подбирает себе спарринг-партнера, похожего по манере боя на будущего соперника. В том сезоне наши «спарринги» с дублерами накануне основных матчей стали чем-то вроде основного правила.

Не знаю как зрители, но я от матча с «Зенитом» получил истинное удовольствие. И дело даже не в том, что мне удалось забить четыре из пяти «сухих» голов в ворота ленинградцев. Просто игра даже на мокром от дождя поле Республиканского стадиона удалась нам. В том матче мы почувствовали, что можем играть в «тотальный» футбол.

Еще кипел спор за «серебро» и «бронзу», а наш клуб уже принимал поздравления с двойной победой – золотыми медалями и Кубком СССР! Такое киевскому «Динамо» удавалось до тех пор только в 1966 году.

В последующие годы вместе с командой я не раз еще испытывал солоноватый – от пролитого на тренировках и в матчах пота – вкус побед. В 1978 и 1982 годах мы выиграли Кубок СССР. В 1975, 1977, 1980 и 1981 годах становились чемпионами Советского Союза. Но ни одна из последующих побед не доставляла мне такой радости, как те, первые. С того счастливого сезона 1974 года начался новый взлет киевского «Динамо». Мы его ощущали почти физически. Мы уже верили своим тренерам безоговорочно. Мы приняли новую методику тренировок. Мы были уверены, что наша работа обязательно приведет нас к победе.

ГЛАВА 9. ЕВРОПЕЙСКИЙ КУРС «ДИНАМО»

Весомая заявка

Восточная мудрость гласит: всякая дальняя дорога начинается с первого шага. Первый шаг к победе в розыгрыше Кубка кубков нам предстояло сделать в матче с болгарским клубом ЦСКА «Септемврийско знаме» (София). Из газетных статей можно было заключить, что болгарский клуб, хотя и не очень знаменит в Европе, может оказаться крепким орешком. 5 игроков этой команды выступали в составе сборной Болгарии на X чемпионате мира. 17 раз армейцы были чемпионами Болгарии и 7 раз владели Кубком страны. А в предыдущем сезоне «Септемврийско знаме» даже вывело из розыгрыша Кубка чемпионов голландскую команду «Аякс».

Тренеры настраивали нас на трудную борьбу. Они тщательно собирали информацию о болгарской команде. Базилевичу и Лобановскому в ходе подготовки так и не удалось самим посмотреть игру армейцев Софии, но зато они раздобыли запись финального матча на Кубок Болгарии и не раз, прокручивая ее, знакомили нас с особенностями команды «Септемврийско знаме».

В первой игре с болгарскими армейцами, состоявшейся в Киеве, «Динамо» провело в атаке чуть ли не все девяносто минут. Но при явном нашем преимуществе мы с огромным трудом вырвали победу с минимальным счетом – 1:0 (на 58-й минуте мне удалось забить гол).

В ответном матче в Софии армейцы чаще атаковали, и нам было уже нелегко обороняться. Но все же при любом удобном случае мы контратаковали. Почти в самом конце игры Володя Веремеев именно в момент контрвыпада отлично «подкрутил» мяч в центр штрафной, и я, опередив защитников, головой пробил в дальний от вратаря угол. Гол! И снова победа с

минимальным счетом – 1:0.

Узнав, с каким очередным соперником жребий свел «Динамо» в 1/8 финала розыгрыша Кубка кубков, многие из нас вздохнули с облегчением: знакомый «Эйнтрахт»! Но наши старшие тренеры остались верны своим принципам:

– В футболе нет постоянных величин, – предостерегали они. – «Эйнтрахт» – это знакомый незнакомец. Год на год не приходится...

И мы стали изучать, «Эйнтрахт»-74. Во Франкфурт-на-Майне вылетел Лобановский. Когда он возвратился «из разведки», вид у тренера был довольно озабоченный. В матче, на котором Лобановский присутствовал, «Эйнтрахт» обыграл «Фортуну» – 4:0 и вышел в лидеры чемпионата ФРГ.

– Неужели всего за два года «Эйнтрахт» мог так сильно измениться? – спросил тренера кто-то из нас.

– Не знаю, как он играл два года назад, – ответил тренер, – но сегодня... Многое из того, что мы пока выполняем лишь на макете во время теоретических занятий, они уже легко делают на поле.

Команда готовилась к матчам с лидером чемпионата ФРГ. Тренеры детально анализировали тактику соперников и манеру игры футболистов западногерманского клуба. Во время таких разборов Лобановский и Базилевич нацеливали нас на конкретные контрмеры, советовали, как лучше играть против того или иного футболиста «Эйнтрахта». Кроме командных теоретических занятий тренеры проводили индивидуальные собеседования. Помню, с каким мрачным видом вышел из тренерской комнаты после такого собеседования Стефан Решко.

Я догадывался о его персональном задании в матче с «Эйнтрахтом»:

– Что, Степушка, Хельценбайн? Решко грустно кивнул.

– И что тебе посоветовал тренер?

– Лобановский говорит, что я должен строить игру на опережении. Сказал: «Если Хельценбайн получит мяч первым, он обыграет тебя».

В этом матче Решко была поручена персональная опека 28-летнего Хельценбайна – игрока сборной ФРГ, чемпиона мира 1974 года, а Виктор Маслов получил задание играть против Грабовски – такой же знаменитости. И ребята сыграли против западногерманских звезд блестяще. На следующий день после первой игры с «Эйнтрахтом» наш переводчик не без удовольствия цитировал западногерманских журналистов: «В этом матче на поле не было видно ни Хельценбайна, ни Грабовски: Решко и Маслов спрятали их от зрителей».

Поединок с фаворитом чемпионата ФРГ, проходивший на «Лесном стадионе» во Франкфурте-на-Майне, закончился в нашу пользу – 3:2 (у нас голы забили Онищенко, Мунтян и я). Поражение «Эйнтрахта» на своем поле стало сенсацией 1/8 финала розыгрыша Кубка обладателей кубков. Такого поворота событий мало кто ожидал. В том числе и мы сами. Помню, когда сели в автобус, чтобы ехать на стадион, водитель немец показал нам три пальца: дескать, получите три гола. А я про себя подумал: «Мало показывает...»

Во второй игре, проходившей в холодный ноябрьский вечер на Республиканском стадионе Киева, «Эйнтрахт» предпринял отчаянную попытку отыграться. Нам в той встрече удалось порадовать своих болельщиков. Заключительные минуты матча прошли под неумолкающие овации.

– Ку-бок нам! Ку-бок нам! – дружно скандировали переполненные трибуны.

Такая реакция зрителей на родном стадионе – лучший допинг! Силы утраиваются. На этот раз «Динамо» победило «Эйнтрахт» со счетом 2:1 (два гола забил Володя Онищенко).

Интересно, что бывший тренер киевского «Динамо» В. А. Маслов, прилетевший в Киев специально, чтобы посмотреть матч с «Эйнтрахтом», еще до начала встречи сказал обступившим его журналистам:

– Девять лет назад, находясь в хорошей форме, мы дебютировали в европейских турнирах. Все уже тогда ждали от киевлян весомых побед. Но это особые турниры: чтобы побеждать в них, надо созреть. Мне думается, что теперь к киевскому «Динамо» пришла пора зрелости. Я уверен, что динамовцы сыграют хорошо, хотя «Эйнтрахт» – крепкий орешек...

После матча в переполненном пресс-центре первым выступил наставник команды гостей. Дитрих Вайзе заговорил, не дожидаясь вопросов:

– Нам надо еще много работать, чтобы играть так, как играет «Динамо». Грабовски и Хельценбайн не смогли показать сегодня всего, что они умеют: им не позволили этого сделать динамовцы.

– В чем же, на ваш взгляд, было преимущество «Динамо»? – спросили тренера «Эйнтрахта».

– Во всем: в скорости, в тактике, в боевом настроении, – ответил Вайзе. – Каждый игрок «Динамо» на всех позициях сильнее любого футболиста «Эйнтрахта»...

Потом на вопросы отвечали наставники «Динамо» Базилевич и Лобановский. Всем было интересно знать, как сами тренеры оценили итоги первого своего года работы в «Динамо».

– Вы предполагали, что матч с «Эйнтрахтом» будет трудным?»

Лобановский:

– А как могло быть иначе? Мы ведь встречались с сильной профессиональной командой, одним из лидеров чемпионата ФРГ. Матч для нас оказался таким же трудным, как первая встреча во Франкфурте-на-Майне, но наша задача была упрощена тем, что после первой встречи мы вели в счете 3:2.

– Кого вы можете отметить в своей команде? Базилевич:

– Это не в наших правилах – кого-то выделять особо. Матч выиграла команда!

– Довольны ли вы игрой своей команды в этом сезоне? Лобановский:

– Футбол не цирк, не спектакль. Это спорт, и здесь важен результат. А он налицо...

Журналист, задавший вопрос, вновь поднялся со своего места.

– Позвольте поставить вопрос по-другому, – сказал он. – Обычно тренеры ставят перед командой определенную цель, имеют программу-максимум и программу-минимум. Считаете ли вы, что в этом сезоне выполнили свою программу-максимум?

Базилевич:

– Что касается результатов, то максимальные задачи командой выполнены: завоевано все, что можно было завоевать. А по содержанию игры мы пока решили только программу-минимум. Игра «Динамо» еще далека от совершенства. Мы знаем свои недостатки, нас ждет большая работа.

В ту пору я уже пристально следил за работой «Динамо»: задумал собрать материал для книги. Бывал на тренировках клуба, часто беседовал с футболистами и тренерами, с футбольными специалистами из других клубов. Не пропускал ни одного матча в Киеве и довольно часто в качестве спецкора выезжал на игры с участием киевского «Динамо» в другие города, принимал участие в послематчевых пресс-конференциях. Все интересное откладывал. Позже собранный материал действительно стал отличным подспорьем в работе над моей первой книгой о футболе «Два сезона» (она вышла в Киеве, в издательстве ЦК ЛКСМУ «Молодь» в 1976 году). В той книге я попытался изнутри взглянуть на футбольные события 1974–1975 годов. С Блохиным мы решили, что обязательно используем отдельные фрагменты из «Двух сезонов», ибо нам хотелось, чтобы наша совместная книга была не только эмоциональной, основанной на личных воспоминаниях, но и точно следовала фактам.

Сезонный барьер

Наши встречи с «Бурсаспором» стали своеобразной вехой в истории клуба. Десять лет назад киевское «Динамо» впервые стартовало в европейских официальных турнирах, но всякий раз добиралось лишь до четвертьфинала. Причины неудач, естественно, были разные. И все же главную из них специалисты усматривали в одном – сезонный барьер! Дескать, не могут в это время года наши футболисты показывать зрелую игру. Даже термин такой придумали – «весенний футбол», то есть игра, в которой команда по вполне объективным причинам допускает слишком большой процент брака. Нам давно хотелось нарушить эту традицию...

В Турцию, на первую игру с «Бурсаспором», мы прилетели прямо из турне по Бельгии и Франции. К этому времени, с учетом игр в Югославии, почти за два месяца подготовки мы сыграли 8 контрольных матчей (шесть побед и только одно поражение от бельгийского клуба

«Локерен» – 0:1), забили 20 мячей, пропустили 10. Одним словом, накануне официальных встреч чувствовали себя на поле уже вполне уверенно.

Бурса – небольшой турецкий городок, расположенный в горах. К берегам Босфора команда отправилась непосредственно из Франции 3 марта. Сначала мы проделали длинный и утомительный воздушный путь, потом совершили почти 250-километровое путешествие в маленьких неудобных автобусах на побережье Эгейского и Мраморного морей. 4 марта мы наконец очутились в Бурсе. И тут нам представился случай убедиться в том, что наши тренеры способны иногда вопреки своим принципам делать не то, что заранее намечено их программой, а учитывать сложившуюся ситуацию. Они увидели, как мы утомлены долгой дорогой, и отменили запланированную тренировку, заменив ее легкой разминкой.

Приготовили команде сюрприз и местные болельщики. Нас разместили в одном из лучших отелей города – «Челикпалас». И вот поздно вечером, накануне матча, под окнами отеля вдруг начался шумовой концерт. Психологической атаке болельщиков не помешал даже сильный дождь, хлеставший всю ночь и весь следующий день. Он изрядно испортил поле местного стадиона, носящего имя Кемаля Ататюрка, но, к счастью, ничуть не отразился на боевом настроении нашей команды.

Стадион, рассчитанный на 15 тысяч зрителей, был заполнен до отказа и встретил нас оглушительным шумом. Казалось, «концерт», начатый под окнами отеля, продолжается. Но вскоре наступила тишина: игра сразу же пошла с заметным нашим превосходством. Основные события развернулись на половине хозяев поля. Наша смена ритма, когда неторопливый розыгрыш мяча где-то в центре поля сменялся взрывной атакой почти всех без исключения игроков, не раз ставила соперников в сложные ситуации. На 21-й минуте Володя Онищенко несильным, но точным ударом завершил быструю комбинацию, начатую Колотовым и продолженную Веремеевым и мной. Во втором тайме мы несколько изменили тактику: отказались от активной игры в нападении, словно бы приглашая хозяев поля раскрыться. Изредка мы контратаковали. Матч закончился с нашим минимальным перевесом – 1:0.

19 марта мы вновь встретились с «Бурсаспором». Теперь уже в Киеве, на Республиканском стадионе, который в столь раннюю для футбола пору никогда прежде не принимал на своих трибунах такого количества зрителей – 95 000! Первый тайм закончился безрезультатно. Во втором мы полностью владели инициативой и дважды добивались успеха: Колотов (с пенальти) и Мунтян забили по голу. Судья Ченчер из ФРГ зафиксировал победу «Динамо» – 2:0. Обозреватели в общем-то хвалили нашу команду за то, что она, наконец-то преодолев «сезонный барьер», впервые вышла в полуфинал Кубка кубков. Но были в комментариях и тревожные нотки.

«...Возникает вопрос, – писал один осторожный журналист, – если экономная игра, опробованная во встрече с «Бурсаспором», вполне оправдала себя, то значит ли это, что она способна гарантировать успех в следующем круге? Иными словами: значит ли это, что киевляне в состоянии решать все свои задачи в одном тайме? Хорошо бы убедиться, что на вооружении команды имеется и установка на игру изо всех сил в обоих таймах».

Вскоре динамовцам представилась возможность дать исчерпывающий ответ на этот вопрос. В полуфинале Кубка кубков у «Динамо» был более серьезный соперник – голландский клуб ПСВ «Эйндховен», которому еженедельник «Франс-футбол» на протяжении всего сезона в классификации клубных команд Европы постоянно отводил первое место.

Футболисты «Эйндховена» ничуть не сомневались в своей силе. Еще в аэропорту Борисполь тренер «Эйндховена» Рийверс заявил, например, советским журналистам, что главная цель команды – победа в чемпионате Голландии, а что касается встречи в Киеве, то он надеется на хороший спектакль и не возражает против ничейного счета, например 2:2, 3:3, 4:4...

– Жаль, что жребий свел наши клубы в полуфинале, – заявил президент клуба ПСВ «Эйндховен» Гроневелд. – Лучшие бы встретились в решающем матче на Кубок. «Динамо» – сильная команда, но наши парни сейчас близки к заветной цели – стать чемпионами страны и взять европейский приз. Вряд ли они упустят этот шанс...

ПСВ «Эйндховен» – спортивное общество концерна «Филипс» в небольшом городке Голландии Эйндховене. Продукцию концерна «Филипс» знают всюду. И команда бело-красных

(цвет футболок «Эйндховена») служила хорошей рекламой фирмы. Клуб ПСВ, располагающий великолепной спортивной базой, имел девять взрослых и семнадцать юношеских футбольных команд. Тренеры, как правило, не испытывали затруднений в выборе футболистов для главной команды клуба. Было известно, что его руководители не скупятся на высокие гонорары за победы. Реклама есть реклама.

Опережая таких грандов мирового футбола, как «Фейенорд» и «Аякс», «Эйндховен» в то время лидировал в чемпионате Голландии и, как известно, впоследствии стал чемпионом страны. А в розыгрыше Кубка обладателей кубков команда успела зарекомендовать себя довольно агрессивным соперником. В Варшаве, например, голландцы легко обыграли польскую «Гвардию» – 5:1, а в Лиссабоне ваяли верх над португальской «Бенфикой» – 2:1. Шесть игроков клуба входили в национальную сборную Голландии, двое футболистов «Эйндховена» защищали цвета сборной Швеции.

Мы готовились к полуфиналу. Лобановский летал в Голландию, видел в деле «Эйндховен», когда тот в очередном матче чемпионата страны обыграл «Телстар» из города Велзен. Одним словом, все было привычным. Кроме соперников. Голландцы! Этим все сказано. Мы еще помнили яркую игру команды Круиффа на прошлогоднем чемпионате мира. Наступило девятое апреля...

На нашем стадионе – сто тысяч! Еще в раздевалке я почему-то обратил внимание на губы моих партнеров – пересохшие как никогда. Да, мы волновались не на шутку. Еще на разминке, мельком поглядывая на соперников, отметил, что «в воздухе» нам будет трудно: «Все длинные, черти!» Впрочем, и до выхода на поле мы знали, что средний рост игроков «Эйндховена» более 180 сантиметров!

Английский судья Петридж дает свисток... «Прессинг! С первых секунд жесткий прессинг!» – напутствовали нас тренеры. «Не знаю команды, которая устояла бы против прессинга», – говорил еще на установке Базилевич. Смысл подобной тактики состоит в том, чтобы лишить соперника свободы действия, разрушить его, наигранные связи. В прошлых играх эту тактику мы применяли не раз, и она служила команде добрую службу. И сейчас все у нас получалось. Мы владели инициативой. Точные пасы, высокая скорость, удары по воротам... Я заметил, как тревожно заметался голкипер гостей Беверен, когда мы с Онищенко, сыграв «в стеночку», прошли защиту и Володя сильно пробил рядом со штангой. Видел, как запаниковали голландцы, когда в их штрафную на скорости ворвался наш защитник Матвиенко. «Не так уж черт страшен!» – мелькнуло вдруг. В этот момент Мунтян справа, оценив ситуацию, дал пас на ход Володе Трошкину. Тот, подхватив мяч, промчался с ним почти до углового флага. А на левом фланге в штрафную уже вихрем врвался наш капитан Колотов. Делаем рывок и мы с Буряком. Голландцы энергично задвигались в! своей штрафной.

– Па-ас! – выкрикивают, кажется, все наши, кто в этот миг вышел на подступы к воротам «Эйндховена».

Трошкин сильно простреливает вдоль ворот – и Колотов против дальней от вратаря штанги головой в красивом прыжке посылает мяч в ворота. Гол. Нет, не просто гол, а г-о-о-о-л в ворота голландцев! Не стану лукавить, побаивались мы их все-таки. Я взглянул на табло. Шла 17-я минута матча.

Что же соперники? Не похоже, чтобы они огорчились. Во всяком случае, внешне гости выглядят невозмутимо, продолжают методично питать пасами шведа Эдстрема – форварда ростом под два метра! Но надо отдать должное паре наших центральных защитников: Решко и Фоменко бдительно стерегут любой выпад самого грозного бомбардира «Эйндховена». Эдстрем, как говорится, пока на голодном пайке. И мы вновь атакуем.

31-я минута. На левом фланге резко подключился к атаке Матвиенко. Его сбивают с ног. Штрафной. Гости выстраивают «стенку». Бьет Мунтян. Мяч по дуге летит в дальний от вратаря угол. Но Беверен каким-то чудом успеваешь парировать этот коварный удар. Мяч отскакивает... прямо под удар Онищенко. И Володя не промахнулся – 2:0!

56-я минута. Трошкин стремглав вновь несется по правому краю. Я, угадав ситуацию, рванулся в штрафную и в то же мгновение получил от партнера отличный пас. Сильно бью и... товарищи по команде устраивают кучу-малу – 3:0!

Тут только наши соперники взорвались по-настоящему. Вероятно, поняли, что

недооценили нас. И началось. Сильно и точно бьет Рене Керкхоф, но Рудаков в отчаянном броске спасает ворота. Потом родной брат Рене – Вилли Керкхоф, ускользнув от защитников, обвел даже нашего вратаря, но... пробил мимо пустых ворот. Вот уже Эдстрем, все-таки освободившись от опеки вконец измотанных напряженной игрой Решко и Фоменко, буквально с нескольких метров головой посылает мяч в... штангу. Кто сказал, что не бывает спортивного счастья!? Оно все-таки есть! И в эти мгновенья (для нас они тянулись утомительно долго!), когда голландцы в течение десяти минут могли, пожалуй, сравнять счет, счастье улыбнулось нам. Мы победили!

После матча, когда на электрическом табло Республиканского стадиона на фоне вечернего неба ярко светились цифры – 3:0, тренер гостей Рийверс рассеянно отвечал на вопросы журналистов.

– Мои игроки не выполнили установку – забить хотя бы один гол в ворота «Динамо», – говорил он. – У вас хорошая команда, ни одного посредственного футболиста я в ней не увидел. Что думаю о повторном матче? Я оптимист...

Начало повторного матча в Эйнховене напоминало концовку первой игры в Киеве: голландцы обрушили на нас шквал атак. И все-таки явных голевых моментов нет. Четко играет наша защита и вратарь. Но на 22-й минуте Рудаков, видимо, не выдержав длительной осады своих ворот, все же ошибся. В прыжке он взял нетрудный мяч, но не удержал его в руках, выпустил, а Эдстрем тут как тут: мигом пошел на добивание и точным ударом открыл счет. Голландцы сразу взвинтили и без того высокий темп. А мы старались его сбить, подольше подержать мяч. До перерыва счет не изменился.

...Шла 77-я минута. Семь минут играл уже Буряк, заменивший Мунтяна. Леня отлично разгадал задумку Веремеева, когда тот своим отработанным подкрученным ударом обвел защитников и точно выложил мяч под удар партнеру. Буряк головой в полете послал мяч точно в цель: гол в ворота «Эйнховена» на голландской земле! А за пять минут до конца матча вновь отличился Эдстрем и голландцы победили со счетом 2:1, но для нас это уже существенного значения не имело. На следующий день местные газеты отметили «... уверенную игру советской команды, о которую разбились хаотичные атаки голландских футболистов».

Команда вышла в финал! Остался только один матч. Матч на нейтральном поле в Базеле, которое наверняка и мы, и наши соперники из венгерского клуба «Ференцварош» хотели бы превратить в свое. Но перед этим самым главным матчем в споре за Кубок нашу команду ждали еще серьезные испытания на внутренней футбольной арене – в играх начавшегося 37-го чемпионата Советского Союза. А меня лично – события весьма драматического характера...

ГЛАВА 10. А СУДЬИ ЧТО!

Травмы

Матч 37-го чемпионата страны в Ереване на стадионе «Раздан» с «Арагатом» наши тренеры рассматривали как генеральную репетицию перед финалом Кубка кубков. На этом стадионе гостям всегда было трудно играть. А игра с киевским «Динамо», несомненно, была для ереванцев вполне престижной: представлялась возможность на глазах у своих болельщиков победить финалиста Кубка кубков! Правда, мы лишили их этого удовольствия и в хорошем стиле обыграли «Арагат» со счетом 3:2. Но это был как раз тот случай, когда победа не радовала.

...Я проходил по флангу и видел, что параллельно мне в центре на хорошей скорости к воротам прорывается Колотов. Собираясь выполнить прострельную передачу партнеру, я уже занес ногу для удара, как вдруг ко мне метнулся защитник. Ногу обожгла резкая боль, и я рухнул на землю. Товарищи отнесли меня к краю поля. Подбежали врач и массажист, но я уже чувствовал, что они вряд ли смогут оказать мне действенную помощь. Доктор стянул с меня окровавленный гетр и взглянул на рану.

– Неужели так страшно? – нетерпеливо спросил я, следя за выражением его лица.

Он молча обрабатывал рану и цокал языком. В тот момент я уже не думал о том, доиграю ли матч с «Араратом». Меня беспокоило другое: «Как травма? Смогу ли играть в Базеле?»

– Надо зашивать, – наконец сказал доктор. – Рана глубокая.

Мы прилетели в Киев поздно ночью и прямо из аэропорта меня отвезли в больницу. Хирург Виталий Николаевич Левенец, латая мою разорванную икроножную мышцу, наложил пять швов. К слову, этому специалисту, о котором по праву говорят, что у него золотые руки, наша команда многим обязана. Замечательный хирург возвращал в строй многих спортсменов, в том числе и моих товарищей по команде – Колотова, Мунтяна, Веремеева, Журавлева и многих других.

После операции хирург ободряюще похлопал меня по плечу:

– Ходить разрешаю, но осторожно и очень мало. Швы сниму числа шестнадцатого-семнадцатого.

Я чуть было не застонал: матч с «Ференцварошем» в финале Кубка кубков мы должны играть в Базеле четырнадцатого! По моей кислой физиономии Левенец, вероятно, все понял.

– Ты только заранее не расстраивайся, – сказал он. – Помни, что у веселых людей и раны быстрее заживают!

Через день после игры в Ереване капитан киевского «Динамо» Виктор Колотов давал интервью корреспонденту «Комсомольской правды»:

– Матч в Ереване принес нам серьезные потери. Ведь кроме Олега Блохина тяжелые травмы получили на «Раздане» Мунтян и Онищенко. Конечно, ребята постараются выйти на поле в Базеле, но вот вопрос – смогут ли они играть в полную силу? Хочется верить, что впрямь матчи чемпионата страны будут обходиться без столь откровенной грубости.

Грубость убивает мастерство. В специальном журнале, который скрупулезно вели врачи киевского «Динамо», в звездном для нас сезоне 1975 года было зафиксировано более тридцати травм. И надо сказать, что этот «средний показатель травматизма» у игроков нашего клуба с годами не убывал, а держался примерно на одном уровне. Заметим, что регистрировались только серьезные повреждения – переломы, рваные раны, тяжелые ушибы и тому подобное. Ссадины и синяки не в счет. И чаще других в журнале встречались фамилии Колотова, Веремеева, Мунтяна, Онищенко и моя. Мои товарищи по клубу, которых по праву считали виртуозами мяча, игра которых для истинных ценителей футбола была настоящим праздником, из-за травм пропускали немало матчей.

Впрочем, есть разные травмы. Одни могут быть вызваны слишком большими тренировочными нагрузками и слабым медицинским контролем. Иногда мышцы и связки просто не выдерживают того напряжения, которое выпадает на их долю. Впрочем, думаю, что опытный спортсмен, хорошо знакомый с принципами самоконтроля, может предохранить себя от перегрузок. Но чаще всего футболистам грозят травмы, вызванные грубой игрой. Я страдал именно от таких травм...

В 1979 году я в очередной раз выбыл из игры и попал на операционный стол в клинику спортивной и балетной травмы Центрального института травматологии и ортопедии. Операция, которую сделала мне заведующая клиникой профессор доктор медицинских наук замечательный специалист Зоя Сергеевна Миронова, длилась час десять минут. В кабинете у Мироновой я увидел интересную таблицу травм и не удивился: оказывается, на футбол приходится почти четверть всех повреждений, зафиксированных в спорте. Два года спустя я прочитал в газете «Правда» интересное высказывание профессора Мироновой:

«Футбол, к сожалению, лидирует в травматологии. Причины? Их несколько, но главная – нездоровый азарт. На наших глазах, случается, умышленно бьют по ногам. Как жаль, что раньше времени, не отыграв положенного срока, ушли из футбола многие звезды, в том числе и капитан первой олимпийской сборной В. Бобров... Бывает, когда выступают команды, в которых играют, настоящие мастера, защитники соперников, охотясь за ними, сбивают их с ног, не в силах догнать, валят на землю».

Наблюдение Зои Сергеевны очень точно. Я на себе не раз испытал этот самый «нездоровый азарт», когда соперники то и дело целились не по мячу, а по ногам. Причем, как правило, старались нанести удары сзади, когда невозможно себя защитить: сзади глаз нет! Если в команде соперников есть такой костолом, то в отдельные моменты матча неизбежно думаешь

не о том, как сыграть острее, хитроумнее, а о том, как бы уберечь ноги.

После того как я забил двести голов и установил в нашем футболе абсолютный рекорд результативности, перед одним из календарных матчей в Киев приехал обладатель прежнего рекорда, замечательный в прошлом бомбардир, заслуженный мастер спорта Никита Павлович Симонян, с которым мы были хорошо знакомы. Приехал, чтобы вручить мне специальный приз газеты «Комсомольская правда».

– Я тебя от всей души поздравляю, Олег, – сказал Симонян, – и желаю совершенствоваться дальше и забить голов больше!

– Можно было бы и больше, – ответил я, – но охотятся, как на зверя, бьют...

– На то ты и бомбардир, – сказал мне Симонян, – должен быть приучен к тому, что тебя били, бьют и будут бить...

Да, грубость стала правилом для моих опекунов. Игру без грубости, без «врезания в кость» я порой воспринимал как исключение из правил, как благородство, что ли... Впрочем, так было в футболе, кажется, во все времена. В книге Пеле, которую он написал совместно с журналистом Робертом Фишем, я прочел очень теплые слова короля футбола об игроках сборной Чехословакии, проявивших, по мнению Пеле, настоящее спортивное благородство. Это было на чемпионате мира 1962 года во время матча Бразилия – ЧССР. Пеле получил травму и во время матча испытывал сильную боль в паху. Но замен тогда, кажется, не проводили, и он вынужден был оставаться на поле. Пеле мало участвовал в игре, но его партнеры все же в отдельных эпизодах играли с ним в пас. И вот, когда мяч попадал к Пеле, соперники, зная о травме бразильца, не шли с ним в единоборство, не атаковали его жестко. «Масопуст, Поплухар и Лала – настоящие спортсмены, – писал Пеле. – Помня об интересах своей команды, они не забыли о благородном отношении к своему сопернику. Чехословацкие спортсмены подарили мне одни из самых прекрасных минут за всю мою футбольную жизнь».

За многие годы выступлений в командах соперников у меня даже появились свои персональные опекуны, которые постоянно оставляли на моих, ногах свои зарубки. Порой дело доходило до курьезов. С московским динамовцем Сергеем Никулиным мы вместе играли в различных сборных. Но когда в календарных матчах встречались наши клубы, мне от Никулина доставалось, как говорится, по первое число. Сидим мы однажды на скамеечке на базе в Новогорске, я его спрашиваю:

– Сережа, мы с тобой друзья?

– Друзья!

– Так ты меня на поле не бей, как врага.

– На поле у меня нет друзей, – убежденно ответил он. А однажды в сезоне 1981 года я попытался прямо во время игры в Краснодаре с местной «Кубанью» перевоспитать одного своего довольно грубого опекуна. Матч только начался, как я почувствовал его горячее дыхание на своем затылке. Только мне следовала передача и мяч оказывался у меня в ногах, как я сразу ощущал удары сзади – по пяткам, в область ахилловых сухожилий, по икроножным мышцам. Я оглянулся, вижу – Вася Шитиков, защитник «Кубани». Через некоторое время смотрю – он же! Персональная опека никому из нападающих удовольствия не доставляет. Особенно когда опекун малотехничен. Он к нападающему словно привязан. Будет толкать, бить, валить, только бы выполнить задание тренера. Поняв, что «мой Вася» не оставит меня в покое до конца матча и еще чего доброго под его бдительным присмотром я целым с поля не уйду, решил поговорить с ним по душам. В очередной раз, после его удара по пяткам, резко повернулся к Шитикову и говорю:

– Вася, у меня к тебе большая просьба: бога ради, не бей сзади! Бьешь, так уж хотя бы спереди, чтобы я видел.

А Вася невозмутимо мне отвечает:

– Я футбольных академий не кончал, мне все равно, что спереди, что сзади... Мне сказано тебя держать я и держу...

Да, в таких случаях не договоришься. Приходилось терпеть. Но бывало и так, что терпение лопалось, нервы не выдерживали, и меня даже удаляли с поля.

Удаления с поля

Меня удаляли с поля трижды. Первый раз – в 1970 году. Дублеры киевского «Динамо» принимали на своем поле кутаисское «Торпедо». Высокий, атлетического сложения центральный защитник гостей, как только мне удавалось его обыгрывать, бесцеремонно бил меня по ногам. В самом конце игры я не выдержал столь откровенной грубости и, как говорят футболисты, «отмахнулся» – ответил ударом на удар. Судья немедленно удалил меня с поля.

– На поле ты свой характер не показывай, – выговаривал мне после матча Коман. – Настоящий спортсмен должен стерпеть и такое. Сам ты не имеешь права наказывать своих противников, для этого на поле есть судья...

Совет тренера я твердо усвоил и подобных инцидентов со мной не случилось... целых одиннадцать лет. А в 1981 году, весной, во время контрольного матча сборной СССР в Болгарии судья снова удалил меня с поля. Правда, вместе с соперником. Впрочем, оба эти случая не были преданы широкой огласке, и кроме меня вряд ли их кто-нибудь помнит. Но вот факт третьего моего удаления с поля стал предметом обсуждения в прессе, а кроме того, и на заседании спортивно-технической комиссии.

8 июля 1981 года мы на своем поле встретились с ташкентским «Пахтакором» в матче чемпионата страны. С утра было душно, собиралась гроза. Апатия и вялость, вызванные, может быть, погодой, сменились у меня состоянием крайней взвинченности, как только я столкнулся на поле с грубостью защитников. В самом конце игры, когда в штрафной площадке гостей защитники грубо сбили Лозинского, в ворота «Пахтакора» был назначен пенальти. Нашего основного пенальтиста Буряка на поле не было, и пенальти пришлось бить мне. И ташкентский вратарь, и защитники «Пахтакора» грубыми репликами всячески пытались вывести меня из терпения. Пенальти я все же забил, и счет стал 3:0 в нашу пользу. Но спустя две минуты нервы у меня сдали и... судья показал мне красную карточку. «Зачем же сразу красную?» – только и сказал я ему.

Никто не видел, что произошло на самом деле, и не знал, за что судья удалил меня с поля.

Через три дня после этого матча в газете «Советский спорт» было опубликовано интервью; с Бессоновым, в котором капитан киевского «Динамо» назвал мое поведение на поле неспортивным.

Десятки раз я прокручивал в уме события того злополучного матча. Я понимал, что сорвался. Но мне было очень важно разобраться, отчего произошел срыв, как случилось, что обида и злость затмили мой разум настолько, что я ударил кулаком игрока «Пахтакора». Ведь уже спустя несколько секунд я жестоко раскаивался в содеянном.

Грубость соперников – серьезный раздражитель, и привыкнуть к ней нельзя. Но дело не только в этом. Я пришел к выводу, что мог бы держать свои нервы в узде, если бы действия судьи по отношению к грубиянам были четкими, строгими, бескомпромиссными.

Позже, представ в Москве перед членами спортивно-технической комиссии, я попытался, ничуть не умаляя своей вины, обсудить с членами СТК и эти острые, злободневные проблемы судейства. Но дело в том, что моя вина была вполне конкретна, а претензии к судейству казались членам СТК попыткой оправдаться. И разговор, столь важный для меня, не получился.

Я покидал СТК с тяжелым чувством. Члены этой очень авторитетной комиссии убеждали меня в том, что я и сам хорошо усвоил: на поле я должен (как бы меня ни били!) сдерживать свои эмоции.

Весьма знаменательным кажется мне, журналисту, тот факт, что мотивы удаления с поля у всех знаменитых форвардов похожи. Таких историй я слышал от самих футболистов немало. К примеру, тренер Блохина Михаил Коман однажды был удален с поля в Тбилиси за то, что ответил ударом на удар футболисту, который, по словам Комана, «отбил ему все пятки».

А вот что рассказывал Никита Симонян:

– В 1959 году во время тренировочного матча в Сочи бил меня один парень нещадно! На что уж я терпеливый, и то не мог выдержать. Как раз за год до этого я установил свой рекорд: забил в одном сезоне тридцать четыре гола. Вероятно, поэтому тренер дал своему защитнику установку держать меня любой ценой. Под конец матча я не стерпел, ударил своего обидчика и, не дожидаясь решения судьи, сам ушел с поля. Правда, когда поостыл,

поехал после матча к нашим соперникам и извинился...

Анатолий Бышовец:

– Мы играли на нейтральном поле, на стадионе в Тбилиси, на Кубок СССР. С первых минут матча приставленный ко мне защитник не отпускал меня ни на секунду – толкал, валил на землю. Я терпел как мог. К концу матча на мне были разорваны футболка и гетры, а судья делал вид, что ничего особенного не происходит. Перед самым финальным свистком, оказавшись в очередной раз на земле после удара по ногам, я не выдержал: развернулся и дал сдачи обидчику. Судья тут же удалил меня с поля...

Удаляли и многих других бомбардиров, против которых защитники особенно жестко – порой жестоко! – и откровенно грубо играли. Удаляли и знаменитого Эдуарда Стрельцова. По воле судей покидал поле даже король футбола Пеле. К примеру, во время матча в Колумбии знаменитый бразилец пререкался с судьей за то, что тот оставлял безнаказанными грубые действия защитников, сбивавших Пеле с ног. Но вместо того чтобы судить строже, арбитр... удалил с поля Пеле за пререкание с судьей. В знак протеста против такой вопиющей несправедливости толпа ринулась на поле, и рефери спасся только благодаря вмешательству полиции. По настоянию публики Пеле вернулся на поле – беспрецедентный случай в истории футбола!

Судейская «Педагогика»

На судей жалуются) все. Мне не раз приходилось слышать жалобы на арбитров от футболистов из Югославии, Польши.

Чехословакии, Болгарии и многих других стран. Похоже, что недостаточно высокое качество судейства – проблема мирового футбола. В начале 70-х годов опытный специалист; Ковач, тренировавший в то время команду «Аякс», говорил о работе судей:

«Нужно ли идти на то, чтобы изменить некоторые правила? В основном они мне кажутся удовлетворительными, но их интерпретация и применение составляют проблему. Например, недопустимо не удалять с поля игрока, который вместо мяча бьет по ногам противника».

Несправедливое решение судей всегда вызывало у меня бурную реакцию, за что мне не раз доставалось и от арбитров, и от тренеров. Вероятно, надо иметь очень большое самообладание, чтобы молча соглашаться с судейскими несправедливостями. В последние годы я стал пристально следить за высказываниями о работе судей в прессе и по телевидению. Вырезки из газет складываю в отдельную папку, а передачи по телевидению записываю на магнитную ленту. Приведу несколько примеров из моей коллекции.

Фрагмент из телеобзора «Футбол», переданного 2 августа 1981 года. Беседу ведут известный комментатор радио и телевидения Н. Н. Озеров и старейшина советских арбитров Н. Г. Латышев.

Н. Н. Озеров:

– У нашего микрофона председатель Всесоюзной коллегии судей Николай Гаврилович Латышев. Николай Гаврилович, вот судья назначает штрафной удар. Выстраивается «стенка» – девять метров. Как всегда, нет положенного расстояния, но все равно арбитры не наказывают виновных...

Н. Г. Латышев:

– Если принципиально придерживаться этого правила, то судья должен сделать предупреждение. Однако не всегда судье надо устанавливать «стенку». Мы недавно видели, как в игре ЦСКА – «Торпедо», когда игроки «Торпедо» не хотели становиться на положенное расстояние, футболисты ЦСКА решили откинуть мяч своему партнеру. И он пробил мимо растерявшихся соперников. Забил гол! Так что игроки сами должны выбирать правильную тактику игры – когда ставить «стенку», а когда играть и без «стенки»... Н. Н. Озеров:

– Я помню, как один известный игрок на чемпионате мира, получив удар, может быть даже не умышленно, упал и зрители увидели страдания этого футболиста. Страдания были нарочитыми, были, так сказать, плохо исполнены. Короче говоря, футболист симулировал. Арбитр стоял рядом. Стоял и смотрел. И вот, когда этот футболист легко побежал вперед, арбитр остановил игру и, подняв желтую карточку, сделал ему предупреждение. Я хочу сказать,

что, к сожалению, и на наших стадионах такое бывает довольно часто. Не очень ли уж мягко мы обходимся с симулянтами?

Н. Г. Латышев:

– Если судья видит, что игрок действительно симулирует, то арбитр обязав, публично дать ему предупреждение...

Слушал я все это и не все... понимал. Председатель ВКС советовал, как противодействовать нарушителям правил! Не надо, дескать, арбитрам отодвигать «стенку» на положенные девять метров, а надо пострадавшей команде как-то умудриться обхитрить нарушителей. Но это ли не судейство в пользу провинившихся? Справедливо объявлена война симулянтам. Верно, всякая симуляция на поле претит и зрителям, и футболистам. Но всегда ли легко отличить симулянта от пострадавшего? Значит, судьи начнут теперь присматриваться: больно тебя ударили по ногам или не очень? Сможешь ты быстро побежать сразу или чуть-чуть похромаешь, за что и желтую карточку недолго схлопотать? Но это ведь – внимание арбитров к тем, кого бьют по ногам! А как же быть с теми нарушителями футбольных правил, кто бьет по ногам? И к чему может привести переключение внимания арбитров с прямых нарушителей на пострадавших?

Рассказывая о своей жизни в футболе и обвиняя в грубости некоторых футболистов, я отдавал себе отчет в том, что киевское «Динамо» тоже небезупречно в этом отношении.

Меня не раз упрекали в том, что я слишком часто апеллирую к судьям. Каюсь, был такой грех. Вероятно, находясь на поле, просто острее, чем сидя на трибуне, чувствуешь несправедливость судейских свистков или их неуместное молчание.

Я всегда завидовал тем футболистам, которые умели все стерпеть. Помню, как Никита Павлович Симонян во время тренировок сборной страны, призывая меня к терпению, рассказал об известном английском форварде Алане Болле, который в составе сборной Англии стал чемпионом мира 1966 года. Его тоже часто били по ногам, и он по этому поводу обращался к судьям. Однажды Болла удалили за это с поля. И тогда он сам себе сказал: «Я по отношению к судьям глух и нем». Впрочем, сам Симонян в свое время тоже дал себе «обет молчания», хотя ему доставалось от защитников не меньше, чем мне.

Симонян рассказывал: в 1958 году сборная страны должна была выехать в Лондон на товарищескую встречу со сборной Англии. Накануне этой поездки московский «Спартак», в составе которого играл Симонян, проводил матч на Кубок страны с красноярским «Локомотивом». С первых же минут игры красноярцы начали «охаживать» спартаковцев по ногам.

– Сережу Сальникова раза четыре уложили на землю, – рассказывал Симонян. – И мой партнер не выдержал. Подбежал ко мне и говорит: «Ты капитан, принимай меры! Еще раз меня огреют, уйду с поля». А мне и самому доставалось от их центрального защитника. Не выдержав, я сказал ему: «Милый мой, вот же мяч, что же ты по ногам бьешь?!» Мне в ту пору уже тридцать два года было, а тому защитнику – лет двадцать. «Тебе же надо учиться играть в футбол, – говорю ему. – Так учись! Но при чем же здесь мои ноги?»

Да, похоже, что во все времена нашего футбола были свои грубияны. Но я твердо убежден в том, что борьбу с грубостью можно – и нужно! – вести не уговорами и призывами, не только воспитательной работой среди футболистов и тренеров, а прежде всего повышением качества судейства, усилением его строгости по отношению к грубиянам от футбола.

ГЛАВА 11. КУБОК КУБКОВ: ФИНАЛ

Команда и пресса

Напрасно говорят, что победителей не судят. Еще как судят! Никогда ранее команда, выигравшая в одном сезоне чемпионат СССР и Кубок СССР и не проигравшая ни одной официальной международной встречи, не подвергалась в прессе такой критике, как киевское «Динамо» в 1974 году.

Как реагировала на критику команда? Этот вопрос однажды на пресс-конференции задали тренерам «Динамо».

– А наши футболисты не читают газет, – ответил Лобановский.

Он не шутил. На протяжении всего сезона тренеры действительно просили нас не читать футбольную прессу.

– Газеты вас иногда захваливают, – говорил Лобановский, обращаясь к команде, – иногда слишком ругают. Но в том и другом случае часто высказывается мнение субъективное, порой дилетантское.

В одном из интервью тренер так объяснял свою позицию:

– В нашем клубе специально подбираются все обстоятельные материалы, и затем в спокойной обстановке мы знакомимся с отчетами специалистов и тех журналистов, чьи оценки, на наш взгляд, действительно представляют интерес. Порой используем репортажи во время установок на матч: читаем ребятам негативный отчет и предлагаем доказать на деле, что они не такие, как о них написали...

31 июля 1974 года, накануне нашего матча с московскими одноклубниками, тренеры зачитали команде статью из еженедельника «Футбол-Хоккей», автор которой утверждал, что в плане освоения современной футбольной тактики московское «Динамо» стоит значительно выше киевского. Сколь успешной оказалась такая педагогика, можно судить по результатам матча: два «сухих» гола было забито в ворота московского «Динамо». К слову сказать, в той же статье в качестве образца освоения современной тактики был назван ленинградский «Зенит». Перед матчем «Динамо» – «Зенит» наши тренеры вновь прибегли к апробированному средству волевой настройки команды. Каков же на сей раз был результат? Мы выиграли у «Зенита» с разгромным счетом – 5:0. Вот и скажите теперь, мешала команде критика или напротив – диалектически помогала?

Впрочем, мы и без особых разъяснений тренеров сами знали цену иным публикациям. Знали хотя бы потому, что общались со спортивными журналистами и замечали, что отсутствие соответствующей профессиональной подготовки в сочетании с излишней самоуверенностью приводит иногда к нелепостям, курьезам.

Помню, как после тренировочного матча на заснеженном поле стадиона «Динамо» к нам в раздевалку вошли несколько журналистов. Один из них считал себя большим знатоком футбола, поскольку написал уже много статей о киевском «Динамо». Правда, наши тренеры не считали его специалистом, справедливо полагая, что главное не в том, сколько написано, а в том, что написано. Разговор зашел о статье, появившейся в газете за подписью Веремеева.

Как потом рассказывал Володя, от его мыслей в статье ничего не осталось, журналист вложил в его уста свои, довольно путанные, сентенции о футболе. Разумеется, реакция Веремеева была для журналиста малоприятным сюрпризом. Ведь в раздевалке находилась команда, тренеры, другие журналисты, и авторитет «большого знатока» на глазах у всех зашатался. Он перешел в наступление.

– Ка-ак! – воскликнул журналист. – Ты хорошо вспомни! Ты сидел у нас в редакции журнала напротив меня и говорил...

– Такого я вам не говорил, – упрямо сказал Володя.

– А ты хотел, чтобы я в точности воспроизвел твои слова? – не сдавался репортер. – Так не бывает! Главное, чтобы был смысл.

– Так у вас там и смысла нет, – раздраженно сказал Веремеев. – Все придумали за меня...

У Володи среди журналистов было много друзей. Сам он учился в университете на факультете журналистики, и в тедпи, когда по каким-либо причинам пропускал календарные матчи, он неизменно смотрел их из ложи прессы. Он рассказывал нам, как рождаются иные футбольные отчеты:

– Понимаете, кое-кто из пишущей братии просто не улавливает, что происходит на поле. Сидят, балагурят и вдруг – гол. В этот момент послушать журналистов – один юмор! «Хлус забил!» – выкрикивает кто-то из репортеров. «Да нет, Блохин», – возражает другой. «Не спорьте, ребята, сейчас объявят по стадиону». И тут объявляют, что гол забил Буряк. «А кто ему дал пас? Не видели?» И все в таком духе... Закончу играть в футбол, возьмусь за перо и напишу о наших друзьях журналистах книжку «Как это делается в ложе прессы».

По себе знаю, что после иных публикаций бывает не до смеха. Летом 1981 года в одной молодежной газете было опубликовано интервью со мной. Все вроде бы ничего. И вдруг... Читаю «свои» слова и глазам не верю:

«Иногда я хожу сыграть в футбол – для отдыха – в Гидропарк. Правда, обычно стою в воротах, чтобы не смущать соперников».

Вот это полет журналистской фантазии! Тут не знаешь, как лучше и с пользой для семьи использовать редкий выходной, какое из десятков неотложных дел выполнить, а я видите ли «для отдыха» снова бросаюсь играть в футбол! И не где-нибудь, а в Гидропарке! Сразу подумал о том, как воспримут такую «сенсацию» товарищи по клубу. Слава богу, восприняли с юмором: «Олег, говорят, слава Яшина тебе спать не дает?»

Я когда-то читал, что тренер «Аякса» Михелс делал очень мало заявлений в прессе, и они были всегда лаконичны, а порой даже грубы. Когда эту команду стал тренировать Ковач, то президент клуба посоветовал ему так же держаться с журналистами. Однако новый тренер знаменитого голландского клуба считал, что без прессы футболу не обойтись. Руководители, игроки, журналисты, тренеры, арбитры – все посажены в одну лодку.

Я согласен с Ковачем. Когда пресса объективно объясняет причины отставания, она оказывает существенную помощь в работе специалистам, показывает зрителям реальную картину происходящих в футболе событий, формирует общественное мнение.

А в том удачном для нас сезоне 1974 года, в Октябрьском дворце, когда нам вручали золотые медали, наши тренеры, выступая с ответным словом, в основном критиковали своих критиков. Мне даже казалось, что они брали в руки микрофон лишь для того, чтобы поссорить присутствующих в зале болельщиков с репортерами, пишущими о футболе. Лобановский, например, поблагодарив болельщиков за поддержку, высказал мнение, что зрителей на стадионе было бы еще больше, если бы пресса в середине сезона не сообщила о том, что чемпион практически уже определен, и если бы журналисты не метали столько критических стрел в адрес киевского «Динамо». Лобановский заявил, что большинство статей написаны журналистами непрофессионально, он рекомендовал репортерам чаще встречаться с людьми, работающими в футболе.

Наши тренеры полемизировали с теми журналистами, которые в категорической форме утверждали, что нам пока далеко до лучших европейских клубов. Действительно, трудно соревноваться с профессионалами, говорили тренеры клуба, но можно! И они пообещали, что в будущем сезоне «Динамо» постарается доказать это на практике.

И вот ровно через пять месяцев после того «торжества с оговоркой» нам действительно представилась прекрасная возможность доказать правоту наших тренеров на высшем международном уровне – в финальном матче розыгрыша Кубка обладателей кубков европейских стран на стадионе «СентЯкоб» в Базеле.

Базель, май, победа!

Финал Кубка кубков! При этих словах я почему-то прежде всего вспоминаю раздевалку швейцарского стадиона, измотанные борьбой счастливые лица ребят и солоновато-сладкий – наверное, от пота, который струится еще по щекам и попадает на губы, – вкус шампанского. Мы пили его прямо из серебряной чаши Кубка. Но все это было позже.

По натуре я оптимист. Но в ожидании такого ответственного матча испытывал тревогу. Меня тревожили не соперники, хотя ими были опытные венгерские футболисты – команда «Ференцварош». Травма, полученная в Ереване на стадионе «Раздан», все еще беспокоила. Швы даже при ходьбе вызывали неприятные ощущения.

Первые тренировки я пропустил. Утро 14 мая 1975 года для меня началось с посещения врача. Несколько неприятных мгновений – и швы сняты. Врач сделал специальную повязку. Потом спросил участливо:

– Не больно?

Я знал, что теперь участие в финальном матче зависит только от моего собственного решения, даже врач был не вправе решать за меня. Я несколько раз легко подпрыгнул на травмированной ноге. Прежней покалывающей боли не ощутил. А главное, в эти мгновения я

почувствовал, что неприятный страх, мешающий мне наступать на ногу, исчез.

– Порядок, доктор! – как можно тверже сказал я.

– Ну и слава богу! Иди, порадууй тренеров...

С этого момента я уже не думал о своей ране. Я десятки раз проигрывал ситуации, которые еще только должны были осуществиться. В душе рождался подъем – тот самый сладкий порыв, без которого спорт утратил бы едва ли не всю свою прелесть.

«Сент-Якоб» – типичный западноевропейский футбольный стадион с трибунами, подступающими почти к самой кромке футбольного поля. Финал собрал тридцать тысяч зрителей, почти двести журналистов из многих стран континента, десятки фотокорреспондентов, комментаторов радио и телевидения.

Судья из Шотландии Дэвидсон вызвал команды на поле. Мы вышли в таком составе: Евгений Рудаков, Владимир Трошкин, Михаил Фоменко, Стефан Решко, Виктор Матвиенко, Владимир Мунтян, Анатолий Коньков, Леонид Буряк, Виктор Колотов, Владимир Онищенко, Олег Блохин.

В первые минуты встречи мы словно бы прощупывали соперника. Футболисты «Ференцвароша» бросились в атаку, стараясь накалить обстановку. Йожеф Муха, один из опытнейших игроков средней линии венгров, попытался «вывести на удар» девятнадцатилетнего форварда Ференца Сабо, которого специалисты считали надеждой венгерского футбола и называли наследником Бене. В первых своих 22 матчах первенства страны Сабо забил 14 голов. Атаку молодого агрессивного бомбардира «Ференцвароша» ловко прервал Коньков. Он не стал мешкать и быстро отдал мне пас на левый фланг. Я заметил, что на противоположном конце поля внезапно появился Трошкин, и отдал пас ему. Трошкин, обыграв опекуна, сделал передачу в центр, и подбежавший Буряк головой чуть было не забил мяч. Вратарь Геци едва успел коснуться пальцами мяча, парировав его на угловой. С подачи Буряка мяч попал к Трошкину, который завершил комбинацию сильнейшим ударом. Геци отбил мяч, и тут же последовал еще один удар Буряка.

Я заметил, как занервничал капитан «Ференцвароша», опытнейший вратарь Иштван Геци. Мощный, высокий, он напоминал борца. Кому-кому, а ему хорошо было видно, как легко и быстро мы создали серьезную угрозу для его ворот: за какие-то две минуты сразу три прицельных удара по воротам. На семнадцатой минуте мяч попал ко мне, я отдал его под удар Онищенко, и мой партнер по нападению блестяще реализовал голевую ситуацию. 1:0! В этом матче Володя вообще был весь порыв, риск, отчаянная смелость. Красивым был и второй его гол: Онищенко с правого фланга пробил с левой ноги, не входя в штрафную площадку, и мяч пулей влетел в «девятку». На перерыв мы ушли при счете 2:0, и я уловил настроение трибун: они болели за нас.

Второй тайм начался с попытки соперников переломить ход событий. Теперь им терять было нечего, и они попытались резко обострить обстановку. Надо отдать должное нашим игрокам обороны. Так уж получилось, что все внимание спортивные журналисты в этом матче уделяли форвардам: основные события происходили у ворот наших соперников. А ведь как четко, хладнокровно, организованно и, что, пожалуй, самое важное, с полной отдачей сил, самоотверженно играли Матвиенко, Фоменко, Решко! Как удачно вписался в наш игровой ансамбль Коньков, как прибавил в игре Трошкин! Право, с таким надежным щитом и впереди мы чувствовали себя увереннее.

Футболистам «Ференцвароша» не удалось изменить ход игры. Мы по-прежнему чередовали спокойный розыгрыш мяча взрывами и вспышками атак. Коньков, Онищенко, Колотов, Мунтян, Буряк почти постоянно били по воротам. Но мяч пролетал рядом то со штангой, – то чуть выше перекладины, то оказывался в руках у Геци. Наконец, на шестьдесят шестой минуте мне удалось забить третий гол. 3:0. Победа!

После награждения президент УЕФА Артемио Франки в интервью¹ сказал: «Советский клуб обладает подлинно высшим международным классом. Давно я не видел финалов, где бы одна из команд столь убедительно доказывала свое превосходство над другой».

Впрочем, наша легкость, которую превозносили в своих отчетах обозреватели, была чисто внешней. Ее видели с трибун зрители и телезрители. Но если бы кто-нибудь из них попал к нам в раздевалку сразу после того, как мы с Кубком в руках завершили круг почета, он бы

поразила. Он почувствовал бы, сколько сил отдано победе! Пересохшие губы, пот градом струится по лицам, слипшиеся волосы, мокрые футболки... Парни, которые несколько минут назад своей легкостью и изяществом в обращении с мячом, молниеносными атаками покоряли трибуны, неподвижно сидели в креслах и, казалось, не могли оторвать ноги от пола.

В эти минуты и стрельнул залп шампанского! И откуда только оно появилось в нашей раздевалке? Значит, все-таки твердо верили в победу, раз им заранее запаслись! Кубок переходил из рук в руки. А на его подставке каждый мог прочесть названия клубов, завоевывавших раньше этот приз: «Фиорентина», «Тоттенхэм», «Боруссия», «Милан», «Глазго Рейнджерс», «Магдебург».

В раздевалку набилось много репортеров. Неподалеку от меня сидел Онищенко. Один из журналистов подошел к нему:

– Володя, что вы чувствовали, когда забили свой первый гол?

– А это ему спасибо, – Онищенко кивнул в мою сторону. – Олег выдал мне такой пас, что и защитников отсек, и мяч уложил мне прямо под ногу, лучше не придумаешь.

– Почему вы каждый из своих семи мячей в Кубке кубков забивали в первом тайме?

– Неужели?! – Онищенко заулыбался. – А я, честно говоря, даже не заметил этого. Но разве это важно? Главное, что были голы.

Европейская пресса воздавала должное нашей! победе:

«Советская команда в Базеле показала слаженный футбол, демонстрируя атлетическое превосходство над соперником, безупречно контролируя мяч. Словом, мы увидели-спектакль настоящего футбола» («Экип», Франция).

«Динамо» зарекомендовала себя командой оригинальной, опровергающей шаблонное представление об упрощенном, механическом стиле игры. Этот матч – лучшая реклама футбола. Игра киевлян была насыщена мыслью, мастерством, вдохновением» («Гадзетта делла спорт», Италия).

Конечно, нам и нашим тренерам было приятно читать подобные строки, как бы опровергающие статьи журналистов семи-восьмимесячной давности. Впрочем, после возвращения команды из Базеля тон наших обозревателей резко изменился. В «Советском спорте», например, мы прочли:

«Впервые выиграв для Нашей страны Кубок обладателей кубков, киевские динамовцы сделали гораздо больше – подняли репутацию советского клубного футбола на международной арене, продемонстрировали лучшие его качества, вписав еще одну яркую страницу в историю советского спортивного движения».

По игре и честь

Мне вспоминается яркий солнечный день. Перед матчем с ЦСКА на Республиканском стадионе в Киеве председатель Спорткомитета УССР М. М. Бака и заместитель начальника Управления футбола Спорткомитета СССР заслуженный мастер спорта Н. П. Симонян вручали динамовцам значки и удостоверения заслуженных мастеров спорта. Тренерам Базилевичу и Лобановскому вручили значки и удостоверения заслуженных тренеров СССР.

Союз старших тренеров-единомышленников в киевском «Динамо» так и не был принят в спортивных кругах. Хотя все обязанности по руководству клубом Базилевич и Лобановский делили поровну, телекомментаторы, журналисты, составители футбольных программ и справочников упорно продолжали называть Лобановского старшим тренером, а Базилевича начальником команды. Если же Базилевич тоже упоминался в печати как старший тренер, то с обязательной оговоркой – по воспитательной работе.

Лишь после победы «Динамо» в Кубке обладателей кубков равноправный союз тренеров был принят официально. В Указе Президиума Верховного Совета Украинской ССР от 30 мая 1975 года, опубликованном в республиканской прессе, значилось:

«За заслуги в развитии отечественного футбола, завоевание Кубка обладателей кубков европейских стран наградить: Почетной грамотой Президиума Верховного Совета Украинской ССР Базилевича Олега Петровича – старшего тренера, Лобановского Валерия Васильевича – старшего тренера...»

В тот радостный для клуба день на установке перед игрой с ЦСКА тренеры с удовольствием подчеркнули, что теперь на поле выйдет коллектив заслуженных мастеров спорта.

– Не заслуженные мастера, – повторил Лобановский, – а коллектив заслуженных...

Динамоцы уверенно выиграли матч, забив в ворота армейцев три «сухих» гола.

Футбольную команду ЦСКА в то время возглавлял крупнейший советский тренер по хоккею Анатолий Тарасов. После матча журналисты задали Тарасову много вопросов. В частности, они спросили, кого он мог бы, выделить из киевских игроков. Тарасов подумал и сказал, что этой просьбы он выполнить не может по той причине, что «Динамо» – это коллектив и сила команды – в коллективизме.

– Сегодняшнее «Динамо», – говорил Тарасов, – это наш хоккейный ЦСКА. Киевляне импонируют мне своей беззаветной преданностью футболу, исполнительским мастерством. Каждый игрок в отдельности великолепен, а все вместе – выдающаяся команда!

После того как под руководством Лобановского и Базилевича «Динамо» добилось европейского признания, мне часто доводилось слышать примерно такие рассуждения: «Но, позвольте, заслуги Лобановского и Базилевича не так велики. Они пришли в хорошо укомплектованную команду, сильную, опытную!» Верно. Более того, А. А. Севидов, на мой взгляд, оставил своим молодым преемникам команду монолитную, перспективную, недаром ведь состав «Динамо» больше чем на три четверти остался прежним. Но тренерский союз Базилевича и Лобановского оказался плодотворным, творческим. Они внесли много нового в жизнь команды. Я сейчас говорю даже не о прекрасном медико-биологическом обслуживании команды, о котором в свое время много писали. Более важным мне кажется то, что тренеры воспитали у футболистов особое отношение к подготовке, высокую личную ответственность каждого за общее дело команды.

И было бы просто несправедливо, если бы к коллективу не пришел успех. «Динамо» в седьмой раз в истории своего клуба стало чемпионом Советского Союза. К золотым наградам 37-го чемпионата страны команда прибавила и половину из всех разыгрываемых призов большого футбола. Но дело ведь не только в медалях, кубках, набранных очках или забитых голах. Ведь кроме самого результата в спортивной поединке есть и другая радость. В футболе, например, – эстетическое наслаждение игрой. Киевские футболисты в те годы доставляли радость зрителям и себе. Болельщики из разных уголков страны засыпали команду теплыми письмами и телеграммами. Единодушной на этот раз в своих оценках была и пресса:

«Поздравляя футболистов киевского „Динамо“, их тренеров В. Лобановского и О. Базилевича, необходимо отметить, что сезон был для них трудным. Однако нынешние лидеры советского футбола не только завоевали золотые медали первенства страны, но и успешно выступали, на международной арене, в том числе и, в составе сборной СССР» («Правда»).

«Их преимущество в нынешнем турнире было настолько очевидным, что подчас в турнирной таблице они опережали ближайших преследователей на 9 очков! И все-таки каждый матч с участием киевлян был центральным, так как футбол, в который они играли, был всегда экстра класса» («Известия»).

«В игре киевлян много фантазии. Футбол в их исполнении – это зрелище. Они вернули на поле артистизм» («Комсомольская правда»).

Надо сказать, что киевское «Динамо» своей игрой доставляло удовольствие не только болельщикам и себе, но и специалистам, давно познавшим истинную цену футболу.

...После матча «Динамо» с ЦСКА на базе в Конче-Заспе был устроен небольшой официальный прием по случаю победы в Кубке кубков. Приглашены на него были и журналисты. В конце торжества в серебряный красавец – Кубок налили шампанское, и он пошел по кругу. Перед тем как пригубить его, каждый произносил тост, делился сокровенными мыслями. Мне запомнились слова Никиты Павловича Симоняна:

– Зрители пришли сегодня на стадион в надежде увидеть хороший футбол, голы. И увидели их! Все мы были свидетелями блистательной победы динамовцев, их великолепной игры. Приятно, что они не копируют стиль именитых заморских клубов, а возрождают лучшие традиции отечественного футбола и идут в своих поисках дальше. Держать такой Кубок в руках – это великое счастье для футболиста. Я навсегда запомню этот день и вас

призываю запомнить его. Мой тост: за величие победы «Динамо»!

Вдумайтесь в смысл этих слов. Футболисты киевского «Динамо» порадовали Никиту Симоняна! Человека, достигшего в футболе, кажется, всего, о чем только можно мечтать, – заслуженного мастера спорта и заслуженного тренера СССР, неоднократного чемпиона и обладателя Кубка Советского Союза, лучшего бомбардира, рекорд которого – 34 мяча в одном сезоне! – никем пока не был превзойден, наконец, чемпиона Олимпийских игр.

ГЛАВА 12. В ЕВРОПЕ РАВНЫХ НЕТ

Суперкубок

В начале августа 1975 года стало известно, что руководство УЕФА приняло решение провести матчи между обладателем Кубка чемпионов – мюнхенской «Баварией» и победителем розыгрыша Кубка кубков – киевским «Динамо». Эти матчи стали вехой в истории моего клуба и в моей футбольной биографии. Но дело тут не в престижности розыгрыша Суперкубка. Популярность этих соревнований весьма относительна.

Идея розыгрыша Суперкубка принадлежит журналистам. В 1973 году амстердамская газета «Телеграф» организовала два матча между обладателем Кубка чемпионов – голландским клубом «Аяксом» и владельцем Кубка кубков – шотландским «Рейнджерсом». «Аякс» дважды обыграл соперников (3:1 и 3:2), но руководство Европейского союза футбольных ассоциаций и слышать не желало ни о каком Суперкубке, поскольку спор за него проходил с участием «Рейнджерса», который в то время отбывал наказание. За хулиганское поведение своих болельщиков, фактически сорвавших финальный матч на Кубок кубков с динамовцами Москвы в Барселоне, команда «Рейнджерс» была на год дисквалифицирована в официальных турнирах УЕФА.

В 1974 году розыгрыш Суперкубка проходил уже под эгидой УЕФА. За звание сильнейшего клуба Европы на этот раз вели спор «Аякс» и итальянский «Милан». В Италии голландцы проиграли (0:1), но у себя дома они буквально разгромили обладателей Кубка кубков – 6:0! За эту победу «Аякс» и был награжден массивной, почти метровой высоты чашей из серебра и золота. Вот уж действительно Суперкубок! Его-то осенью 1975 года и передал президент амстердамского клуба «Аякс» Яаан ван Прааг для вручения победителю фактически третьего, а по счету УЕФА второго турнира на Суперкубок.

Почему спор, за Суперкубок я считаю важной вехой в истории киевского «Динамо»? Все дело в том, что нашим соперником в этом турнире была мюнхенская «Бавария»! Из десяти сезонов, проведенных в бундеслиге, эта команда четыре раза становилась чемпионом страны, два раза – вторым призером, один раз – третьим, трижды выигрывала Кубок ФРГ. В сезонах 1966–1967 годов баварцы завоевали Кубок кубков, а серебряная чаша Кубка европейских чемпионов хранилась в клубе «Бавария» два сезона подряд! Добавим к этому, что в составе клуба играли футболисты, которые выигрели труднейший финал X чемпионата мира. Именно они на Олимпийском стадионе в Мюнхене подняли над головой золотой Кубок ФИФА на глазах у полутора миллиардов телезрителей в разных уголках планеты.

А что в активе «Динамо»? Золотые медали чемпионов страны и Кубок СССР. В те годы советский футбол невысоко котировался на континенте. «Франс-футбол», например, в своей таблице о рангах отвел нашей сборной лишь 24-е место в Европе. И даже выигрыш Кубка кубков не мог резко повысить престиж советских футболистов. В спорте для завоевания солидного авторитета победителям надлежит утвердить себя.

– Олег, в последние годы в быт людей прочно входит стерео-стереокино, стереомузыка, стереофото... Что если самые значительные для киевского «Динамо» и лично для вас матчи с мюнхенской «Баварией» на Суперкубок мы тоже постараемся отобразить в стиле «стерео» – в нескольких плоскостях, чтобы читатели получили по возможности объемное представление о волнующих футбольных событиях осенью 1975 года?

– Это будет интересно и для меня самого. Ведь когда находишься на поле, в гуще

событий, все воспринимаешь не так, как, скажем, с трибуны стадиона или по телевизору.

– Тогда начнем с самого начала. 9 сентября болельщики напрасно изучали радио – и телепрограммы: репортажи с Олимпийского стадиона в Мюнхене о матче между «Баварией» и «Динамо» в них не значились. И только около полуночи по московскому времени в «Последних известиях» болельщики дождались короткого сообщения: «В первом матче на Суперкубок киевское „Динамо“ со счетом 1:0 победило мюнхенскую „Баварию“. На 67-й минуте гол забил Олег Блохин».

На первый матч с «Баварией» мы улетали из Киева отнюдь не в приподнятом настроении. Накануне матча на Олимпийском стадионе в Мюнхене, выражаясь языком шахматистов, с нашей доски были сняты главные фигуры почти во всех линиях: Онищенко, Матвиенко и Мунтян не могли играть из-за травм, Веремеев отбывал дисквалификацию; за матч с голландским клубом ПСВ «Эйндховен».

Мюнхен встретил нас доброжелательно. Телевидение, фотокорреспонденты, журналисты – одним словом, обычная суета, предшествующая большим футбольным событиям.

Участниками этого действия стали: с одной стороны – Майер, Хорсманн, Дюрнбергер (на 46-й минуте его сменил Рот), Шварценбек, Беккенбауэр, Вайс, Вундер, Цобель, Мюллер, Румменинге, Каппельман, с другой стороны – Рудаков, Коньков, Зуев, Фоменко, Решко, Трошкин, Дамин, Слободян, Колотов, Буряк, Блохин.

Почти все девяносто минут на поле шла упорнейшая позиционная борьба. Хозяева поля были, пожалуй, чуть более инициативны – они чаще владели мячом, чем мы, но все же не смогли создать реальной угрозы воротам Рудакова. А ведь в «Баварии» играл всемирно известный бомбардир Герд Мюллер!

Но Мюллеру в том матче не повезло: его опеку наши тренеры поручили Стефану Решко. Мне всегда нравилась манера игры этого футболиста. Кажется, ни в одном матче я не видел Решко растерянным. Он умел отдаваться игре до конца! Так что если в Мюнхене мы и не знали особых хлопот с Мюллером, то в этом полностью была заслуга Решко.

Был в Мюнхене эпизод, который поистине можно назвать героическим. Почему-то мне нигде не приходилось читать о нем. Наш капитан Виктор Колотов получил тяжелую травму. В обычных условиях врачи увезли бы Виктора с поля в больницу, даже не спрашивая на то его согласия. Но напомним, что в матче с «Баварией» не играли Онищенко, Матвиенко, Мунтян, Веремеев. На поле вместо них вышли молодые ребята, для которых матч был очень трудным. В ту минуту команде нужен был капитан.

– Замораживайте и – тугую повязку! – скомандовал Виктор доктору, который испуганными глазами осматривал его рану.

Когда капитан вернулся на поле, ребята даже бодрее заиграли.

В первой же нашей контратаке я почувствовал силу обороны мюнхенцев. Защита «Баварии», отличалась мобильностью, гибкостью. Моим персональным сторожем оказался чемпион мира Шварценбек. А если к этому добавить, что роль свободного страхующего защитника выполнял еще один чемпион – Беккенбауэр, то станет ясно, насколько сложно прорвать эту оборону.

В перерыве ко мне подошел Володя Онищенко, наблюдавший за ходом игры с трибуны.

– Олег, рискни, – горячо заговорил он. – Возьми на себя! Чем черт не шутит? А вдруг?

Второй тайм. И снова позиционная борьба. Чувствовалось, что хозяева поля накапливают силы для решительного штурма наших ворот. И тут, на 67-й минуте, во время нашей контратаки мне посчастливилось забить гол.

Позвольте, но ведь это был очень важный момент в первом матче...

– Но об этом уже много писали. К примеру, он был подробно описан в еженедельнике «Футбол-Хоккей».

По счастью, тот номер «Футбола -Хоккея» сохранился и у Олега, и у меня. Вот что там написано:

«В середине второго тайма, когда киевляне отбили очередную массированную атаку хозяев поля, мяч был послан на левый фланг лучшему бомбардиру команды Олегу Блохину. Он принял мяч еще до центральной линии поля, кинул его вперед и, сопровождаемый защитником соперника, ринулся по флангу. Не доходя до угла штрафной площадки, Блохин осмотрелся в

поисках партнеров. Но они еще не успели выйти из обороны, и на половине поля „Баварии“ Блохин не нашел никого из динамовцев. В этот момент, кроме вратаря Майера, было еще пять игроков обороны хозяев. Безвыходная, кажется, для форварда ситуация! Но Блохин доказал, что для мастера не существует ситуаций безвыходных. Сместившись чуть к центру, он смело вступил в борьбу... Обыграл сначала двух защитников, затем тут же третьего и, пока не успел вступить в борьбу четвертый защитник, форвард с ходу, без раздумий нанес редкий по точности удар в дальний от голкипера угол. Этот великолепный гол оказался решающим и принес киевскому „Динамо“ победу над двукратным обладателем Кубка европейских чемпионов... Гол Блохина по всем показателям был... „суперголом“, украсившим матч высшей категории трудности».

– Так оно и было: «...без раздумий нанес редкий по точности удар»? – поинтересовался я.

– Приблизительно так. Я, когда добежал до угла штрафной, увидел, что Давать пас некому. Леня Буряк только-только переходил среднюю линию. Я даже от досады руками развел. И в этот момент всплыли слова Володьки Онищенко: «Олег, рискни! Возьми на себя, чем черт не шутит...»

Поражение «Баварии» стало сенсацией. Редактор западногерманского журнала «Киккер» Карл-Хайнц Хайманн, с которым за два года до этих волнующих событий я познакомился в ложе прессы киевского стадиона, накануне второго матча на Суперкубок рассказывал:

– Для нас победа «Динамо» в Мюнхене была как гром в ясный день. Ну кто мог подумать, что советский клуб так выстрелит! Ведь ваш футбол в последние годы прямо зачах, и вдруг – такое «Динамо»? В сентябре я отдыхал и не видел первого матча, но наборщик моей типографии говорил, что это лучшая советская команда из всех, побывавших в ФРГ, а гол, забитый Блохиным, самый красивый из тех, которые он видел за свой сорокалетний стаж футбольного болельщика...

Легко понять, с каким настроением прилетели баварцы в Киев на ответный матч и что означала для них эта встреча на Республиканском стадионе 6 октября. Надо ли говорить, как тщательно готовились обладатели Кубка чемпионов ко второму матчу с динамовцами?

Советские журналисты встречали «Баварию» в аэропорту «Борисполь». Футболисты из ФРГ улыбались, охотно давали интервью. Шумно радовались, когда увидели среди встречающих Льва Яшина. Франц Беккенбауэр, отвечая на один из вопросов, на минуту посерьезнел:

– Думаю, наша задача – не проиграть здесь, в Киеве, с крупным счетом. «Динамо» – хорошая команда.

Тренер «Баварии» Дитмар Крамер отвечал на вопросы по деловому четко:

– Да, задача у нас трудная. Но без надежды не стоило садиться в самолет. Сожалею только, что с нами нет Мюллера, Хенеса и Андерсена. Они поправляются после операций. Состав на игру? Никогда не делаю из этого секрета: Майер, Хорсманин, Дюрнбергер, Шварценбек, Беккенбауэр, Рот, Вундер, Шустер, Вайс, Румменигге, Каппельман.

У вратаря «Баварии» и сборной ФРГ Зеппа Майера свой особый разговор с Львом Яшиным.

– Скажите, – спрашивает Майер, – сколько вам было лет, когда вы стояли в воротах сборной ФИФА?

– Сорок.

– Слышишь, Зепп, – кричит ему Крамер, – ты можешь играть еще целых девять лет!

– А как вам нравится Олег Блохин? – спрашивают у Майера.

– Лучшие бы он играл в нашей команде...

Выгружают багаж «Баварии». Огромные кованные чемоданы с бутсами, футболками, мячами... Среди них метровая картонная коробка с надписью «Не кантовать».

– Между прочим, в этой коробке Суперкубок, – говорит Крамер. – Пока, как видите, он у нас. Что будет завтра, не знаку...

– Суперкубок? – сдвигает брови президент УЕФА Артемио Франки, прилетевший чуть позже рейсом из Вены. – Если говорить официально, то его нет. Но я не возражаю, если приз,

пожертвованный частными лицами, будет вручен победителям. Я же вручу им медали УЕФА. Впрочем, не исключена возможность, что придется ограничиться, просто рукопожатиями. Чемодан с медалями застрял где-то в Вене при пересадке.

Прямо с аэродрома, даже не заглянув в предоставленные им аппартаменты, футболисты «Баварии» отправились на Республиканский стадион. И были приятно удивлены, увидев на трибунах тысячи болельщиков. Многие из них, так и не сумев достать билеты на матч, решили посмотреть хотя бы тренировку баварцев.

У нас тоже царил деловая обстановка. Тренеры остались верны своему принципу во всем следовать строгой, заранее продуманной программе. В пятницу, за три дня до матча, мы уехали на свою базу в Кончу-Заспу и... вздохнули наконец с облегчением: теперь-то нам не придется заниматься проблемой доставания билетов для друзей и знакомых. Телефон на базе тренеры отключили.

– Хотите снять излишнее напряжение? – спросили у Базилевича.

– Нет, – ответил он. – Мы вовсе не пытаемся его снимать. Психологический фон команды должен соответствовать уровню предстоящего матча. Напряжение пусть будет. А вот излишнего ажиотажа футболисты чувствовать не должны.

Интерес к поединку действительно превзошел все ожидания. Уже за три недели до матча, согласно официальным заявкам, цифра желающих попасть на стадион достигла полумиллиона. За день до матча в Киев приехали несколько тысяч болельщиков из ФРГ.

«Динамо» начали игру в таком составе: Рудаков, Коньков, Зуев, Фоменко, Решко, Трошкин, Мунтян, Онищенко, Буряк, Веремеев, Блохин.

Казалось, поначалу команды избрали одинаковую тактику: главное внимание – защите ворот, контрвыпады малыми силами в расчете на успех быстрых форвардов. Особенно плотно гости опекали Блохина и Онищенко, стремясь лишить их свободы маневра. И если возникали критические ситуации, защитники баварцев действовали не всегда изобретательно, порой даже сбивали наших форвардов с ног. Впрочем, Блохин кажется, не знал страха. Получив мяч, он уверенно шел вперед, оставляя за спиной одного защитника, другого – будь то знаменитый Шварценбек, который персонально опекал Блохина, или легендарный Беккенбауэр. С середины первого тайма преимущество киевлян стало очевидным.

Наконец, минут за пять до перерыва Блохин получил длинную передачу из глубины обороны, рывком ушел от Шварценбека и послал мяч в сетку мимо метнувшегося навстречу голкипера Майера. 1:0! Тут же последовал удар Онищенко в правый нижний угол, и Майер с трудом отбил мяч на угловой.

...На 53-й минуте Блохин рвется к воротам в одиночку, хотя перед ним щит из пяти защитников. Им удается остановить нашего форварда, только сбив его с ног. Баварцы выстраивают «стенку» в штрафной площадке, но она оказывается дырявой – Блохин со штрафного удара забивает второй гол».

– Олег, все это фрагменты из репортажа, который мы с журналистом М. Блатиным в тот день передали в «Комсомольскую правду». А как вы видели эти события на поле? Наверное, не совсем так?

Штрафной приготовился бить Мунтян. Он, как известно, был большим специалистом по части точных пушечных ударов издали. Но в этот момент словно бы что-то осенило. То ли я каким-то шестым чувством ощутил, что забью, то ли горел желанием просто пробить по воротам. Только я подбежал к Володе, который уже приготовился для удара, и попросил: «Дай пробью!» Мунтян даже оторопел, но отодвинулся, говорит: «Бей»... «Стенка», которой руководил сам Майер, была выстроена по всем правилам. Я разбежался и сильно пробил. В тот миг мне показалось, что мяч, обогнув «стенку» по дуге, влетел в ворота. Я говорил, что одни и те же моменты на поле и с трибуны видишь по-разному. Так вот, потом, просмотрев видеозапись, а с годами – и фильм об этом матче, я убедился, что после моего удара мяч пролетел сквозь щель в «стенке»: не выдержал напряжения кто-то из защитников «Баварии» и в момент моего удара отвернулся! Так что в репортаже все верно: «стенка» «Баварии» оказалась дырявой...

Поняв, что дела плохи, баварцы провели несколько ответных атак, но все они разбились о стойкую защиту киевлян.

Финальный свисток зафиксировал победу динамовцев – 2:0! «Мо-лод-цы!» – скандирует стадион.

Корреспондент боннской газеты «Экспресс» прямо из ложи прессы диктует в свою редакцию концовку отчета:

«Временами создавалось впечатление, что киевляне играют с баварцами в кошки-мышки. Героем дня был Олег Блохин. Суперзвезда!»

Матч окончен. Но мощные прожекторы все еще льют свой свет на поле. Вокруг стадиона пусто: 100 тысяч зрителей остаются на своих местах. Футболисты киевского «Динамо» и мюнхенской «Баварии» выстраиваются на беговой дорожке стадиона. Баварцам холодно, они переминаются с ноги на ногу, то и дело поглядывают на темный тоннель стадиона: поскорее бы уйти в раздевалку. Динамовцы возбуждены, крутятся волчком и поднимают вверх руки, отвечая на несущийся с четырех сторон приветственный гул стадиона. Наконец наступает долгожданный, торжественный миг – вручение Суперкубка. Но тут оказывается, что президент УЕФА синьор Франки физически не в состоянии передать из рук в руки эту массивную чашу из золота и серебра, которая все 90 минут стояла на столике, покрытом бархатной скатертью. Короткое замешательство – и синьор Франки находит выход из положения: он жестом подзывает футболистов к столу. Фоменко и Коньков берут приз за ручки, ощутив приличную тяжесть. Все-таки Суперкубок!

А медали УЕФА в этот день не были вручены, поскольку чемодан синьора Франки действительно застрял где-то между Веной и Киевом...

Баварцы убегают в раздевалку, а динамовцы совершают с Кубком круг почета. Но вот почетный круг совершен. Команда с Кубком уходит в раздевалку. Болельщики нехотя покидают стадион.

Наконец футболисты в раздевалке. Они плюхаются в низкие кресла, стаскивают футболки и вытирают ими пот с лиц. Им трудно говорить: сбито дыхание. Обмениваются односложными репликами. Видимо, это не самое лучшее время для интервью. Чтобы не утомлять футболистов, я ограничиваюсь одним вопросом: какой эпизод из 90 минут игры вспоминается им сразу, без раздумий?

Евгений Рудаков: «Когда несли Кубок. А что было до того, просто не помню».

Анатолий Коньков: «Первый гол. Радость ребят».

Стефан Решко: «Когда забили второй гол. Стало легко».

Владимир Трошкин: «В первом тайме чисто проходил справа, а меня рукой остановили. Обидно».

Владимир Мунтян: «Корректность матча. С такой командой приятно играть».

Владимир Онищенко: «Досадно, что гол не забил в самом начале. Олег отлично прострелил, а я не сумел замкнуть передачу».

Леонид Буряк: «После первого гола я понял, что мы выиграем. Приятно, что наши ребята обыгрывают таких асов, как Беккенбауэр, Шварценбек».

Владимир Веремеев: «Лица ребят после матча».

За Олега Блохина все сказали два мяча, забитые им. Сам он после игры в раздевалке не мог говорить. Это не газетный штамп, это факт. Олег слишком устал.

Виктор Колотов (из-за травмы он был среди зрителей): «Для меня это самый тяжелый матч. Какие эпизоды запомнились? Вся игра запомнилась тем, что в каждом эпизоде наши ребята были сильнее футболистов „Баварии“».

В зале, где проходила пресс-конференция, как и на стадионе, светили прожекторы, но только поменьше – для кинохроники. Их лучи были направлены на тренеров киевского «Динамо» В. Лобановского и О. Базилевича, тренера «Баварии» Д. Крамера и президента УЕФА А. Франки. Первым взял микрофон Дитмар Крамер:

– Я поздравляю наших соперников. Киевское «Динамо» сегодня доказало, что это лучшая команда Европы.

– Кто в «Динамо» вам понравился больше всех?

– Блохин. Мы бы глубоко запустили руку в карман, чтобы приобрести такого игрока, как Олег.

– Он понравился вам своими голами?

– Если бы он ушел с поля, не забив мяча, я бы все равно назвал его лучшим.

– Почему Блохина опять опекал Шварценбек, который и в первом матче уступал ему в скорости, проигрывал единоборства?

– Потому что в моей команде нет защитника лучше Шварценбека. Его должен был страховать Беккенбауэр, но и тот не поспевал за Блохиным.

Потом на вопросы журналистов отвечали Валерий Лобановский и Олег Базилевич:

– Как оцениваете матч?

– «Бавария» – грозный соперник, – сказал Лобановский, – и, несмотря на поражение, команда остается одной из лучших в Европе. Мы согласны с Крамером в том, что киевский матч был интереснее мюнхенского.

Олег Базилевич:

– Мне трудно оценивать действия наших игроков, а вот баварцы на протяжении двух таймов демонстрировали высокую мобильность, взаимопонимание. Нам приятно, что тренер «Баварии» очень высоко оценил игру Блохина, хотя мне кажется, что он чуть-чуть пристрастен. Как бы ни был талантлив футболист, он все же мало чего добьется, если не будет хорошо играть вся команда.

– Есть ли у вас претензии к игрокам? Лобановский:

– Они всегда есть – и в случае победы, и в случае поражения. Сегодня претензий очень мало.

Наконец, слово предоставили президенту УЕФА Артемио Франки:

– Сегодняшний матч – лучшая реклама футбола. Победа досталась действительно сильнейшей команде, и Кубок вручен ей по праву.

...Поздно вечером 6 октября 1975 года я возвращался со стадиона вместе с московским коллегой Михаилом Блатиным. В автобусе болельщики продолжали обсуждать эпизоды закончившегося матча. На одном из кресел сидело трое мальчишек с футбольными программами в руках. Мы заметили, что на программах – автографы футболистов киевского «Динамо»: Владимира Веремеева, Олега Блохина, Евгения Рудакова. И поняли, что победа киевского «Динамо» над знаменитой «Баварией» важна не только для сегодняшнего дня команды, всего советского футбола. Она найдет свое продолжение и в будущем.

«ЗОЛОТОЙ МЯЧ»

Известие о том, что я победил в традиционном конкурсе французского еженедельника «Франс-футбол», пришло ко мне в канун 1976 года довольно неожиданно. В тот вечер я принимал участие в предновогодней телевизионной передаче. И вот ведущий, вероятно, решив сделать сюрприз и телезрителям, и мне, вдруг сообщил о телефонном разговоре с Парижем: «По результатам традиционного опроса еженедельника «Франс футбол» Олег Блохин назван лучшим футболистом Европы, и ему будет вручен «Золотой мяч»!

Я, естественно, разволновался. В первую секунду даже не поверил столь ошеломляющей новости.

Это был двадцатый референдум «Франс-футбола». В предыдущих конкурсах побеждали такие мастера европейского футбола, как Мэтьюз, ди Стефано, Суарес, Лев Яшин, Эйсебио, Бест, Чарльтон. Сразу подумал: «Неужели я? Ведь в Европе играет мой кумир Круифф, который уже трижды владел «Золотым мячом»! Играют Мюллер и Беккенбауэр».

После матча в Мюнхене тренер «Баварии» Крамер сказал: «Когда „заговорил“ Блохин, вся наша оборона смолкла...» А французская спортивная газета «Экип» опубликовала снимок: Блохин в окружении юных парижских болельщиков раздает автографы. Под снимком надпись: «Буквально за несколько месяцев этот игрок совершил головокружительное восхождение в элиту европейского футбола».

В те дни газеты публиковали множество материалов о Блохине, помещали целые подборки откликов виднейших зарубежных мастеров футбола и спортивных обозревателей. Их авторы не скупилась на похвалы.

За два дня до Нового года в газете «Советский спорт» было опубликовано интервью с главным редактором «Франс-футбола». Жан Ферран сказал: «В нашей анкете на сей раз

принимали участие все специальные футбольные издания Европы. Тем поразительнее то единодушие, с которым они называли лучшим футболистом континента советского форварда Олега Блохина. Что я могу сказать о новом премьерере европейского футбола? Уже одно то, что он опередил таких асов, а в первую пятерку кроме Блохина вошли Беккенбауэр (ФРГ), Круифф (Нидерланды), Фогте и Майер (оба ФРГ), говорит само за себя.

Много поздравлений приходило и Олегу домой. Прислал свою фотографию легендарный советский вратарь Лев Яшин, обладатель «Золотого мяча» 1963 года. На обороте фотографии – подпись: «Олегу Блохину. Футбол – это жизнь...»

Когда тебе только двадцать три года, испытание славой не так-то просто выдержать. А к Блохину пришла популярность европейская! Вскружи она ему голову, и как футболист он мог бы кончиться. Вероятно, опасаясь этого, тренеры были сдержанны, поздравляя молодого форварда с присуждением ему «Золотого мяча».

Как-то на одной из январских тренировок «Динамо» я сказал в беседе со старшими тренерами:

– Вот видите, у вас в команде не принято кого-либо выделять, а «Золотой мяч» будет вручен все же Блохину!

– «Золотой мяч» вручаем не мы, – ответил Базилевич. – Индивидуальные призы в командных играх помогают прославиться игроку, но иногда затрудняют ситуацию в команде. Это, так сказать, поощрения журналистские, а мы, тренеры, признаем лишь спортивные факты – чемпионаты, турниры, одним словом, соревнования, где победы добивается вся команда.

– Верно, – поддержал коллегу Лобановский, – правда, в данном случае мы спокойны. Ведь в первом же интервью Блохин в столь счастливую для него минуту прежде всего сказал: «Спасибо команде!» Олег спортсмен-коллективист. И награждение «Золотым мячом» не сделает из него индивидуалиста.

Впрочем, дело ведь не в словах, а в поступках. Человеку известному, тому, кто постоянно на виду, необходимо найти такой стиль поведения, который, защищая от чрезмерного внимания окружающих, не мешал бы оставаться самим собой. Высокомерие, упоение собственными успехами, жадный интерес к мнению окружающих – все это отвлекало бы Олега, лишало бы его необходимого равновесия. И он интуитивно нащупал верный стиль, верный тон во всем.

Кроме того, Блохин играл в первой команде, где каждый мог считать себя лидером, ибо почти каждый был игроком выдающимся и вклад каждого в славные победы сезона-75 был значителен. Олег, хорошо это понимая, неизменно подчеркивал заслуги всей своей команды, всего коллектива.

И после того как Блохин был признан лучшим футболистом Европы, главным для него оставался не он в футболе, а футбол в нем! Он страстно желал играть и принести своей любимой команде и сборной страны еще больше пользы...

ГЛАВА 13. СПАД

Вдали от дома

Мы еще не успели успокоиться после замечательного во всех отношениях сезона-75, как началась подготовка к сезону 1976 года. Мы рано приступили к делу и в январе провели сборы в Болгарии, в районе среднегорья. Затем, во время турне по Франции, Югославии и ФРГ сыграли несколько товарищеских матчей. Команда выступала то в алых футболках сборной Советского Союза, то в белых майках киевского «Динамо». Перед сборной страны была поставлена задача – завоевать золотые медали на XXI Олимпийских играх в Монреале. К ним-то мы и готовились. Но в том печальном для нас сезоне кроме Олимпийских игр были и другие соревнования, в которых команда участвовала. Все, что только можно было, мы проиграли. Почему? Ведь честь клуба и сборной защищали те же люди, которые выиграли все,

что только можно было выиграть, в прошлом сезоне. В нас верили. Команда приучила болельщиков к победам.

Впрочем, мы и сами были настроены весьма оптимистично. Вспоминаю, как на одной из январских тренировок чуть ли не каждый наш шаг сопровождался вспышками блицев. Во время пауз между сериями упражнений журналисты то и дело засыпали футболистов вопросами. По ответам можно было судить и о настроении, с которым команда встречала новый сезон.

– Назовите тройку призеров чемпионата Европы 1976 года? Веремеев:..

– ФРГ, Голландия, СССР. В каком порядке – пока не знаю.

У меня на этот счет было иное мнение:

– Голландия, Польша, СССР и, может быть, ФРГ.

– Хватит ли у вас сил, чтобы завоевать Кубок европейских чемпионов?

Рудаков:

– Сил хватит, было бы "спортивное счастье.

– Думает ли Рудаков оставить футбол?

– Я только что сменил свой вратарский свитер на новый, – ответил наш замечательный голкипер. – Тоже оранжевый. И буду стоять, пока он не сотрется до дыр. А потом я его сменю.

– Кого бы вы пригласили в сборную мира-76? Мунтян:

– Половину состава киевского «Динамо».

– Кто из защитников опасен для Блохина?

– Нет такого защитника, которого нельзя обойти, – ответил я. – Так же, как нет нападающего, у которого невозможно отобрать мяч. Честно отобрать, без грубости. Я считаю, что грубость идет от невысокого класса защитников.

– Хорошо это или плохо, когда клуб всем составом выступает в сборной?

Мунтян:

– Конечно, хорошо. Раньше, когда в сборную брали от нас шесть человек, клубу было труднее. Мы волновались за ребят, больше уставали от частых перелетов, смены климата, партнеров, тактики. А вместе и летать, и играть веселее.

Впрочем, все мы тогда многого не подозревали...

Работая с командой третий сезон, Базилевич и Лобановский, верные своим принципам, вновь, как и в двух предыдущих, полагались на составленную ими программу подготовки. Мы знали, что составлена она была с таким расчетом, чтобы команда достигла пика спортивной формы к Олимпиаде в Монреале. В том году все было подчинено одной цели – победе футболистов сборной СССР на XXI Олимпийских играх. Ради этого даже отменили традиционный двухкруговой чемпионат Советского Союза, проведя вместо него, как сорок лет назад, два однокруговых первенства страны – весеннее и осеннее. В весеннем чемпионате нашему клубу разрешено было участвовать дублирующим составом.

Но жизнь внесла свои коррективы...

Первый официальный матч мы провели на заснеженном поле в Симферополе, принимая французский «Сент-Этьенн». Без особого напряжения нам удалось выиграть у чемпиона Франции, забив в его ворота два «сухих» гола (по голу забили Коньков и я). Но второй матч четвертьфинала Кубка европейских чемпионов с «Сент-Этьенном» показал, что, Кроме всего прочего, в отличие от сезонов 1974–1975 годов, игра нашей команды, то есть наиболее характерные приемы нашей коллективной тактики и индивидуальные наши особенности, не являются каким-то особым секретом. К слову, тренер «Сент-Этьенна» Р. Эрбен еще до встречи с нами рассказывал репортерам, что он располагает видеозаписями нескольких матчей «Динамо» и думает, что вместе со своими футболистами неплохо изучил соперников. После поражения в Симферополе он добавил, что «непосредственное знакомство с динамовцами чрезвычайно обогатило его представления о нашей игре, а команда «Сент-Этьенн» сохранила все же шансы отыграть на своем поле». О том, что, это не было обычной в подобных случаях тренерской бравадой, свидетельствовало и поведение французских туристов-болельщиков. После окончания матча в Симферополе я видел, как они повскакивали с мест в радостном возбуждении. Иными словами, даже болельщики не считали нас, победителей первой встречи, безусловно сильнейшими.

Ответный матч мы проиграли со счетом 0:3 и выбыли из розыгрыша Кубка чемпионов. Но

я бы не сказал, что наша команда особенно переживала. Ведь к игре с «Сент-Этьенном» мы не готовились специально. От наших тренеров мы не раз слышали, что матчи с «Сент-Этьенном» и другие игры помогут команде готовиться к главному событию года – к Олимпиаде.

На минуту прервав рассказ Блохина, приведу воспоминания известного советского вратаря, заслуженного мастера спорта Евгения Рудакова о второй встрече с «Сент-Этьенном».

– Мне на всю жизнь запомнилась наша вторая игра в Кубке чемпионов с французским клубом, – рассказывал Рудаков. – Впрочем, даже не столько сама игра, сколько подготовка к ней. Лобановский, казалось, даже не попытался настроить нашу команду на победу в игре с французами. Накануне матча с «Сент-Этьенном» на тренировке он дал такую колоссальную нагрузку, что в день игры наши парни еле-еле встали на зарядку. В гостинице я жил в одном номере с Колотовым. Помню, после той тренировки он сказал мне: «Я не только есть не хочу, я просто хочу уехать домой»...

Не вела наша команда специальной подготовки и к другому официальному состязанию 1976 года – чемпионату Европы. 24 апреля уже в футболках сборной СССР мы проиграли в Братиславе сборной Чехословакии со счётом 0:2 первый четвертьфинальный матч первенства континента. Ответная встреча состоялась в Киеве и закончилась вничью – 2:2. Мы выбыли из чемпионата Европы. И по этому поводу, помнится, особых переживаний в команде не было, ибо эти матчи тоже должны были служить лишь «подспорьем» в подготовке к главной цели – Олимпиаде-76.

Как участнику тех событий, мне трудно быть объективным в своих суждениях. И все же думаю, что, чуть ли не добровольно отказавшись от серьезной борьбы в розыгрыше Кубка европейских чемпионов и чемпионате Европы, наши тренеры допустили просчет психологического порядка. В связи с этим вспоминаю матч на XII чемпионате мира в Испании между Францией и Северной Ирландией. Французов устраивала ничья для того, чтобы они вышли победителями группы «Д» и получили путевку в полуфинал. Но футболисты Франции не стали искушать судьбу. Тем более что защита, на мой взгляд, была не сильнейшей линией команды. Да и не в характере французов отсиживаться в обороне. Они темпераментно атаковали и красиво победили – 4:1. А после матча на пресс-конференции тренер сборной Франции М. Идальго сказал: «Лучший способ поддерживать игровой тонус – это тратить силы в игре, а не на тренировках... Не игру надо приспособлять к нужному результату, а играть так, чтобы знать: все, что могли, сделали». Впрочем, о чемпионате мира у нас разговор впереди, а пока вернемся к событиям 1976 года.

В играх олимпийского турнира мы не чувствовали той легкости в движениях и уверенности в своих силах, которые должны были наступить согласно программе подготовки. А ведь, переезжая из одной страны в другую, столько готовились! Ради Олимпиады пожертвовали всем – Кубком СССР (киевское «Динамо» проиграло в кубковом матче «Днепру»), Кубком европейских чемпионов, чемпионатом Европы.

На Олимпиаде мы с трудом проводили матчи с заштатными футбольными командами Канады, КНДР, Ирана. Нам явно не хватало скорости и легкости, ловкости и координированности. По себе чувствовал, что буквально измотан тренировками, которые продолжались и в Монреале. Думал о чем угодно, только не о футболе. Если попадал ко мне мяч, я старался поскорее от него избавиться. Просто не знал, что с ним делать! Главное, отсутствовала жажда борьбы. Часто прямо на поле мы бросали друг другу обидные реплики, и тренеры со скамьи запасных тоже не удерживались от замечаний. Два удаления с поля и с десятков предупреждений, полученных в ходе олимпийского турнира игроками сборной СССР, – тоже, вероятно, свидетельство изъядов в подготовке сборной, приведших к психической неустойчивости игроков.

Быть может, нашим тренерам еще месяца за два до Олимпиады-76 следовало потихоньку снижать нагрузки? Возможно, тогда у нас бы появилась столь желанная легкость в движениях, свежесть и бодрость духа? А может быть, надо было разгружаться в ходе самого олимпийского турнира? Так ведь, к слову, и поступали сборные ГДР и Польши. В своих подгруппах они, как и мы, играли с относительно слабыми соперниками и в матчах с ними постепенно обретали форму и уверенность. Поляки и немцы от матча к матчу играли все лучше и лучше, а в финале

показали отличный футбол.

И специалисты, и болельщики в один голос признали выступление сборной в сезоне 1976 года неудачным. В прессе появились острые критические статьи.

«Всю основную подготовку к ответственным соревнованиям сборная проводила в ходе, назовем вещи своими именами, гастрольных поездок. Она готовилась к борьбе фактически избегая борьбы, – писал обозреватель еженедельника «Футбол-Хоккей». Валерий Винокуров. – Длительный отрыв от дома к тому же плохо повлиял на моральное состояние игроков, на их психику...»

«Команда, заделавшись туристской группой, мало-помалу стала сдавать, – писал Лев Филатов в своей книге «Ожидание футбола», вышедшей через год после Монреальской олимпиады. – Ее молодые способные тренеры О. Базилевич и В. Лобановский во главу угла поставили определенный метод тренировочных занятий и поверили в него, как в волшебный эликсир, с помощью которого можно команду безошибочно готовить к тому дню, когда она должна дать решительный бой и победить. Верили они и в систему стимулирования, считая ее верной гарантией хорошей игры и успехов».

«Клуб, которому надлежало вести за собой вперед, оказался изъят из футбола, – писал Лев Яшин... – Его как бы вынули из футбольной почвы, пересадили в оранжерею, укрыли стеклянным колпаком, предоставив всем прочим лишь любоваться им издали... Восторжествовал неумолимый закон футбола, закон спорта, обязательный для всех – и для ведущих, и для ведомых: чтобы играть, надо играть. Играть с сильнейшими как можно больше, бороться с ними, и пусть ценой неудач, извлекать уроки, тянуться, накапливать опыт и мастерство».

Не могу сказать, что я предавался серьезному анализу всего происходящего в нашем футболе. И все же с сожалением думал о том, почему в прессе большинство критических статей появилось уже после того, как нами все было проиграно. Ведь подобных публикаций, пока мы не проиграли на Олимпиаде-76 свой матч сборной ГДР, почти не встречалось. А в самой команде все, что предлагали тренеры, мы воспринимали на веру и не сомневались в том, что разработанная ими программа подготовки должна дать положительный результат. И как мы могли в этом сомневаться, если за спиной были успехи команды в двух славных сезонах 1974–1975 годов? Кто мог ожидать, что после такого взлета наша команда и в футболках киевского «Динамо», и в форме сборной страны начнет терпеть одно фиаско за другим!?...

Интересно и полезно проанализировать, почему команда, блиставшая на внутренней и международной арене, меньше чем за год потеряла свою силу? Почему вслед за подъемом в игре киевского «Динамо», составлявшего основу сборной страны, наступил спад? Попытаться найти его причины необходимо, ибо ничто в спорте не учит сильных спортсменов и сильные команды так хорошо, как поражения. Они дают возможность взглянуть на себя как бы заново и, убедившись, что творческий потенциал не исчерпан, отделить зерна от плевел, с удвоенной энергией приступить к решению новых задач. Уроки поражений нужны, вероятно, и для будущих поколений футболистов.

В ту пору о программе тренировок, разработанной тренерами, киевского «Динамо», говорилось и писалось много. Скрупулезным выполнением этой программы объяснялись, например, успехи 1974–1975 годов, когда команда играла легко, быстро, красиво. Игроки действительно были тогда в отличной спортивной форме. Шли они к ней ценой огромных нагрузок, о которых уже, рассказывал Блохин. В первом из двух счастливых для «Динамо» сезонов не все футболисты справлялись с нагрузками. Тренеры, видя это, советовались с врачами, вносили коррективы в программу подготовки. В первые годы, работы с командой тренеры не раз терпеливо объясняли своим, подопечным правильность методики. Правда, нельзя сказать, чтобы сами они стопроцентно были уверены в успехе. Однажды весной 1974 года на сборах в Гантиади Владимир Онищенко сказал Лобановскому:

– Мы здесь проделали огромный объем работы. Ребята буквально валяются с ног. Конечно, все это должно вылиться в какой-то результат. Но для успеха нужно еще и спортивное счастье. Бывают ведь спортсмены-неудачники, может быть и команда-неудачница... Жаль, Васильич, если мы окажемся такой командой. Может ведь такое случиться?

– Да, может быть и такое, – ответил Лобановский.

Но полтора года спустя, когда команда приехала на свою базу с Кубком кубков и по этому случаю был устроен праздничный обед, Лобановский, вспомнив об этом разговоре с Онищенко, поднялся из-за стола и торжественно произнес:

– Вот Володя Онищенко задал мне в семьдесят четвертом году вопрос... Сейчас я на него отвечаю...

И тренер поднял красавец Кубок.

Успехи клуба укрепляли тренеров в верности избранного ими пути, и они все меньше прислушивались к мнению самих футболистов и даже врачей. «В нашем деле нельзя не ориентироваться на состояние спортсменов, – рассказывал мне один из заслуженных мастеров спорта, игрок киевского „Динамо“ и сборной страны в те годы. – Тренерам, видимо, с большей гибкостью следует относиться к своей программе. Но Лобановский в семьдесят шестом году, бывало, не считался даже с мнением врача, и, если между ним и доктором возникал какой-то спор, то он обычно длился недолго и тренер одерживал победу».

Одним словом, если в 1974 году тренеры в своей работе учитывали состояние футболистов и в чем-то могли отступить от своих требований, то уже в 1976-м – они строго-настрого придерживались своей программы... В этом-, пожалуй, был один из главных их просчетов. Уверовав в собственную непогрешимость, они перестали сомневаться в своей методике и слепо доверились ей.

Как тут не привести в пример мнение знаменитого наставника «Аякса» Ковача:

– В мире многие тренеры думают, – сказал он, – что если им установят метод тренировки, то они будут совершать с ним чудеса. Они неправы в том, что создают из метода догму, тогда как существуют тысячи методов и самое главное заключается в том, чтобы выбрать из них те, которые больше всего подходят для того или иного игрока.

После неудачного выступления на Олимпиаде в Монреале многие обозреватели отмечали слабость в морально-волевой подготовке команды. В своих статьях они справедливо указывали на то, что только в сложной и трудной борьбе, а не в товарищеских играх с зашитами командами (даже на зарубежных стадионах!) мужает характер футболиста, закаляются его бойцовские качества.

На мой взгляд, спад морально-волевой подготовки начался раньше – еще в те счастливые для команды годы. Класс команды повышался, функциональные возможности игроков улучшались, но здоровый организм команды подтачивался изнутри некоторыми действиями тренеров.

...В 1974 году на стадионе в Одессе зрители наблюдали за поединком местного «Черноморца» с киевским «Динамо». Счет был 3:3, матч еще продолжался, а болельщики возмущенно вставали со своих мест, освистывая футболистов. После игры я зашел в раздевалку к своему приятелю, тренировавшему в ту пору «Черноморец».

– Договорились?

Он отвел глаза и ухмыльнулся:

– Тебя не обманешь...

– Их ты тоже не обманул, – кивнул я в сторону трибун. Только зачем это все нужно?!

– Они предложили, а мы согласились... Все-таки верное очко.

На том матче присутствовал и редактор еженедельника «Футбол -Хоккей» Лев Филатов, который со свойственной ему тонкостью и мастерством так описал эту игру:

«Нет, не клюнули одесские болельщики на роскошный счет того матча. Да и не такими уж мастерами водевиля оказались мастера футбола. Обеим командам пришлось не раз исполнить возле своих ворот этюд „всеобщее оцепенение“, когда приходила очередь противника забивать гол. Было это так ненатурально, так примитивно, что и в школьный драматический кружок никого из них, пожалуй, не взяли бы. Правда, это, к счастью, хуже будет, если они хорошенько отретепируют эту самую сценку – „гол в наши ворота“. А одесситы на трибунах тут же дали наименование увиденному – „жмурки“.

Читатель, видимо, догадался, что речь идет о договорных ничьих. Этот термин, кажется, впервые, появился в «Правде». Об играх, когда «договаривающиеся стороны» еще до начала матчей делили по очку, писали и другие газеты и журналы. Ни на одну такую публикацию опровержения не последовало. А договоры... продолжались. В частных беседах

тренеры киевлян, помнится, даже пытались объяснить необходимость подобного рода игр. Они утверждали, что команда на протяжении всего сезона не может держать высокую форму и договорные ничьи – какая-то попытка управлять формой.

Правда, к счастью, большинство футболистов (а ведь они часто после ухода из большого футбола сами становятся тренерами) так и не приняли этой «новинки» и напроочь отвергали всякого рода договоры.

Давид Кипиани:

– Не могу подобрать слов, чтобы спокойно говорить о подобных футбольных сделках. Я их никогда не понимал, они мне не нравились.

Неужели тренеры действительно не понимали, что все эти странные игры оборачиваются против команды? Верно по этому поводу писал Л. Филатов, что «футболист, разок-другой получивший очки ни за что, неминуемо деквалифицируется, если не в жонглировании с мячом, то в душевной готовности к борьбе».

Год 1976-й

Я всегда с большим уважением относился к болельщикам. Без них нет футбола. Вы можете себе, к примеру, представить календарный матч чемпионата страны без зрителей? Выбежали две команды на поле, а трибуны пусты. Страшно даже подумать. Но я далеко не каждого зрителя считаю болельщиком. В моем понимании болельщик – это тонкий знаток футбола, обязательно объективный, сдержанный в проявлении эмоций. Я давно понял, что болельщики хотят видеть самоотверженную игру своей команды. Игру с полной отдачей сил. И они правы. У нас в стране, как и во всем мире, футбол стал одним из самых популярных зрелищ. Я уже рассказывал, как однажды меня, двадцатилетнего, поразила игра шотландского «Септика», вдохновенно штурмовавшего ворота более слабой команды до самого финального свистка, хотя убедительный счет уже в первом тайме был в пользу шотландского клуба. Именитые футболисты самоотверженной игрой показывали свое отношение к зрителям.

Увы, я не могу утверждать, что моя команда все свои матчи провела с такой отдачей. Выходя на поле, мы не всегда принимали в расчет интересы зрителей. А в 1976 году мы своей игрой доставили нашим почитателям – и себе! – столько огорчений, что их с лихвой хватило бы на пять-шесть сезонов, вместе взятых.

Многие печальные события того года были скрыты от посторонних глаз, но оказывали подчас решающее влияние на жизнь команды. Об этом, думаю, следует рассказать правду, ничего не утаивая. Проанализировать факты весьма полезно – для футболистов, тренеров, для любителей футбола. Обычно наша пресса не замалчивает правду о тех или иных промахах сборной и клубов. Тренеров и футболистов ругают часто. Жаль только, что критические статьи появляются почти всегда уже после поражений. Но даже прошлые ошибки – ценный материал для размышления. Тем более что признание ошибки – первый шаг к истине.

В одной статье, рассказывающей о совещании по итогам выступления сборной СССР на Олимпиаде-76, говорилось: «Несколько характерных примеров неуважительного отношения друг к другу привели выступавшие, назвав при этом и О. Блохина, и В. Трошкина, и В. Веремеева. Естественно, что при таких взаимоотношениях в команде трудно было рассчитывать на успех. Ведь любой промах воспринимался партнерами как неисправимый, вызывал приступ нервозности, разрывал внутрикомандные связи». Горький упрек, но справедливый. В олимпийском турнире наша сборная не выглядела монолитным коллективом. Программа подготовки к Олимпиаде истощала нас не только физически, но и психически. В такой ситуации и нужно особое искусство тренера, который для своих подопечных должен быть и педагогом и психологом. Тренер, думаю, просто обязан чувствовать настроение каждого игрока.

Наши тренеры были недовольны командой и не скрывали этого. Тот из нас недоработал, у другого недостаточно сильная мотивация... Одним словом, каждый футболист чему-то не соответствовал. По причинам этих «несоответствий» и остались дома, не поехали в Монреаль в составе олимпийской сборной такие замечательные мастера своего дела, как Рудаков и Мунтян. А когда команда возвратилась с Олимпийских игр, тренеры сразу же предложили расстаться с

динамовским клубом еще двум заслуженным мастерам спорта – Трошкину и Матвиенко. Внесшие свою лепту в славные победы киевского «Динамо», еще полные сил футболисты, которые могут играть, вдруг – в середине сезона! – должны расстаться с клубом?! Нам, игрокам, такое трудно было понять. Между командой и тренерами возник конфликт. Вспоминая этот беспрецедентный в нашем футболе случай, Юрий Рост, в «Литературной газете» писал: «...вернувшись домой, тренеры решили провести ревизию команды, а команда в ответ отказалась от тренеров».

Из двух старших тренеров в нашей команде остался один – В. Лобановский. После всех передряг, выпавших на долю команды, он несколько изменился сам и изменил характер тренировок. В осеннем чемпионате страны 1976 года киевское «Динамо» завоевало второе место, уступив первенство московскому «Торпедо». Серебряные награды вместе с остальными киевлянами получили Рудаков, Мунтян, Трошкин и Матвиенко. К слову, все они, кроме Рудакова, в 1977 году в числе других динамовцев Киева были удостоены медалей чемпионов Советского Союза.

Я иногда с грустью вспоминаю о лучших временах своего клуба и сборной. Мне кажется, что в ту пору у нас была команда, которая так и не смогла полностью реализовать свои возможности. Впрочем, так думаю не я один. Весной 1982 года, после матча с одесским «Черноморцем», встреча с которым закончилась вничью, я случайно на улице встретил Стефана Решко. Все такой же сухощавый, крепкий, он ничуть не изменился.

– Видел вашу игру, – сказал он. – Что, тяжело приходится?

– Вспоминаешь, Степушка, наш состав?

– Только и остается, что вспоминать... А знаешь, жаль все-таки, что команда распалась раньше времени. Еще бы года три-четыре поиграть тем составом, какой у нас был в семьдесят пятом, могли бы и Кубок чемпионов выиграть и все что угодно...

У нас был состав! Что ни игрок – личность! И, как говорил мой друг Леня Буряк, у каждого своя «изюминка». Не стало этого состава – не стало и значительных побед в европейских кубковых турнирах. Хотя команда продолжала работать по тем же научно обоснованным программам.

Думаю, что полагаться только на научный подход в тренерском деле нельзя. Вспоминаю иногда слова замечательного футбольного специалиста из ФРГ, тренера чемпионов мира Ю. Дерваля, с которым встречался во время выступлений в составах сборных команд Европы и мира:

– Мне не по душе те тренеры, которые без конца напыщенно обсуждают проблемы, которых на самом деле в футболе не существует. На мой взгляд, чутье – самое важное и ценное качество в работе футбольного тренера. Надо его иметь.

ГЛАВА 14. ЖЕНА

В канун нового, 1981 года мы с известной советской спортсменкой Ириной Дерюгиной давали интервью для еженедельника «Неделя» в новом для себя качестве – мужа и жены.

– Ирина, какое качество вы больше всего цените в муже? – спросил репортер.

– Честность. Прежде всего честность! – ответила она.

– А что еще?

– Олег оказался довольно хозяйственным главой семьи, – ответила Ира. – А это для меня был самый настоящий сюрприз.

– Надо же кому-то брать игру на себя, – пошутил я. – Впрочем, Ира скромничает. Она прекрасная хозяйка!

– Когда вы познакомились?

– Год назад, в гостях, у новогодней елки, – сказала жена. – А до этого знали друг друга только по телевизору.

– И взаимные успехи в спорте вас сблизили?

– Не успехи, а травмы, – вставил я. Журналист удивился.

– Вполне серьезно, – пояснила жена. – Дело в том, что незадолго до нашего знакомства

Олег перенес операцию, мне же она только предстояла. В эти трудные дни он мне очень помог. У Олега ведь, вы знаете, по части травм богатейший опыт: его опекуны, кажется, живого места у него на ногах не оставили...

– Значит, олимпийский год у вас обоих начался с травм?

– Да, но заканчивается хорошо, – улыбнулась Ирина. – Я, например, верила, что после операции смогу вернуться на помост, и мое желание сбылось. Весной окончила институт физкультуры. И еще одно знаменательное событие: и Олег и я стали членами КПСС...

– Я работала в зале Октябрьского Дворца культуры, – рассказывает заслуженный тренер СССР по гимнастике Альбина Николаевна Дерюгина, мать Ирины. – Чтобы маленькая Ирочка была под присмотром, и для ее же развития отдала по соседству – в балетную студию.

В свое время заслуженная артистка УССР балетмейстер Н. Скорульская поставила балет «Королевство кривых зеркал», в котором участвовали дети из балетной студии. В этом балете пятилетнюю Иру видели не только в Киеве, но и в Москве на сцене Кремлевского театра и даже по Интервидению. Пять лет занятий в балетной студии, еще четыре года в хореографическом училище, и Дерюгину уже считали будущей балериной, но, получив основательную хореографическую подготовку, она увлеклась спортом, в мире которого росла: мама постоянно брала девочку с собой на тренировки и соревнования.

Бесспорно, балет наложил свой отпечаток на формирование будущей гимнастки. Не случайно, когда Ирина ушла из хореографического училища, один из педагогов пророчески заметил: «Мы потеряли будущую приму-балерину, зато художественная гимнастика приобрела яркую звезду».

Помню, когда я в первый раз пришел к Ире в гости, я удивился количеству ее призов. Медали, кубки, грамоты. В девятнадцать лет у Иры было больше призов, чем у ее отца – заслуженного мастера спорта, чемпиона XVI Олимпийских игр по современному пятиборью Ивана Дерюгина.

Я как-то спросил, какой из них ей особенно дорог.

– Наверное, как и у тебя, – все они дороги! Впрочем, эта медаль, что завоевана в семьдесят пятом, пожалуй, чуть-чуть дороже других.

...В мае 1975 года (именно в этом году киевское «Динамо» завоевало Кубок кубков!) на чемпионате Советского Союза по художественной гимнастике в Ростове-на-Дону произошла сенсация: Дерюгина, обойдя Г. Шугурову и И. Крашенинникову, впервые стала абсолютной чемпионкой Советского Союза. «Помилуйте, какая же это сенсация?» – может возразить читатель. Но другое слово здесь не уместно. Ведь Галима Шугурова приехала в Ростов в ранге чемпионки мира, а Наталья Крашенинникова – бронзового призера того же чемпионата мира. А кто знал в ту пору Ирину, 17-летнюю ученицу киевской школы? Но эта девочка без громких титулов и званий обошла своих именитых соперниц.

После той победы у Дерюгиной были десятки других. Она – двукратная абсолютная чемпионка мира, неоднократная чемпионка страны, обладательница Кубка СССР и Кубка Интервидения и т. д. и т. п. Дикторы соревнований несколько раз набирали воздух, прежде чем им удавалось перечислить все ее титулы. Можно Понять, почему для Дерюгиной победа в 1975 (столь памятная и для Блохина!) году была чуть-чуть дороже других: она была первой победой на большом помосте!

Как-то московский журналист брал интервью в Софии у Марии Гиговой, трехкратной абсолютной чемпионки мира по художественной гимнастике. В свое время эту замечательную болгарскую спортсменку называли королевой помоста. Гигова, в общем-то сдержанная, скупая на похвалы спортсменка, сказала о Дерюгиной: «Я видела ее у нас, в Софии, в соревнованиях на приз газеты „Студенческая трибуна“. Дерюгина была тогда еще угловатой девочкой. Но меня сразу же покорила ее артистичность. Этого не хватает многим гимнасткам. Затем еще несколько раз ее видела. Она выросла. Прекрасно сложена! И, наконец, она мыслит на помосте. Сдержанная, но в каждом ее движении читается мысль»...

Да, по части сдержанности на помосте я Ирине всегда завидовал. У нас с ней во многом схожие характеры. Но на поле я всегда был более взрывной, чем она на гимнастическом помосте. Ей всегда удавалось управлять своими эмоциями! Впрочем, и в жизни, похоже, я

более вспыльчивый. Однажды знакомый журналист, беседуя со мной, предположил:

– Вот Ирина на вашем месте никогда бы на поле с судьями не спорила!

Я согласился. Услышав этот разговор, жена вмешалась:

– На поле бы не спорила. Это точно, сдержалась бы! А вот за кулисами я бы за себя постояла, не спустила бы несправедливость.

Помню, как однажды, когда я приехал встретить Иру после тренировки, дежурная спортзала все сокрушалась: «И как она бедненькая только выдерживает?! Мать свою собственную дочку гоняет до седьмого пота». Да, эта девочка, кажется, с пеленок была приучена к труду, и, когда мы познакомились поближе, я не раз поражался ее фантастической работоспособности. Однажды летом 1981 года киевское «Динамо» во время короткого тайм-аута в чемпионате страны провело неделю в Ялте, у моря. Ирина приехала туда вместе со мной на три дня. Наши тренировки продолжались. Она в это время готовилась к чемпионату мира. В один из дней, в самую жару, команде предстояло бежать кросс по пересеченной местности. Надо было видеть выражение лица тренера, когда перед тренировкой к нему подошла Ирина, одетая в шерстяной костюм (ей надо было немного сбросить вес!), и попросила:

– Можно я побегу с вашими ребятами?

Тренер колебался. По давним традициям считается, что присутствие женщины в футбольной команде – плохая примета. А тут просится на тренировку! Но он все-таки разрешил.

– Ну и жена у тебя, Блохин! – говорили мне после кросса ребята.

Почти на равных с нами, в хорошем темпе Ира пробежала четыре километра по ялтинским горам. Да что там кросс, видели бы наши парни Ирину в спортивном зале! На одном лишь занятии она выполняла по 1300–1500 элементов. Разумеется, после такой работы Ира была, по ее собственному выражению, «вся мертвая».

Помню, как однажды в летний воскресный день после недели тяжелейших тренировок Ира отказалась сниматься для телевизионного сюжета: Дерюгина и Блохин дома, в парке, на берегу Днепра. Ей было не до съемок. Но телефон не замолкал. А когда телекомментатор, и оператор поняли, что согласие на съемку по телефону не получают, они приехали к нам домой. Но, услышав звонок в дверь, Ира даже не шевельнулась.

– Олег, ну почему люди не могут понять, что мы с тобой устаем, что не можем все время быть на виду, – со слезами на глазах отрешенно говорила Ирина.

Я ее понимал.

Если бы меня спросили, какое достижение моей жены на помосте я считаю наивысшим, не задумываясь, ответил бы: «Ее бронзовую медаль на чемпионате Советского Союза 1981 года». Это была, пожалуй, самая трудная в спорте победа – победа спортсменки над собой. Истинные ценители большого спорта, люди, понимающие в нем толк, это заметили. Вот что писал корреспондент газеты «Советский спорт» Г. Борисов в своем репортаже о том чемпионате страны:

«Внимание публики и специалистов приковано к выступлениям Ирины Дерюгиной. И не только потому, что киевлянка – Самая титулованная из всех участниц. Дело еще в том, что в истории нашей художественной гимнастики не было случая столь уверенного возвращения на первые роли после тяжелой травмы, после годичного перерыва в выступлениях. Рассказывают, что Дерюгина возобновила тренировки чуть ли не на следующий день после перенесенной сложной операции колена. Это, возможно, преувеличение. Но бесспорно одно: глубокая преданность спорту, удивительная сила воли, стремление «себя преодолеть» помогли Ирине быстро вернуться в стан лидеров. Ее настойчивость импонирует зрителям».

Она мечтала участвовать в чемпионате мира в 1981 году и осуществила свою мечту! Ирина не могла рассчитывать на успешное выступление в Мюнхене, где собрались сильнейшие гимнастки мира. Но, если судить по большому счету, это поражение, думаю, было ее победой. Хотя иные журналисты, болельщики, да и специалисты наверняка со мной не согласятся. По поводу поражения Дерюгиной на мюнхенском чемпионате мира многие пережевывали старую избитую истину, что из спорта надо вовремя уйти. Но кто может точно сказать, когда надо уйти? А если для тебя тренировки и соревнования – это сама жизнь, разве можно с этим легко

расстаться?! Как футбол – моя жизнь, так художественная гимнастика – жизнь Иры. Не испытывала себя до конца на помосте, в борьбе с сильнейшими, она не могла расстаться с гимнастикой.

Свой уход с помоста жена перенесла достойно. Для Иры не было проблемы, которая подстерегает иных больших мастеров, когда они оставляют большой спорт. Она знала, чем займется. Еще в пору ее расцвета на вопрос репортера она ответила, что, когда оставит гимнастический помост, станет тренером по художественной гимнастике:

– Нравится ли мне моя будущая профессия? Не то слово! Наверное, это просто у меня в крови, если уже сейчас, на тренировках, я не могу спокойно смотреть, как подруги по команде делают какие-то ошибки. Обязательно подойду, подскажу, исправлю. Еще в раннем детстве на традиционный вопрос: «Кем ты хочешь быть, когда вырастешь?» – я всегда твердо отвечала: «Тренером!»

Так в секции художественной гимнастики киевского «Спартака» у заслуженного тренера СССР Альбины Николаевны Дерюгиной росла не только великолепная спортсменка, но, думаю, грамотный, влюбленный в свое дело специалист. Так оно и случилось в жизни: Ира стала тренером.

В первый год нашей супружеской жизни из-за частых сборов и соревнований – моих и жены – мы виделись крайне редко. И все-таки в те прекрасные дни, когда мы были вместе, я сразу, ощущал, что моя холостяцкая квартира, благодаря заботам жены, превращалась в семейный очаг. Дома мне было легко и спокойно. Жена знала, например, что после трудных матчей, выиграны они или проиграны, со мной не следует заговаривать на футбольные темы, если я сам этого не захочу. Знала и другие мои привычки. А я старался узнать и понять ее. Мы учились понимать друг друга. Это ведь большое счастье, когда тебя понимают! А 15 января 1983 года у нас родилась дочь. Мы назвали ее Ириной.

ГЛАВА 15. ПОД ФЛАГОМ СБОРНОЙ

В главной команде страны

С 1970 года я храню открытку: «Поздравляю с Новым, 1970 годом! Желаю хороших успехов в учебе, железного здоровья, счастья в жизни и золотых медалей в футболе. Е. Лядин». Лаконичный, вроде бы ничем не примечательный текст. Но для меня он звучал как музыка. Ведь с Новым годом меня, семнадцатилетнего парня, поздравлял старший тренер юношеской сборной команды СССР. Пусть юношеской, но все-таки сборной – кто из нас не мечтал надеть алые футболки с белыми буквами и гербом Родины!

Потом в течение десяти лет мне довелось выступать в молодежной, олимпийской и первой сборных страны. Подобных поздравительных открыток от тренеров сборных я уже никогда не получал. Десять лет в составах различных сборных страны – это не только много матчей, зарубежных поездок, голов, побед или поражений. Это еще и общение с людьми. К сожалению, не могу сказать, что с тренерами и руководителями футбольных сборных у меня всегда устанавливались хорошие человеческие взаимоотношения. С некоторыми из них у нас не было даже доверия друг к другу. С 1972-го по 1983-й – в годы моего пребывания в сборной Советского Союза в этой команде произошло одиннадцать смен тренеров!

Каждый новый тренер – это иные взгляды на футбол, новое отношение к стратегии и тактике сборной, свой подход к тренировкам, наконец, другие жизненные принципы. Отсюда и всякого рода разногласия. Бывало, тренеры клуба и сборной даже чисто в футбольном плане не всегда находили между собой общий язык. К примеру, в свое время не раз возникали споры между тренерами сборной Симоняном или Бесковым, с одной стороны, и тренером нашей команды Лобановским – с другой. Тренеры сборной были убеждены в том, что Лобановский, заставляя меня участвовать в оборонительных действиях команды, снижает мой боевой потенциал форварда. В разные годы Симонян и Бесков, не сговариваясь между собой, считали, что форвард моего плана должен выполнять свои главные функции – играть только на острие атаки. Как же я выходил из положения, когда приходилось выполнять тренерскую волю в сборной – и в клубе? Ведь мы, футболисты, тренеров себе не выбираем. Я считаю, что хороший

игрок в тактическом плане должен уметь быстро перестраиваться. В определенной степени мне это удавалось, особенно в молодые годы. В клубе мне вполне хватало энергии, скорости, сил то и дело возвращаться назад и помогать партнерам в обороне, а после этого тут же мчаться вперед, чтобы забивать голы. А в сборной я играл только на острие атаки. Но с годами я понял, скорее даже почувствовал, что куда полезнее использовать меня впереди. Если и отходить назад, то эпизодически, чисто из тактических соображений.

И всё-таки эти разногласия тренеров, хотя и сказывались на игре, мешали делу меньше, чем возникавшие иногда в команде конфликтные ситуации.

В 1979 году, играя в сборной СССР, я выходил на поле с повязкой капитана команды. Старшим тренером в тот период был Никита Павлович Симонян. Выдающийся в прошлом форвард, грамотный тренер, тонко понимающий футбол, интеллигентный и обаятельный человек, он пользовался у нас, футболистов, большим авторитетом. Мне нравилось работать с Симоняном. В том году дела в сборной не очень-то ладилась. Как это бывало и раньше, мы побеждали в товарищеских матчах и теряли очки в официальных.

Девятнадцатого мая на стадионе в Тбилиси мы слабо провели отборочный матч чемпионата Европы со сборной Венгрии (2:2). Четвертого июля нам предстояла официальная встреча с финскими футболистами. Перед выездом в Финляндию на базе сборной в Новогорске состоялось собрание команды, о котором долгие годы я вспоминал с горечью.

Председательствующий поднимал игроков и предлагал рассказать, что каждый думает об игре команды и о своем личном вкладе в общее дело. Меня как капитана подняли последним. На вопрос, почему с марта не забивал голы, ответил, что, если и не забивал сам, то делал передачи партнерам. Одним словом, пытался, как мог, объяснить суть командной игры и свое отношение к ней. Напоследок не удержался и сказал:

– Если сейчас не подхожу для сборной, не включайте меня в нее пока и дайте возможность играть в клубе вновь, завоевать это право.

– Садись! Все ясно, – махнув рукой, сказал ведущий собрание и объявил перерыв на десять минут.

Когда нас снова пригласили в зал, он объявил:

– Блохин, ты отчисляешься из сборной! Со всеми вытекающими отсюда последствиями – снимем звание заслуженного мастера спорта, сообщим в газеты и так далее. Покинь сборы в течение получаса...

Конфликт был улажен с помощью игроков. Ребята просили меня не покидать сбор, а руководство они уговорили не отчислять меня из состава сборной.

Попробуем критически осмыслить этот эпизод из футбольной биографии Блохина. Он характерен для Олега. Собрание в Новогорске было очень похоже на собрание футболистов киевского «Динамо» в Конче-Заспе в 1976 году, о котором уже упоминалось. Ситуации, на мой взгляд, схожи прежде всего манерой поведения как самого футболиста, так и тех лиц, которые им в ту пору руководили. Бесспорно, Блохин не был во всем прав. Жаль только, что, по его собственному признанию, он это понял лишь с годами. О собрании в Новогорске я подробно беседовал с Н. П. Симоняном. И полностью согласился с ним в том, что на ультимативную фразу: «не подхожу для сборной – не включайте!» – Блохин не имел права. «Кому многое дано, с того больше спрос, – сказал Никита Павлович. – В футболе у Блохина в ту пору уже было имя, от него ждали и требовали большего. И если в играх он не раскрывал всех своих качеств, то и претензий к нему предъявлялось больше, чем к остальным футболистам».

Но Н. П. Симонян согласился со мной в том, что не совсем был прав и спортивный руководитель, угрожавший Блохину снятием звания заслуженного мастера спорта только за то, что он не забивал голы с марта. Убежден, что в командах мастеров (тем более в сборной страны!), в которых играют зрелые спортсмены, сложившиеся личности, нельзя всю работу и взаимоотношения строить на одном только слепом подчинении.

«Только личность может проявить себя в сложной обстановке, только личность может создать противодействие футбольному практицизму, – писал в своих полемических заметках, о которых уже упоминалось в книге, Юрий Рост в „Литературной газете“ – звезд надо растить требовательно, но нежно, и ничего, если они доставляют хлопот больше, чем любой

другой футболист. Они ведь и пользы и радости приносят больше.

Надо подняться до уровня талантливого игрока, а не стараться пригнуть его до уровня руководства футболом. Кто командовал нашим футболом во времена Стрельцова, Боброва, Яшина? Не помним. А эти имена помним...»

Блохина тоже будут помнить.

Интересно, что буквально на следующий день после собрания в Новогорске сборная СССР вновь и единогласно избрала его своим капитаном.

В том же 1979 году, после того как 4 июля в Хельсинки сборная страны сыграла вничью (1:1) отборочный матч чемпионата Европы, произошла очередная смена старшего тренера: Н. П. Симоняна сменил К. И. Бесков. Футбольные заслуги Константина Ивановича Бескова достаточно известны. Я, например, впервые узнал о нем еще в мальчишеские годы, когда прочитал книжку «19:9» о легендарной поездке московских динамовцев в Англию.

Бесков всегда производил па меня впечатление человека, тщательно обдумывающего свои поступки, хорошего психолога, умеющего строить свои взаимоотношения с разными людьми – как с подчиненными, так и с начальством. И все-таки порой в решении каких-то принципиальных вопросов верх у Бескова брали эмоции.

В 1980 году между Блохиным и Бесковым после матча, проведенного сборной в Исландии, произошел серьезный конфликт, результатом которого явилось отлучение Блохина от сборной. Н. П. Старостин рассказывал мне, что ему в Исландии так и не удалось повлиять «на молодого Колоскова и чрезмерно-горячего Бескова».

– Понадобилось полгода для того, чтобы доказать Колоскову, что он был не прав, – рассказывал Старостин. – Обстоятельства складывались так, что вместе с водой можно было и ребенка выплеснуть. Я не думаю, что таких, как Блохин, у нас много. Конечно, он тронут славой, но в целом все-таки парень хороший! Я определяю поведение знаменитых игроков и степень их зазнайства не по тому, как они держатся с начальством, а по тому, как они держатся с партнерами. А Блохин с ребятами ведет себя просто. Слепое подчинение от спорта далеко... А тот разнос, который учинили парню в Новогорске – «забирай вещи, уезжай домой» – все это, знаете, говорит о том, что мы что имеем не храним, а потерявши плачем. Когда я в Исландии вступился за него, мне отвечали, что, дескать, нужна твердая рука. Рука-то, конечно, нужна твердая, только должна она действовать в нужном направлении...

– А что вы думаете о Блохине как об игроке?

– Футболист он отличный! – воскликнул Николай Петрович. – У него есть то неоценимое качество, о котором писал в свое время еще Борис Андреевич Аркадьев, которого я считаю нашим лучшим тренером и лучшим теоретиком. Он писал, что самое страшное у противника – быстрота, против которой все средства недействительны. Блохин быстр. Это самое главное потому, что если человек быстрый в движениях, то он быстрый и в решениях.

Беседуя в июне 1981 года с К. И. Бесковым, я спросил его, чем было вызвано отлучение Блохина от сборной.

– Это связано сузубо с какими-то изъянами в характере этого человека, его капризным поведением. А такое не укрепляет команду, – ответил главный тренер сборной.

– А новое приглашение Блохина в сборную в 1981 году вызвано какими-то переменами в нем самом? – спросил я Бескова.

– Ну, приглашение в сборную связано с тем, что он все-таки ведущий игрок в нашей стране.

– И чисто как футболист он вам нравится?

– Блохин импонирует мне своим футбольным мастерством. Он от природы талантливый игрок. Обладает великолепной скоростью, техникой и пониманием игры. И по своим общим игровым качествам он, конечно же, занимает место в числе лучших игроков мира...

Для полноты картины дополним рассказ о Блохине высказываниями его партнеров по сборной.

Капитан сборной СССР 1981 -1983 годов, игрок тбилисского «Динамо» Александр Чивадзе:

– Мне как защитнику довелось играть против ярких футбольных личностей – таких, как

Киган, Марадона, Румменигге. Блохин тоже личность. Я это всегда ощущал, когда мы встречались с киевскими одноклубниками. Быстрый и легкий бег, обводка, сильный удар с обеих ног, игра на опережение, удары головой – все, чем должен владеть классный форвард, характерно для Олега. Когда выходил с ним на поле в составе сборной, знал, что главное – не пропустить мяч к своим воротам, а впереди Блохин обязательно что-то сделает, создаст момент и не упустит свой шанс. Мне нравилось его отношение к тренировкам, к играм. В каждом матче он умел себя мобилизовать. Мне импонировали его честность и прямота: выступая на собраниях, Блохин всегда говорил то, что думал. Разумеется, такое не всем нравилось.

Игрок сборной страны и тбилисского «Динамо» Давид Кипиани:

– Блохин выдающийся игрок. Скорость, хороший дриблинг, отличная игра головой, удар левой, великолепная координация – все это в совокупности редко дается одному человеку, а ему эти качества присущи. Он – звезда футбола. И все-таки, на мой взгляд, футбольное дарование Блохина не полностью раскрылось в киевском «Динамо» и как футболист он не исчерпал своих возможностей. К слову сказать, и сам я, по-моему, не полностью раскрылся в футболе. Без ложной скромности замечу, что в ущерб советскому футболу, на мой взгляд, у нас в сборкой была потеряна связка Блохин – Кипиани. Не может быть, чтобы мы, такие разные и в то же время дополняющие друг друга футболисты, не нашли общего языка. Это – укор тренерам. Я так считаю...

Сам Олег никогда не рассказывал мне о своих переживаниях, вызванных его отлучением от сборной. Но я легко представляю, что творилось у него в душе, потому что однажды услышал от Ирины Дерюгиной такое признание:

– Это было в восьмидесятом году, когда мы только поженились. По телевизору показывали выступление нашей сборной в Аргентине. Олега тогда не, включили в команду. Он сидел перед телевизором ни жив ни мертв. Смотрит на экран, а у самого руки трясутся, лицо белое, всего колотит. И – слезы. Это надо было видеть! Такой сильный мужчина – и слезы. Я во время этой телепередачи многое поняла и даже стала вести себя иначе по отношению к нему. Я поняла, что футбол для него – это все! Он без футбола не сможет. Даже когда закончит играть сам, Олег должен оставаться в футболе...

Этот рассказ Ирины я услышал в те дни, когда 29-летний Олег Блохин, не без горячего участия Н. П. Старостина, снова был включен в – состав сборной. Судьбе было угодно, чтобы пути этих ярких личностей отечественного футбола пересеклись в главной команде страны, в которой каждый из них в свои годы был капитаном. В дни 80-летия Николая Петровича Старостина известный спортивный журналист К. Есенин, рассказав об одном из его красивейших голов, забитом пятьдесят лет назад, писал, что он может «еще много лет по-отечески покровительственно смотреть на новое поколение. Но в нем нет покровительственного тона, он всегда современен». И было очень жаль, что вскоре после возвращения Блохина в сборную уже перестал работать с командой сам Н. П. Старостин. А команде так не хватало такого тонкого, чуткого и мудрого педагога, как он. Особенно в те дни, когда она готовилась к XII чемпионату мира в Испании.

Все мечты сбываются?

Есть у нас, футболистов киевского «Динамо» и сборной Советского Союза, давняя добрая традиция: в свободное от тренировок, матчей и учебы время мы охотно встречаемся со своими болельщиками. А болельщики – народ дотошный, все их интересует.

- С годами вам приходится тренироваться больше?
- Во всяком случае не меньше, чем раньше.
- Есть ли у вас талисман?
- В последние годы появился: маленькая матрешка – подарок жены.

Часто мне задавали такой вопрос:

– Каковы причины того, что наша сборная вот уже много лет не может добиться побед в крупных официальных международных турнирах?

На этот вопрос одной фразой не ответишь. Дело, по-моему, в том, что в различные

периоды нашу команду (и до того, как я в нее попал, и в годы моего пребывания в сборной) ломали на чужой лад – то на бразильский, то на английский, то на западногерманский, то на аргентинский. Делали это, вероятно, находясь под впечатлением победы очередного фаворита на чемпионате мира. Тем временем советская футбольная школа утрачивала, по-моему, главное – свою самобытность, а многие игроки, слепо подражавшие ведущим зарубежным мастерам, – свою индивидуальность.

Но по натуре я оптимист. Помню, на встрече с рабочими в наборном цехе комбината печати «Рядянська Україна» меня спросили:

– Какое настроение у игроков сборной страны сейчас, после жеребьевки финала XII чемпионата мира, когда вы узнали, что попали в одну группу с бразильцами?

Я ответил:

– Настроение, самое бодрое. Во всяком случае, я по ребятам вижу, что нет того преклонения перед сильными соперниками, какое бывало в прежние годы – «ах, бразильцы!», «ох, аргентинцы!», «ах, ФРГ!» Мы почувствовали свою силу, мы поверили, что можем играть с любым сильным соперником на равных.

Это не было бравадой. В составе сборной Советского Союза, которая в сезоне 1981 года успешно завершила отборочные игры чемпионата мира и завоевала путевку в финал, мне было приятно выступать. Я получал удовольствие от игры всей команды. Мы могли разнообразно атаковать и уверенно обороняться. Постоянно на разных участках поля создавали численное преимущество. Грамотно, в зависимости от соперника, применяли тактическую расстановку, хорошо использовали штрафные и угловые удары, могли навязать противнику свою волю, как мы говорили, свою игру.

И отношения в команде изменились к лучшему. Мало-помалу я находил общий язык с главным тренером сборной К. И. Бесковым. Он мне даже как-то сказал: «Ты у меня в сборной будешь играть до сорока лет!» Но главное, что изменилось к лучшему, так это сама психология игроков в сборной. Раньше, узнай мы, что свой первый матч на чемпионате мира должны провести со сборной Бразилии, сразу бы подумали: «Все! Руки вверх – и добровольно сдаваться...» Но большинство футболистов сборной-82 прошли хорошую школу трудных международных баталий и почувствовали вкус побед над сильными соперниками. Поняли, что можем играть с ними на равных.

Почти в каждой линии у нас играли футболисты, обладающие ярким дарованием. Ринат Дасаев – прекрасный вратарь, с потрясающей техникой, уравновешенной психикой, умением точно выбрать место. Николай Петрович Старостин, мастер На точные и емкие характеристики, сказал однажды о Дасаеве: «Для своего юного возраста и своей счастливой наружности Ринат вполне серьезный человек».

Или, к примеру Саша Чивадзе. О таких, как он, наверное, на фронте и говорили, что с ним можно идти в разведку. Помню, как на следующий день после жеребьевки Саша сказал мне: «Знаешь, я как услышал, что нам попалась Бразилия, сразу начал считать их плюсы и минусы и вспомнил, как мы обыграли их в восьмидесятом. Конечно, у них больше плюсов. Они наизусть знают, что делать с мячом. И все-таки у меня нет такого чувства, что я дрогнул. Сегодня на тренировке присматривался к ребятам. Вижу, что и они верят в себя».

Порой просто удивлял диапазон действий Давида Кипиани, этого универсального футболиста, тонкого и умного мастера. Он понимал партнеров с полуслова.

Одним словом, таким количеством классных игроков, которое было у нас в тот период в составе сборной страны, думаю, не располагала ни одна другая национальная сборная. Впрочем, что же в том удивительного? У советского футбола славная история. И мне всегда хотелось верить, что когда-нибудь я и мои товарищи возродим то, что уже знал отечественный футбол, – высокий международный авторитет. Ведь праздновали же советские футболисты победу на олимпийских играх и выигрывали Кубок Европы! Были у нас сильные духом игроки, знавшие себе цену и ни перед кем не ломавшие шапку. Вспоминаю, как Лев Филатов в своей книге «Ожидание футбола» описал, как он вместе с футболистами сборной СССР весной 1972 года в белградской гостинице смотрел матч чемпионата Европы Англия – ФРГ, транслировавшийся с «Уэмбли»: «Было удивительно тихо, как-то подавленно тихо. И разошлись не обменявшись впечатлениями».

«А лет шесть-семь до этого, – продолжал Филатов, – в старой сборной, кто-нибудь – Яшин, Воронин, Шестернев – во всеуслышание бы заявил: «Прилично играют. Хорошие командочки!» И после такой спокойной похвалы у всех осталось бы ощущение, что и они способны сыграть с теми, кто блистал на экране».

А вот еще одно любопытное, по мой взгляд, высказывание о прошлом нашего футбола. Оно принадлежит тренеру Ковачу, который, как известно, привел голландский клуб «Аякс» к самым крупным международным победам. К слову, рассказывая о себе, Ковач часто не без гордости вспоминает, что несколько лет он учился в советской школе тренеров! Так вот в начале 70-х годов Ковач говорил: «Лет 20–25 тому назад русские нападающие вместе с англичанами были лучшими в мире. Они били по воротам с любой позиции любой ногой. Тогда вмешались специалисты, вооруженные статистикой: из десяти ударов по воротам вы забивали лишь один-два гола, этого недостаточно. Результат: отпасовывают друг другу мяч, ищут реальную позицию, почти не бьют поворотом. И забивают голы еще в меньшем количестве, чем прежде»...

К слову сказать, во время подготовки к чемпионату мира в Испании наши тренеры тоже злоупотребляли статистикой. Чуть ли не на каждом разборе, на каждой установке главный тренер доставал свой «талмуд» и начинался разговор о технико-тактических действиях и проценте брака. Я понимал, что в подобном анализе, когда скрупулезно подсчитываются передачи, перехваты, отборы, количество ударов по воротам и прочее, есть определенная польза. Особенно для молодых футболистов, впервые попавших в сборную страны. Но ежедневно, а то и по три-четыре раза на день слушать одно и то же – о технико-тактических действиях и проценте брака у всей команды и каждого игрока в отдельности – так и с ума можно сойти... Метко кто-то из острословов написал в «Литературке»: «Не потому ли наша команда не могла собраться, что после матчей ее постоянно разбирали». Шутки шутками, но иногда в играх, когда я чутьем угадывал, что длинным пасом можно создать острый момент, вдруг ловил себя на крамольной, подсознательно возникавшей мысли: «надо отдать пас, только бы не ошибиться». Думаю, что осенью 1981 года в отборочных матчах чемпионата мира, кроме всего прочего, мы сыграли так здорово еще и потому, что тренеры не увлекались подобной бухгалтерией технико-тактических действий и процента брака. Не было строгих тактических установок, жестких рамок, и футболисты чувствовали себя на поле более раскрепощенными. Важен был конечный результат – победа в отборочной группе и выход в финал! И команда добилась своего, не знаю уж точно с каким процентом брака.

В те дни, накануне отлета сборной СССР в Испанию, все мои помыслы были связаны с предстоящим финалом. Ни о чем другом, кажется, и думать было невозможно. В связи с этим вспомнил, как в июне 1971 года корреспондент еженедельника «Фусбаль-вохе» просил меня поделиться своими мечтами в спорте. Вот что я, в ту пору 18-летний футболист, ответил журналисту:

– Уже десять лет я играю в юношеских командах. Моя мечта – играть в основном составе киевского «Динамо», сборной Советского Союза и принять участие в олимпийских играх и первенстве мира...

И вот, кажется, все мечты сбывались.

За четыре дня до нашего первого матча на чемпионате мира в Лужниках, во время игры первого и второго составов сборных СССР, нам устроили торжественные проводы, вручив символический ключ от ворот соперников. А сама контрольная игра вывела, к сожалению, из строя одного из основных игроков сборной: за 40 секунд до финального свистка тяжелую травму получил Хидиятуллин. К еще большему сожалению, он был не первым, кто из-за травмы не мог ехать на чемпионат мира. За месяц до этого вышел из строя Лень Буряк. Его, правда, включили в состав сборной, но накануне отъезда он еще ходил на костылях. Не попал в сборную и Давид Кипиани.

Накануне отлета устроили сборной встречу с замечательными советскими альпинистами, первыми в нашей стране покорившими Эверест. Мужество альпинистов, покоривших высочайшую вершину в мире, должно было придать силы советским футболистам, чтобы они покорили свою вершину. Настроение у команды было в общем неплохое, о чем, к слову, свидетельствовали и довольно оптимистические интервью, которые наш главный тренер и

некоторые игроки сборной дали представителям прессы, радио и телевидения в день отлета на финал XII чемпионата мира в Испанию.

Испанские впечатления

Реакция болельщиков и специалистов на выступление сборной СССР в финале XII чемпионата мира была единодушной. Как писали обозреватели, «решительно никого не устроила та не выразительная, осторожная, схематичная игра», которую показала на футбольных полях Испании наша сборная. И это несмотря на то, что формально результат чемпионата был не таким уж плохим: из пяти матчей (со сборными Бразилии, Новой Зеландии, Шотландии, Бельгии и Польши) мы проиграли только один – бразильцам. С минимальным счетом – 1:2. Впервые за последние 12 лет, участвуя в финале мирового первенства, советская сборная вошла в число 12 сильнейших из 24 лучших команд мира, игравших в финале этого чемпионата. С оценкой общественности полностью совпала и официальная точка зрения: и Федерация футбола СССР и Коллегия Спорткомитета страны признали игру сборной Советского Союза на чемпионате мира неудовлетворительной.

Сыграли мы в Испании действительно плохо. Даже если брать в расчет результат, который показала сборная СССР, или допустить, что мы все-таки выиграли бы матч у сборной Польши и вошли бы в четверку. Могло ведь такое случиться? Вполне. Поляки, на мой взгляд, были не сильнее нас. Но даже и в этом случае, войди мы в четверку, все равно нельзя было бы считать наше выступление удачным. Дело в том, что в Испании мы играли не так, как этого от нас ждали. Не так, как можно было предположить, наблюдая игру нашей сборной в предварительном турнире осенью 1981 года.

На чемпионате мира в нашей команде не было взаимопонимания. Мы едва ли не в каждом матче, разве что за исключением первого тайма игры с бразильцами, напоминали одну из тех сборных «гуманных звезд», в которых мне довелось играть в Дортмунде, Барселоне, Праге и Нью-Йорке. Мы выглядели на поле так, как будто играли «с листа». Но ведь в отличие от «гуманных звезд» мы прекрасно знали друг друга, много раз играли друг против друга, но самое главное – не раз успешно играли вместе!

После чемпионата было названо огромное количество причин, помешавших успешной игре нашей сборной. Абсолютно все аспекты подготовки, формирования, техники, тактики, морально-волевой подготовки и самого быта команды в Испании подверглись критике. Писали, что не следовало надолго отрывать игроков от своих клубов, что нужен был один тренер, а не пять, что в период сборов неверно выбирались спарринг-партнеры, что не следовало команде устраивать торжественные проводы, что вместо мастеров кино и эстрады в составе нашей делегации следовало бы включить психолога, что не нужно было в период чемпионата привозить к нам жен. Одним словом, все не так.

Я не претендую на всеобъемлющий анализ того, что произошло в Испании с нашей сборной. Я ведь играл в ее составе. А оценить выступление команды, в которой играешь сам, не так-то просто. Со стороны всегда виднее. К тому же после чемпионата я прочитал множество самых различных материалов о нашей игре, что наложило свой отпечаток на непосредственное восприятие событий! Итоги игр обсуждали в прессе и любители спорта, и тренеры, и спортивные обозреватели. Лишь сами участники чемпионата – руководители команды и футболисты долго хранили загадочное молчание. Такая позиция мне казалась странной. Ведь наш долг – откровенно объяснить миллионам советских любителей футбола, чем была вызвана такая блеклая игра сборной страны на первенстве мира. Думаю, что после спортивных неудач вообще не должно быть места недомолвкам. Мы всегда должны честно называть свои ошибки, чтобы впредь их не повторять. Я попытаюсь изложить события так, как я их видел. Как их понял и прочувствовал. Свои суждения постараюсь соотнести с оценками болельщиков и специалистов, которые мне довелось прочитать уже после чемпионата мира.

Я был подвергнут наиболее суровой, как мне кажется, критике – как в нашей, так и в зарубежной прессе.

«...Как же пожалеет когда-нибудь Олег о своей пассивности, апатии, безразличии к исходу четвертьфинального матча, – читал я в «Неделе». – Впечатление было такое, что Олег

сделал всем нам одолжение, выйдя на матч, и тут же разочаровался в себе и товарищах. Ни старания, ни интереса к игре, ни заботы о команде в целом».

«Отнюдь не выглядит красиво, когда Блохин начинает с помощью жестов выражать свое неудовольствие и указывать товарищам по команде на их ошибки», – писала после нашего матча с поляками шведская газета «Экспрессен».

Таких высказываний было много. Всему есть свои причины. И я расскажу, что побуждало меня вести себя на площадке так, как я себя вел.

Прервав на минуту рассказ Блохина, хочу уточнить, что до матча со сборной Польши в прессе почти не было нареканий в адрес советской сборной. Игра же Блохина многими обозревателями оценивалась высоко.

Еженедельник «Футбол -Хоккей» после матча советской команды со сборной Шотландии опубликовал снимок, на котором видно, как Блохина сбивают с ног. Под фотографией такой текст: «Остро действовал в матче с шотландцами О. Блохин. Не раз его пытались остановить недозволенными приемами. Один из таких эпизодов запечатлен на снимке ЮПИ ТАСС».

А вот как во время футбольного обозрения, переданного по ЦТ 4 июля, комментировал фрагменты матча СССР – Бельгия В. Перетури:

«Олег Блохин с каждым матчем действует все лучше и лучше. Посмотрите, как он обыгрывает одного защитника, второго. И передача точна!... Нашим футболистам удастся – быстрая, размашистая игра...»

«Победа с результатом 3:0 меня лично вполне устраивает, – говорил после игры со сборной Новой Зеландии К. И. Бесков специальному корреспонденту „Комсомольской правды“. – И все-таки действиями некоторых игроков – не буду называть имена – я пока не очень удовлетворен. На разборе игры обязательно выскажу им серьезные замечания – Посоветую брать пример прежде всего с Олега Блохина».

В ходе чемпионата (опять-таки до тех пор, пока советская команда не сыграла со сборной Польши) авторитетные в футболе люди, к которым обращались наши тележурналисты, положительно отзывались об игре сборной СССР.

Президент ФИФА Ж. Авеланж: «Мне приятно, что команда Советского Союза снова участвует в борьбе за Кубок мира после нескольких лет перерыва, показывал при этом хороший футбол».

А вот что сказал советским телезрителям Пеле: «Ваши игроки показали неплохой футбол. Может, быть, излишне оборонительный, хотя у вас есть форварды очень высокого класса. Чувствуется и неплохая физическая подготовка советских футболистов, их воля к достижению цели. Встреча между командами Бразилии и Советского Союза стала одной из захватывающих на первом этапе первенства».

«Советская команда оставляет хорошее впечатление, – говорил накануне матча сборных СССР и Польши Франц Беккенбауэр. – Я считаю ее достаточно сильной, демонстрирующей атакующий футбол. На мой взгляд, она является первым номером в группе «А». Думаю, что ваша команда может удачно сыграть в матче против польской сборной и тогда будет интересным матч в полуфинале, где вновь могут встретиться сборные Бразилии и Советского Союза».

Увы... Беккенбауэр ошибся. Со сборной Польши наши футболисты сыграли сверхнеудачно. И если до этого матча игра нашей команды в оценках обозревателей (за редким исключением) выглядела вполне удовлетворительной, то после нулевой ничьей со сборной Польши все дружно принялись критиковать «невывразительную, осторожную, схематичную» игру сборной СССР. Одним словом, критика, по сути дела, имеет определенную точку отсчета – матч СССР – Польша. И действительно, больше всего критических стрел было выпущено по Блохину. Причем критиковали Блохина в основном не за игру, а за поведение на поле. После встречи наших футболистов со сборной Польши на послематчевой пресс-конференции К. И. Бескову даже задали такой вопрос:

– Не считаете ли вы, что своими апелляциями к партнерам, частым выражением недовольства их действиями Блохин мешал им играть?

Бесков ответил:

– Считаю, что в первую очередь он мешал играть самому себе. Он больше разговаривал, нежели играл...

О чем же Блохин «разговаривал»?

На чемпионате мира из-за травмы Буряка я остался без главного моего партнера. А ведь мы с Буряком давно составляли оригинальный тандем. Оригинальный потому, что я почти не знаю случаев, чтобы в такой манере играли полузащитник и нападающий. Обычно тандемы составляли пары форвардов – Федотов – Бобров, Иванов – Стрельцов, Красницкий – Стадник. Причем наш тандем с Буряком был не особенно заметен для соперников. Он был скрыт от них потому, что мы играли на большом расстоянии друг от друга. Но я чувствовал, когда готовит мне длинную передачу Буряк, а Леня знал, когда я сделаю очередной рывок и откроюсь. В интересах команды эту потерю следовало как-то компенсировать. Но, к сожалению, Гаврилов, который раньше умело выполнял роль разыгрывающего полузащитника, на чемпионате почему-то сник. Я все чаще стал – вынужден был! – отходить назад, брать на себя роль разыгрывающего, чтобы быть наиболее полезным команде. К тому же подавал почти все штрафные и угловые удары. А тренеры то и дело обвиняли меня в том, что не забиваю голы.

В день матча со сборной Польши по каким-то еле заметным штришкам я почувствовал, что не все мы внутренне мобилизованы на трудную борьбу. На установке перед игрой мы узнали, что в состав включен Сулаквелидзе и ему отводится роль атакующего полузащитника. Признаться, такому решению многие из нас удивились: почти во – всех играх Сулаквелидзе, как мы говорим, «выпадал» из состава. Забегая вперед, скажу, что и в матче с Польшей атакующего полузащитника из него не вышло. В игре получилось так, что пять человек у нас действовали сзади, пять – впереди. Накануне Бесков снова советовал мне больше играть «на острие».

– А кто же будет разыгрывать? – спросил я у Константина Ивановича.

– Ты отдай мяч Гаврилову, он знает, что с ним делать, – ответил главный тренер.

Бесков верил в Гаврилова до последнего. Мне рассказывали наши запасные игроки, что уже во время матча, когда чуть ли не каждый пас Юры Гаврилова шел в ноги к полякам и все видели, что его следует заменить, Бесков в ответ на такое предложение резко бросил: «Что вы мне будете менять Гаврилова, когда он у меня выполняет работу на двести процентов!»

Но потом эту замену все-таки произвел.

Надо было быть в коллективе для того, чтобы прочувствовать все, что произошло с нашей командой и лично со мной. В матче с поляками я снова вынужден был часто отходить назад. Снова подавал штрафные и угловые. В этой игре не все у нас получалось так, как хотелось бы. А ведь как хотелось ее выиграть: за столько лет один раз выпал шанс попасть в четверку сильнейших команд мира! Н я чувствовал, что выиграть можно. Ведь в первом тайме мы играли довольно активно. Создали даже несколько острых моментов в штрафной площадке соперника. За первые сорок пять минут счет ударов по воротам и угловых был в нашу пользу: соответственно – 5:1 и 6:1. Но во втором тайме что-то разладилось. Команда, как говорят, «подсела». Поляки это почувствовали и сами чаще стали выходить вперед. А мы уже перестали успевать перекрывать направление их контратак. По прицельным ударам второй тайм остался за ними – 7:3. И по угловым поляки были впереди – 4:1. Соперники выглядели более свежими, более раскрепощенными. Не случайно их тренер Пехничек еще до матча говорил: «Нам важно продержаться первые тридцать минут». Да и задача у его команды была полегче. Их устраивала ничья, нам нужно было только выиграть.

Умом-то я тогда понимал, что нужно собраться, взять себя в руки. Но я много энергии тратил вхолостую, и у меня попросту сил не хватило. Произошел психический срыв.

Не мог я молчать, когда наш форвард, потеряв мяч, оставался стоять на месте, вместо того чтобы бежать на помощь своей обороне. В этот момент я и кричал ему: «Давай, беги!» Не мог я молчать, когда полузащитник, вместо того чтобы отдать пас мне под удар, отдавал его... полякам и тут же застывал как вкопанный. Законы коллективной тактики жестки. Совершил оплошность, тут же должен развернуться и бежать назад, попытаться снова завладеть мячом и или, на худой конец, своим появлением сзади создать численное преимущество в обороне.

Но мой партнер останавливался и, присев на одно колено, начинал аккуратно шнуровать бутсы... Я-то понимал, почему он это делал – устал. К тому же и огорчен тем, что по его вине

мяч перехвачен соперниками. Но по своему опыту знаю: нет лучшего способа преодолеть усталость, чем, потеряв мяч, быстро побежать назад. Одним словом, через «не могу» заставить себя двигаться. И тогда обязательно придет второе дыхание. А если у игрока одна пауза сменяется другой, то усталость и апатия берут верх. И я подбегал к полузащитнику, кричал ему: «Давай, беги назад! Возвращайся!»

Каждый раз думая о том, что произошло со мной в Испании, я понимаю, что был не прав. Не следовало себя так вести. Но когда я сам себе задаю вопрос: «А если бы все повторилось снова?» – то начинаю сомневаться, удалось бы мне сдержаться или нет. Трудно молчать, когда партнеры вдруг перестают делать на поле даже то, что легко делали в прежних играх.

В последний период работы над книгой, уже после испанского чемпионата мира, я видел, как переживал Блохин неудачу сборной. Огорчения у Олега вызывала и критика. Чересчур экспансивное поведение Блохина на поле произвело неприятное впечатление на нашу и международную прессу, на советских телезрителей. Но всему есть причины. Попробуем в них разобраться.

Избыток темперамента не раз подводил Блохина. В 1981 году Эдуард Стрельцов написал о Блохине такие строки: «Он настоящий артист своего дела. И выполняет его довольно убедительно. Поэтому мне не всегда нравятся его театральные гримасы, его жесты руками. Знаю, это – от длительного сдерживания эмоций, ведь он очень терпеливый в игре, а терпеть приходится часто. И все-таки, Олег, скажу: спрячь лишние эмоции – ты много от этого выиграешь в глазах людей».

Впрочем, к этому времени Блохин и сам понимал, что он очень выиграл бы во всем, если бы спрятал лишние эмоции. В конце сезона 1981 года кое-кто из друзей его даже спрашивал: «Олег, что случилось? Ты ни с кого не взываешь, ни на кого не покрикиваешь, не споришь с судьями?!»

А между тем на чемпионате мира Блохин, по его собственному признанию, сорвался. Что с ним произошло? Отчасти он уже объяснил это сам. Но это еще не все...

Блохин – игрок, большое достоинство которого состоит в том, что у него очень быстрый бег. К тому же он обладает замечательным стартовым рывком. Его партнеры знают, что Блохину надо давать пас за спины соперников. И в киевском «Динамо», и в сборной страны такие пасы ему великолепно давал Буряк, то и дело бросавший Блохина в прорыв. В Испании Буряк не выступал. Кипиани, который мог бы его заменить, оказался за бортом сборной. Гаврилов же, который тоже умеет так играть, почему-то сник. Привычная игра стала для Блохина невозможной. Один же он играть не мог. Один, как известно, в поле не воин. Даже если это поле футбольное. И для многих обозревателей, специалистов и просто болельщиков поведение Блохина на полях Испании было понятно: Олег пытался возбудить в партнерах энергию и желание играть в футбол.

«Сборная СССР вызвала в тот вечер большое разочарование, – отметил в репортаже из Мадрида обозреватель шведской газеты «Дагенс нюхетер» после матча нашей команды с поляками. – С небольшой долей преувеличения я осмелюсь утверждать, что у нее был лишь однажды за весь матч шанс забить гол. Так получилось потому, что нападение у русских фактически отсутствовало, а для Гаврилова это был черный день на чемпионате. Честно говоря, я по-человечески понимаю Блохина и его недовольство игрой своих товарищей».

Преданность Блохина футболу несомненна. Известен и его темперамент, бьющий через край. Но он не позер, он никогда не играл на публику или для судей. Его жесты – это отражение его переживаний, которые, к несчастью, он не мог, не умел скрыть.

Возникает резонный вопрос: почему тренеры сразу не одернули Блохина? Почему, наконец, не посадили на скамейку запасных? Увы, ведущей роли тренеров на этот раз не чувствовалось. И правы, видимо, те специалисты и обозреватели, которые критиковали новинку советского футбола – тренерский квинтет. Образно свое мнение на этот счет высказал известный специалист из ФРГ Дитмар Крамер:

«Советскую сборную готовили к чемпионату пять тренеров. Мне кажется, что это было ошибочным решением. У нас есть меткая поговорка: много поваров только портят кашу. Пусть простят меня футболисты, но иногда я их сравниваю с детьми. Когда дети в одной семье знают, что мама позволит то, что запрещает папа, а дедушка и бабушка дадут

то, что они не получают от родителей, воспитанию приходит конец, и дети растут избалованными».

На чемпионате мира тренеры нашей сборной, на мой взгляд, растерялись. Ведь не только в игре с поляками, но и в матче с бельгийцами мы выглядели не лучшим образом, а тренеры почти не управляли командой. Достаточно сказать, что матч со сборной Бельгии был нами выигран благодаря вмешательству одного из руководителей нашей делегации. Откровенно говоря, мне это вмешательство не очень-то понравилось. Как не может понравиться мнение некомпетентного человека, да еще высказанное безапелляционным тоном. В Испании в тот момент с нами было пять тренеров. Но все они угрюмо молчали. И знаете, это вмешательство, в других обстоятельствах нетерпимое, помогло. Во втором тайме команда задвигалась, забегала! И забила гол!

После нашего испанского фиаско из статьи в статью кочевала одна фраза о том, что я на чемпионате мира не стал лидером. Рассуждения о лидере в футболе, на мой взгляд, не очень-то обоснованны. Этот – лидер! А кто же остальные? Разумеется, мировой футбол знает примеры ярко выраженных лидеров команды: Пеле, Беккенбауэр, Круифф. Но ведь такие случаи единичны! Кого, к примеру, можно было бы назвать лидером киевского «Динамо» в сезоне 1975 года, когда нас называли лучшей командой Европы? Колотова? Мунтяна? Веремеева? Буряка? Решко? Онищенко? Трошкина? Пусть на короткий игровой момент, но каждый из них мог взять на себя роль лидера. Каждый мог сыграть так, чтобы создать своим партнерам возможность забить гол. У нас, в «Динамо»-75, не было лидера, а была очень дружная, монолитная, сплоченная команда. Коллектив. Я вообще не согласен с тем, что в футбольной команде должен быть один лидер...

Уроки XII чемпионата мира многому меня научили. Я повзрослел, если позволительно так говорить в тридцать лет, – и в футбольном, и в чисто человеческом отношении, я чувствую, что могу еще играть. В год XIII чемпионата мира мне исполнится тридцать четыре, и я мечтаю быть его участником.

До этого мечтал, правда, об участии в финале чемпионата Европы. Но, увы... Сезон 1983 года для моего клуба и для сборной в актив не запишешь. В чемпионате страны киевское «Динамо» (уже под руководством Ю. Морозова) скатилось аж на 7-е место. Так низко за все мои годы выступлений мы в турнирной таблице еще не опускались. Наша игра явно разладилась. В поисках оптимального варианта состава новый старший тренер то и дело менял игроков. Шутка ли, за один лишь футбольный сезон футболки основного состава киевского «Динамо» надевали 26 человек! Но большинство из них оказались калифами на час: после одного – двух матчей в основном составе вновь попадали на скамейку запасных. Тренеры нередко доверяли судьбу команды футболистам, которые по уровню игры явно не соответствовали команде высокого международного класса, каким все эти годы считалось киевское «Динамо». Где уж тут при такой чехарде партнеров говорить о сыгранности, коллективной тактике, стабильности результатов. Команду лихорадило весь сезон. Мне, правда, удалось забить 10 голов и довести счет забитых мячей в чемпионатах страны до 183 (а общее число голов, забитых в официальных играх за сборную и клуб, перевалило за 250), но, поверьте, когда не ладятся дела у команды, личные достижения мало радуют: футбол – игра коллективная.

Печально закончилось и выступление сборной-83, главным тренером которой был В. Лобановский, сменивший на этом посту К. Бескова. В Лиссабоне мы проиграли последний отборочный матч чемпионата Европы команде Португалии – 0:1. Осечка и лишила нас права выступать в финале первенства континента. Все это при том, что до осеннего матча с португальцами наша команда ни разу не проигрывала. Мы, кажется, порадовали наших болельщиков мощной игрой и уверенными победами (жаль, что только на своем поле!), когда весной буквально разгромили тех же португальцев (5:0), а осенью взяли верх над сборной Польши (2:0). До заветной путевки на финал оставалось только полшага, но мы споткнулись на самом финише. Жаль. Этим поражением сборная словно бы перечеркнула свои предыдущие успехи. В чем же главная причина неудачи в Лиссабоне? Я согласен с председателем Федерации футбола СССР Б. Н. Топорниным, который на аналогичный вопрос дал, на мой взгляд, очень точный ответ: «Каждый раз программа сбора накануне матчей была фактически

одинаковой. Не учитывались особенности весеннего, летнего и осеннего периодов. Не учитывалась в последний раз и усталость игроков...»

И все-таки в сезоне-83 были и праздники на нашей футбольной улице. Впервые золотые медали чемпионов СССР достались команде «Днепр», которая во многих матчах показала яркий, самобытный, а главное, что для меня особенно приятно, – атакующий футбол. На международной арене в официальных европейских турнирах достойно представляли советский футбол московский «Спартак», минское «Динамо» и донецкий «Шахтер». Да и олимпийская сборная страны под руководством нового старшего тренера, заслуженного мастера спорта Э. Малофеева в целом ряде матчей показала вполне современную игру. Нет, все-таки наш футбол не стоит на месте. Как же при этом не помечтать об участии в будущем чемпионате мира (разумеется, если главная команда страны завоюет туда путевку, а меня еще включат, в ее состав)?!

Что принесет будущий чемпионат нам, советским футболистам, и многомиллионной армии наших болельщиков? Футбол – это веселье и уныние. Одна команда побеждает, другая проигрывает, поэтому миллионы людей одновременно испытывают радость и грусть, восторг и огорчение. Но при этом не стоит забывать, что футбол – это игра. Не стоит из грусти, навеянной поражением, делать трагедию. Впрочем, как и не следует преувеличивать иные победы. На футбольных полях всегда будут победители и побежденные. Таков мой прекрасный вид спорта, который в дни чемпионатов мира, словно длинный мост, соединяет все континенты. Ведь спорт не имеет границ. Спорт – это дружба и мир.

...Почти двадцать лет я играю в футбол. Тренировки, перелеты, переезды, матчи, голы, промахи, победы, поражения, радости, огорчения, травмы... Помню, как на встрече с рабочими в комбинате печати «Радянська Україна» меня спросили: «Не устаете ли вы от футбола?»

Мне хотелось ответить искренно. Иногда устаю. Особенно когда наслаиваются тренировки, перелеты, игры... Не успеваешь восстанавливаться и выходишь на поле без огонька, без вдохновения и вместо азартной игры просто выполняешь определенную работу. Конечно, изо всех сил преодолеваешь себя, но... В такие минуты, честно говоря, футбол не мил. Но это частности. А если по большому счету, я ведь люблю футбол, а разве можно устать от любви? Футбол моя жизнь, в которой я отстаиваю свое право на гол...